

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1905.

№ 12.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Языческій мифъ о золотомъ вѣкѣ и Мессіанскія чаянія іудеевъ <i>Е. Воронцова</i>	603—635
Ассиро-вавилонскіе памятники и Ветхій Заветъ <i>П. Ф. Н.</i>	636—714
Внѣшнія и внутреннія условія миссіонерской проповѣди христіанства въ первые три вѣка. Переводъ <i>Ан. Спасскаго</i>	715—740
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Святоотеческое ученіе о нематеріальности или духовности человѣческой души. <i>В. Давыденко</i>	397—410
Судьба теоріи саморазвитія. <i>Смотрителя Новоторжскаго духовнаго училища Священника Іанова Галахова</i>	411—420
III. ИЗВѢСТІЯ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Начальства къ свѣдѣнію и исполненію настоятелямъ церквей и монастырей епархіи—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Куулинскаго Духовнаго Училища.—Отъ Богодуховскаго Уѣзднаго Отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1904—1905 учебный годъ.—Краткій отчетъ о состояніи Харьков. Епар. Жен. Учл. за 1904—1905 учеб. г.—Списокъ воспитанницъ Харьков. Епарх. Жен. Училища, которыя за свойство успѣхи в отдѣльномъ благочиніи, по опредѣленію Совѣта, награждены дворянскими званіями.—Списокъ воспитан. в вѣд. Харьков. Епарх. Жен. Учл. окончившихъ курсъ и получив. аттестаціи.—Разрядной списокъ воспитан. Харьк. Духов. Сем., составленный по окончаніи 1904—1905 уч. г. Разрядный списокъ воспитан. Куулинскаго Духовн. учл., составленный въ собраніи Правленія училища 23 мая 1905 г. за 1904—1905 уч. г.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Хар. Дух. Сем., за 1905 г.—Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовн. Учл., съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Куулинскомъ Дух. Учл. за 1905 г.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ Дух. Учл. за 1904—1905 уч. г.—II. Мысли и чувства духовнаго пастыря въ день его хиротоніи. <i>Священника Дмитрія Ромашикова</i> .—Два слова на „критику“ г. <i>К. Д. Боголюбова</i> .—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., л. № 17

1905.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лннїи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы вѣлючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣваемъ.

Евр. XI

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Іюня 1905 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Языческій миѳъ о золотомъ вѣкѣ и Мессіанскія чаянія іудеевъ.

Нѣмецкій поэтъ Шиллеръ, глубокій психологъ и талантливый наблюдатель, нашель, что мечты о лучшемъ будущемъ при-сущи каждому человѣку: „Много говорятъ и мечтаютъ люди о грядущихъ лучшихъ дняхъ“ (стихотвореніе „Die Hoffnung“). Дѣйствительно, трудно встрѣтить человѣка, ничего не ожидающаго отъ будущаго, безъ особаго плана ввѣряющаго свой жизненный членъ всеувлекающему потоку времени: во всякомъ возрастѣ, при всѣхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни человѣкъ чего-либо ищетъ, на что-либо надѣется. Люди тупо, безразлично относящіяся къ грядущему, всецѣло поглощенные настоящею минутою, по справедливому мнѣнію Паскаля: *deserteurs de l'ordre general*—отступники отъ общаго порядка. Большинству свойственъ специфическій *horror vacui*—отвращеніе отъ пустоты, ненаполненное ничѣмъ будущее трудно мыслится, здѣсь нужны образы. Таковъ психологическій генезисъ естественнаго поэтизированія будущаго, превращающій всѣхъ людей въ поѳтовъ мечтателей, улавливающей самыя трезвыя умы и самыя повидимому сухія души. Мѣняясь до безконечности въ зависимости отъ условій индивидуальной жизни различныхъ людей, мечта о золотомъ будущемъ отразилась и въ литературныхъ памятникахъ двухъ культурныхъ сферъ древняго человѣчества: въ мірѣ арійскомъ въ разработанной сагѣ о золотомъ вѣкѣ, въ мірѣ семитическомъ—іудейскомъ въ грубо-чувственныхъ *Мессіанскихъ чаяніяхъ*, затмившихъ идею о духовномъ Царѣ—Искупителѣ отъ грѣха и смерти.

Преданіе о золотомъ вѣкѣ и чаяніе его возвращенія въ будущемъ на землю имѣетъ въ тайникахъ человѣческаго духа свою несомнѣнную первооснову, но на ней, какъ на базисѣ, складывается зданіе міа изъ разнородныхъ исторіей привносимыхъ камней. Между общечеловѣческимъ мечтательнымъ опoэтизированиемъ будущаго и литературнымъ продуктомъ, какой изучаетъ историческая наука,—конечно, далекое разстояніе: первое—непосредственный лeпeть человѣческаго духа, инстинктивно задающагося вопросомъ о смыслѣ жизни и о своемъ будущемъ, —второй—результатъ долговременной работы различныхъ факторовъ. Причины, вызвавшія общія для римлянина и іудея чаянія грядущей полноты земного счастья,—были въ основѣ—одинаковы, но на эту основу исторія положила разнообразныя слои и узоры. Евреи, слыша слова пророковъ о славѣ Іудей, не могли мириться съ ея привиженымъ положеніемъ среди державъ древняго востока, отсюда они лeпeтъ мечту о Мессіи побѣдителей и завоевателей, дарующемъ народу то преимущественное положеніе, къ какому предназначали страну пророки;—язычники греко-римскаго міа дошли до крайнихъ предѣловъ чувствeнности: они электризовали свое воображеніе картинами непрерывнаго пира, а лучшіе среди нихъ, какъ Виргилій, жаждали чуда отъ боговъ для обновленія разлагающейся жизни, для апофеоза чeлoвѣка. Одни язычники привывали колдунью Цирцею, которая превратила бы ихъ въ бессловесныхъ, другіе искали иной сверхчеловѣческой жизни—*vita deorum*. Основываясь на фактѣ первобытнаго общечеловѣческаго монотеизма, многіе изслѣдователи убѣждены, что чаянія лучшаго будущаго у язычниковъ—отзвуки Первооткровенія. Пусть это такъ: во всякомъ случаѣ тѣ кривыя и ломанныя пути, какіе избираетъ себѣ теософская мысль язычниковъ, побуждаютъ допускать и содѣйствіе естественнаго фактора, именно человѣческихъ чаяній лучшаго будущаго,—выработкѣ миѣческихъ концепцій относительно грядущихъ судебъ чeлoвѣчества. Даже признавъ, что верховья всѣхъ потоковъ теософической мысли—въ одномъ горномъ узлѣ, мы должны допустить, что они быстро расходятся въ разныя стороны. Было бы ошибочно ограничивать кругъ миѣческихъ сказаній о зо-

лотомъ вѣкъ, минувшемъ, но имѣющемъ возвратиться, исключительно преданіями на этотъ счетъ въ древне-классическомъ мірѣ, гдѣ смутные слѣды Первооткровенія дѣйствительно могли быть освѣжены чрезъ соприкосновеніе съ іудейской религіозной мыслью и культурою, благодаря іудеямъ разсвѣнія: несомнѣнные слѣды представленій о золотомъ вѣкѣ мы находимъ и у вѣвропейскихъ народовъ древности. Античные мексиканцы сохранили преданіе о золотомъ вѣкѣ въ такой легендарной формѣ: Нѣкогда въ ихъ землѣ царствовала крылатый змѣй; тогда сами собою произрастали огурцы, величиной съ ростъ человѣка, хлопокъ самъ окрашивался въ различные цвѣта; въ природѣ слышался вѣчный концертъ по причинѣ обилія пернатыхъ пѣвцовъ. Это счастливѣйшее время возвратится, когда крылатый змѣй вновь появится въ золотомъ чертогѣ. Древніе индусы, несмотря на то, что обитали въ роскошнѣйшей подтропической странѣ, пессимистически созерцали міръ: все идетъ къ худшему, говорили они, однако когда судры (низшая рабствующая каста) станутъ царями, а паріи и чадалы (покоренные аборигены Индостана и незаконорожденные отъ смѣшенія кастъ) получатъ общія съ другими права, не замедлитъ явиться Вишну, третій членъ Индійской Тримурты, на бѣломъ конѣ, имѣя мечъ въ видѣ пылающей кометы; онъ очиститъ мечемъ все дурное, изгонитъ его съ земли,—тогда вновь наступитъ счастливое время жизни. У древнихъ египтянъ было ученіе о т. н. соиическомъ періодѣ, извѣстной эпохѣ міробытія, въ концѣ которой все вновь достигаетъ совершенства; это египетское ученіе имѣло помимо натуралистической подкладки несомнѣнно и психологическій источникъ. Въ парсизмѣ есть легенда о Фредунѣ, приковавшемъ змѣю Азы-дехакъ на 9000 лѣтъ къ вулкану Демавендъ въ Парамизской горной цѣпи на югъ отъ Каспійскаго моря и произведшемъ чрезъ этотъ актъ благоденствіе всѣхъ земныхъ жителей. Въ легендахъ тюркскихъ племенъ Средней Азіи также нерѣдки повѣствованія о побѣдахъ надъ чудовищами, причѣмъ однѣ изъ этихъ побѣдъ относятся къ прошлому, другія проектируются въ будущемъ, какъ начало лучшей поры жизни и земнаго счастія. Персидской религіи—маздеизму также не чужда идея о буду-

щихъ счастливыхъ временахъ; основное представленіе въ маздеизмѣ—борьба Аура-Мазды съ Агра-Меніусомъ, начала добра и свѣта съ источникомъ зла и мрака, причемъ конечнымъ исходомъ борьбы мыслится торжество свѣта, разцвѣтъ человѣческой жизни на землѣ. Какъ совершится эта побѣда Аура-Мазды, персидская религія не рѣшаетъ прямо и положительно, она довольствуется смутными мнѣическими образами, обычно олицетворяющими борьбу стихійныхъ силъ, но во всякомъ случаѣ начало золотого вѣка здѣсь ставится еще въ связь съ явленіемъ особаго лица, Сосіюша или Саошіанга, который, повинувъсь Аура-Маздѣ, сначала воскрешаетъ первозданнаго человѣка, Кайомортса, а потомъ и прочихъ людей въ теченіи многихъ лѣтъ; воскресшіе будутъ счастливы, они не будутъ принимать пищи и отбрасывать тѣни отъ своихъ тѣлъ. Съ воскресшими возликують и всѣ люди; Плутархъ со словъ перса Теопомпа говорилъ, что послѣ побѣды Аура-Мазды будетъ у людей единство во всемъ. Персидскія идеи воздѣйствовали впоследствии на манихеевъ въ ученіи ихъ о міровомъ годѣ, какъ объ эпохѣ возвращенія прожитыхъ состояній.

Въ классическомъ мірѣ впервые идея о золотомъ вѣкѣ на землѣ появилась у т. н. ореическихъ поэтовъ, подражателей лирѣ вдохновеннаго, полумнѣическаго Ореея. Сущность разсматриваемой идеи ореиковъ заключается въ томъ, что они дѣлятъ міробытіе на рядъ эпохъ, эоновъ, вѣка золотой, мѣдный, желѣзный, указывая специфическія особенности каждаго періода; названіе вѣковъ по металламъ не имѣетъ здѣсь того значенія, какъ въ антропологіи, оно просто констатируетъ постепенный упадокъ, регрессъ человѣчества. Для ознакомленія съ общимъ характеромъ древне-греческихъ идей о золотомъ вѣкѣ удобно избрать дидактическую поэму Гезіода „Дни и труды“, гдѣ интересующая насъ эпоха описывается въ слѣдующихъ чертахъ: Земля была пріятнымъ, свѣтлымъ раемъ, здѣсь не было скорбей и тяжелаго труда; частице,—на землѣ царила улыбающаяся весна безъ бурь и непогодъ, людямъ были неизвѣстны болѣзни и дряхлая безпомощная старость, съ лѣтами у нихъ не притуплялась способность пользоваться жизненными наслажденіями, смерть походила на засыпаніе. Не-

воздѣлываемая земля отличалась плодоносіемъ, отъ изобилія всѣхъ благъ людямъ была не знакома зависть, при такой жизни господствовалъ всеобщій миръ. Умершіе въ періодъ золотого вѣка были поставлены богами хранителями людей въ слѣдующихъ вѣкахъ, — они небесные покровители и невидимые распорядители судьбою грядущихъ поколѣній. Въ дальнѣйшихъ вѣкахъ за золотымъ наступаетъ нравственный и физическій регрессъ человѣка, такъ что въ мѣдномъ вѣкѣ жизнь счастливыхъ уже локализуется: не вся земная поверхность, но только особые океаническіе острова служатъ ихъ пребываніемъ: здѣсь трижды въ годъ бываетъ цвѣтеніе растений — созрѣваніе плодовъ. Такъ у Гезіода уже замѣтна склонность преобразовать миѳъ историческій о золотомъ вѣкѣ, какъ отдаленной эпохѣ жизни человѣчества, въ миѳъ географическій чрезъ отведеніе для жительства счастливыхъ людей особыхъ таинственныхъ уголковъ на землѣ. Но во всякомъ случаѣ поэтъ цѣпляется за розовыя мечты и ищетъ для нихъ того или иного обоснованія.

Въ Римской поэзіи миѳъ о золотомъ вѣкѣ разрабатывается именно въ этихъ двухъ направленіяхъ — историческомъ и географическомъ. Представителемъ перваго изъ указанныхъ направленій выступаетъ Вергилій въ „Георгикахъ“, дидактической поэмѣ о земледѣліи и другихъ занятіяхъ сельскаго хозяйства; что касается до 4 эклоги Вергилія, получившей обширную извѣстность по приписанію ей характера Мессіанскаго пророчества, то мы выдѣляемъ ее изъ цикла произведеній Римской словесности, обрабатывающихъ миѳъ о золотомъ вѣкѣ въ узко-утилитарномъ, языческомъ духѣ, но несомнѣнной связи этой эклоги съ религіозной поэзіей Александрійскихъ эллинистовъ. Описаніе золотого вѣка Сатурна дано Вергиліемъ въ первой книгѣ Георгикъ косвеннымъ образомъ въ рѣчи о вѣкѣ Юпитера, слѣдовавшемъ за временами Сатурна. Юпитеръ первый побудилъ людей заняться земледѣліемъ, отягчая ихъ сердца заботами, состояніе людей періода золотого вѣка Вергилій характеризуетъ словомъ *veternus* — *старики*, абсолютный отдыхъ. На поляхъ въ вѣкѣ Сатурна не было границъ, дѣленіе земли между людьми было недозволено, царить полнѣйшій коммунизмъ, и земля безъ трудовъ земле-

дѣльцевъ давала всѣмъ все нужное. Юпитеръ далъ ядъ змѣямъ, научилъ волковъ охотиться, всколыхалъ море, отряхнулъ медь съ листьевъ, скрылъ огонь и уничтожилъ широкіе потоки вина. Въ этомъ описаніи дѣятельности Юпитера *implicite* даны черты предыдущаго Сатурнова вѣка: отсутствіе всего вредоноснаго въ природѣ физической, обиліе всего нужнаго для человѣка. Въ золотой вѣкъ Сатурна люди брали медь прямо съ листьевъ и питались желудями (Виргилій останавливается на обильномъ запасѣ пищи, какой представляетъ Додонскій дубовый лѣсъ для вегетаріанцевъ золотого вѣка), лишь въ болѣе печальныя времена Юпитера люди занялись звѣроловствомъ и рыболовствомъ на морѣ и на рѣкахъ. Праздникъ Сатурвалій въ Римѣ всегда отличался прекращеніемъ работъ въ напоминовеніе о канувшихъ въ Лету благахъ царства Сатурна, и въ астрогнозіи древнихъ латинянъ Сатурнъ всегда считался дѣнною медлительною звѣздою—*sidus lente*.

Горацій въ 16 эподѣ даетъ иной очеркъ золотого вѣка, разрабатывая мнѣе географическій о странѣ счастливыхъ, каковою иногда называли и землю Гипербореевъ. Отъ изображенія политическаго состоянія одряхлѣвшей Италіи Горацій переносится мыслью къ океаническимъ островамъ, населеннымъ блаженными людьми, гдѣ процвѣтаетъ и могучая флора. Въ странѣ счастливыхъ невоздѣланная земля приноситъ въ обиліи зякъ. Цереры, виноградники цвѣтутъ безъ подрѣзыванія, смоковницы и оливы даютъ много побѣги. Тамъ медь каплетъ изъ дупла дубовъ, на высокихъ скалахъ струится вода, пріятная, какъ амброзія и нектаръ; тамъ козы съ растянутымъ отъ молока выменемъ сами идутъ на удои, медвѣдь не обходитъ съ рычаніемъ овчарни по вечерамъ, земля не вздувается отъ закапывающихся въ нее змѣй. Климатическія условія страны счастливыхъ—самыя благопріятныя: дождливыя западныя вѣтры не взрываютъ полей шумливыми потоками, а жирныя сѣмена не высыхаютъ отъ трескающей почвы; скоту не вредитъ здѣсь зараза, нѣтъ зловѣщаго вліянія свѣтилъ, отъ котораго скотъ становился бы безплоднымъ. Юпитеръ отдѣлилъ эти острова для жительства благочестиваго рода и ихъ уединилъ отъ прочаго міра: сюда не приплываетъ ко-

рабль изъ Арголиды, сюда не заносить нога безстыдной Колхиды, однимъ словомъ, прилежная толпа чужеземцевъ не появляется на этихъ островахъ. Ясно, что Гораций стремился изобразить чудный оазисъ въ той пустынѣ, среди которой гомится человѣческій родъ въ мѣдномъ и желѣзномъ вѣкахъ, но онъ хотѣлъ, чтобы эта счастливая страна имѣла своихъ особыхъ обитателей, которые стояли бы внѣ сношеній съ прочимъ міромъ, пагубныхъ въ нравственномъ или экономическомъ отношеніи, — разумѣемъ разработку богатствъ чудной страны чужими людьми. Вѣкъ Римскаго цезаризма былъ эпохою высшаго могущества Рима, но не временемъ наивысшаго счастья. Безъизвѣстные туманные уголки земли представлялись поэту прячущими особую лучшую породу людей, не знающихъ никакихъ заботъ и трудовъ въ воздаяніе ихъ добродѣтели. Утопическія картины, рисуемыя поэтомъ, представляютъ не простой моральный урокъ, онѣ обусловлены и неудержимою потребностью человѣческаго духа желать и мечтать о безоблачномъ счастьи.

Четвертая эклога Виргилія, возможно, стоитъ подъ воздѣйствіемъ іудейской сивиллистики. Книги сивилль — экклектическій памятникъ, гдѣ соединенъ слѣдъ языческой миѣнки, іудейской теософіи и христіанскихъ нравственныхъ идей. Къ столкновенію культурныхъ міровъ приложима аналогія физическаго удара тѣлъ: здѣсь имѣетъ мѣсто взаимодействие; для язычниковъ элинисты послужили проводниками монотеистическихъ идей, для іудеевъ разсѣянія языческой міръ явился школою литературно-философскаго воспитанія. Направленіе къ восточной мудрости характеризуетъ позднѣйшую классическую литературу; несмотря на внѣшне-презрительное отношеніе къ „*barbara superstitio*“, какъ именовали язычники Рима іудейскую религію, возвышенный спиритуализмъ еврейскихъ вѣрованій привлекалъ внутренно, духовно многихъ и *taeterrima gens* гнусный родъ іудеевъ находилъ не мало сторонниковъ повсюду въ греко-римскомъ мірѣ. Особенностью четвертой эклоги Виргилія сравнительно съ другими поэтическими произведеніями, воспѣвающими золотой вѣкъ, служитъ чаяніе скораго возвращенія счастливаго времени, равно нѣсколько духовныхъ

черть въ самомъ описаніи золотого вѣка. Виргилій обѣщаетъ новорожденному ребенку Полліона, которому посвящена эклога, общеніе съ небожителями; дитя, достигнувъ зрѣлости, будетъ проводить жизнь боговъ, войдетъ съ ними въ общую связь, тогда и всѣ люди столь измѣнятся, что какъ-бы уподобятся новой породѣ—*nova progenies*. На землю снизойдетъ дѣва, подъ которой толкователи Виргилія видятъ Эригону, дочь богини правосудія Фемиды, представляемую дѣвственницею по причинѣ неподкупности и чистоты правосудія, слѣдовательно, по эклогѣ настанетъ торжество правды на землѣ. Всѣ пути станутъ проходимыми, говоритъ Виргилій,—это —предуказаніе на грядущее господство мира между народами и отдѣльными людьми. Дальнѣйшія черты золотого вѣка, возвращающагося на землю, совпадаютъ въ четвертой эклогѣ съ разобранною уже рѣчью „Георгикъ“ о вѣкѣ Сатурна,—здѣсь то же допущеніе, что исчезнутъ ядовитыя растенія и змѣи, обманчивыя по наружности; между животными воцарится дружба, и они станутъ кротки по отношенію къ человѣку. На поляхъ безъ воздѣлыванія будетъ зрѣть тучная пшепца, на некультивированныхъ лозахъ будутъ краснѣться грозды, на дубахъ будетъ являться медъ, какъ выпотѣніе; окраска волны у овецъ сама будетъ измѣняться на багровую и шафранную; утомленные быки будутъ разрѣшены отъ тяжелаго ярма, колыбель младенца Полліона будетъ усыпана роскошнѣйшими цвѣтами, каковая черта по Гинкмару означаетъ благословеніе боговъ. Резюмируя разнообразное содержаніе четвертой эклоги Виргилія, нужно сказать, что она ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ полноты счастья для человѣка, причемъ оно полагается не только въ обиліи даровъ природы, но и въ общеніи съ небожителями. Виргилій здѣсь идетъ далѣе Теокрита, котораго подражателемъ выступаетъ въ эклогахъ: Теокритъ въ своихъ идилліяхъ воспѣваетъ простоту жизни и господство любви въ золотомъ вѣкѣ,—сладкій отдыхъ подъ тѣнью деревьевъ въ полдень при чарующихъ звукахъ пѣнія птицъ и своеобразной мелодіи падающаго ручейка. Покой на лонѣ могучей природы, заботливо ласкающей человѣка, и союзъ людскихъ сердець— вотъ идеаль быта золотого вѣка по Теокриту; Виргилія эта

простая сельская идиллія не удовлетворяетъ: онъ жаждетъ иной высшей жизни, апсееоза человѣка. Любопытно, что средне-вѣковое сказаніе ведетъ Апостола Павла къ могилѣ Virgilia и заставляетъ проливать надъ ней слезы по величайшемъ изъ язычниковъ, стоявшемъ на порогѣ христіанства, а средневѣковый ваятель нерѣдко помѣщалъ фигуру Virgilia и Кумской сивиллы наряду съ изображеніями ветхозавѣтныхъ пророковъ надъ порталами готическихъ храмовъ. Во всякомъ случаѣ четвертая эклога Virgilia отражаетъ нѣсколько мистицизмъ той эпохи, когда падалъ культъ антропоморфныхъ боговъ и призрачныя божества неба готовились дать мѣсто истинному Господу неба и земли. Іудейство съ его пышнымъ ритуаломъ очищеній и жертвоприношеній соотвѣтствовало желаніямъ многихъ язычниковъ избавиться отъ скверноты грѣха, отсюда удобная почва для прозелитизма язычниковъ, для воспринятія языческимъ міромъ іудейскаго религіознаго идеала въ свое міросозерцаніе. Въ стремленіи къ счастливому будущему, къ обновленію міра, природы и человѣчества язычество вступало невольно въ общеніе съ іудействомъ, жаждало времени, когда будутъ осушены слезы на землѣ, и для плачущихъ взойдетъ радуга. Грубо чувственыя Мессіанскія ожиданія еврейскаго народа были не только продуктомъ общечеловѣческихъ чаяній грядущаго земнаго рая, но и въ значительной мѣрѣ обусловлены неправильнымъ толкованіемъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Во второй книги сочиненія „περὶ ἀρχῶν“ Оригенъ высказалъ убѣжденіе, что іуданстическія Мессіанскія тенденціи коренятся на буквализмѣ въ пониманіи пророчествъ: конкретныя черты, въ какихъ рисуется Мессіанское царство пророками, не будучи понимаемы духовно, говорятъ повидимому только о земномъ Іерусалимѣ, обиліи чувственныхъ благъ въ Іудеѣ, объ ея гегемоніи надъ окрестными народами. Военные успѣхи Іудеи здѣсь изображены весьма наглядно, равно ея политическій гнетъ надъ языческимъ міромъ, духовныя представленія о Мессіанскомъ царствѣ здѣсь чередуются съ условными описаніями, символическія описанія сопоставляются съ историческими предубаженіями. Буквальное пониманіе пророчествъ объ Іудеѣ создало утопическія чаянія грядущихъ земныхъ утѣхъ

Мессіанскихъ временъ въ іудаизмѣ, и даже часто фактическія черты картины Мессіанскаго царства въ талмудѣ и мидрашахъ можно утверждать на Писаніи въ его превратномъ пониманіи. Въ Кетуботъ Вавилонскаго талмуда, напримѣръ, говорится о чудесномъ развитіи растительности въ Мессіанское время, однако эта чудовищная флора требуется всеобщимъ питаніемъ растительной пищею, на что есть указанія у пророка Исаи въ 11 главѣ. Такъ указанная и другія подобныя мысли въ внѣбиблейской іудейской письменности представляютъ неправильное предомленіе Библейскихъ идей въ душѣ позднѣйшихъ евреевъ, жаждавшихъ не Солнца правды и исцѣленія въ лучахъ Его (Малахія), но грознаго Владыки, пасущаго язычниковъ желѣзнымъ жезломъ и открывающагося міру въ крови и блескѣ огня. Состояніе Іерусалима въ Мессіанскую эпоху представляется въ такихъ чертахъ по пророчествамъ: во-первыхъ, городъ сохраняетъ значеніе центра новой болѣе совершенной и универсальной теократіи „Сдѣлаетъ Господь Саваоѣ на этой горѣ для всѣхъ народовъ трапезу изъ тука костей и самыхъ чистыхъ винъ (Исаи 25, 6); въ послѣдніе дни гора дома Господня будетъ поставлена во главу горъ, и къ ней потекутъ народы (Мих. 4, 1); предъ Сіономъ появится собраніе разноязычныхъ прозелитовъ на коняхъ, на колесницахъ, на носилкахъ, на мулахъ и на верблюдахъ (Исаи 26, 20). Описаніе внѣшняго вида Іерусалима Мессіанскаго времени также говоритъ о невиданномъ великолѣпнѣ; у Исаи читаемъ такое обращеніе Господа къ Іерусалиму: вотъ Я положу камни твои на рубинахъ и сдѣлаю основаніе твое изъ сапфировъ и сдѣлаю дома твои изъ рубиновъ и ворота твои изъ жемчужинъ и всю ограду твою изъ драгоценныхъ камней (54, 11—13). Какъ бы отголоскомъ этого пророчества является образъ грядущаго состоянія Іерусалима въ некапопическихъ книгахъ Ветхаго Завѣта; въ кн. Товита читаемъ: Іерусалимъ отстроенъ будетъ изъ сапфира и смарагда и изъ драгоценныхъ камней; стѣны его будутъ изъ чистаго золота, а площади будутъ выстланы берилломъ, апераксомъ и Офирскимъ камнемъ (13 гл., 16—17 ст.). Въ кн. Варуха заключается такое обращеніе къ Іерусалиму будущаго времени: Іерусалимъ! одѣнься

въ благолѣпіе славы отъ Бога на вѣки, возложи на голову твою вѣнецъ славы Вѣчнаго, ибо Богъ покажетъ всей поднебесной славу твою (5, 1—3). Внѣшнее положеніе Іудеи изображается пророками какъ достиженіе страною преимущественной полноты военной и матеріальной мощи. И будетъ остатокъ Іакова между народами, среди многихъ племенъ, какъ левъ среди лѣсныхъ звѣрей, какъ скимень среди стада овецъ, который, когда выступитъ, то попираетъ и терзаетъ, и никто не спасетъ отъ него (Мих. 5, 8). Израиль будетъ острымъ молотиломъ, новымъ, зубчатымъ, онъ будетъ молотить и растирать горы и холмы обращать въ мякиву, онъ будетъ вѣять ихъ, а вѣтеръ разнесетъ ихъ, и вихрь развѣетъ (Ис. 41, 15 и 16). Слѣдствіемъ побѣдъ Израиля будетъ рабство окрестныхъ народовъ: Придутъ туземцы и будутъ пасты ваши стада, и сыновья чужестранцевъ будутъ вашими земледѣльцами и вашими виноградарями (Ис. 61, 5). Счастливая перспектива будущаго выступаетъ и какъ достиженіе Іудеею матеріальнаго процвѣтія: вотъ Я направляю (къ Іерусалиму) миръ, какъ рѣку, и богатство народовъ, какъ разливающійся потокъ, для васлажденія вашего (Исаи 66, 12); множество верблюдовъ покроетъ холмы Іерусалима, дромадеры изъ Мадіама и Ефы, всѣ они изъ Савы придутъ, принесутъ золото и ладанъ, всѣ овцы Кедарскія будутъ собраны (къ Іерусалиму), овны Неваіюескіе послужатъ ему, корабли Фарсисскіе привезутъ разсѣянныхъ сыновъ Іерусалима издалека и ихъ золото и серебро (Ис. 60, 6—9). Цари Фарсиса и острова поднесутъ Мессіи дань, цари Аравіи и Савы поднесутъ дары изъ Аравійскаго золота (пс. 71, 10 и 15). Такъ гегемонія Іерусалима собираетъ въ страну всѣ богатства міра: Іерусалимъ насыщается молокомъ народовъ и сосетъ царскія груди (Ис. 60, 16), иноземные цари лицомъ до земли кланяются Іерусалиму и лижутъ прахъ ногъ его (Ис. 49, 23).—Внутреннее состояніе народа Божія въ Мессіанскія времена носитъ отпечатокъ разцвѣта естественной жизни: человѣкъ становится долголѣтнимъ и безпечально живетъ на лонѣ роскошной природы, изъ которой устранило все вредоносное и которая щедро осыпаетъ его своими дарами: Опять старцы и старицы будутъ сидѣть на улицахъ Іеруса-

лима, каждый съ посохомъ въ рукѣ отъ множества дней (Зах. 8, 4), столѣтній будетъ умирать юношею (Ис. 65, 20); будутъ строить дома и жить въ нихъ, будутъ насаждать виноградники и ѣсть плоды ихъ, не будутъ строить, чтобы другой жилъ, не будутъ насаждать, чтобы другой ѣлъ (Ис. 65, 21 и 22). При жизненномъ довольствѣ Израиль будетъ сильно размножаться: Дѣти, которыя будутъ у тебя, будутъ говорить въ слухъ тебѣ: тѣсно для насъ мѣсто (Ис. 49, 20), въ виду этого застроятся пустыни вѣковья, возстанутся древнія развалины, возобновятся города разоренные, оставшіеся въ запустѣніи съ древнихъ родовъ (Ис. 61, 4). Иерусалимъ мыслится исходнымъ пунктомъ для грядущей колонизаціи пустынныхъ мѣстъ: Иерусалимъ заселить окрестности по причинѣ множества людей и скота въ немъ (Зах. 2, 4).

Быть человѣка въ Мессіанское время описывается въ идиллическихъ чертахъ: Люди будутъ отдыхать подъ тѣнью своихъ виноградниковъ (Мих. 4, 4), при полномъ спокойствіи жизни начнется и окрѣпнетъ дружба: отсюда будутъ призывать другъ друга подъ тѣнь своей смоковницы (Зах. 3, 10). На семейной жизни почіетъ благословеніе: не будутъ рождать дѣтей на горе (Ис. 65, 23). Всѣ дары природы будутъ умножены: Вотъ наступятъ дни, когда пахарь застанетъ еще жнеца, а топчущій виноградъ—сѣятеля, и горы источать будутъ виноградный садъ, и всѣ холмы потекутъ (Амоса 9, 13); будетъ обиліе хлѣба на землѣ, на верху горы, плоды его будутъ волноваться, какъ лѣсъ на Ливанѣ (ис. 71, 16). Господь сдѣлаетъ пустыни Сиона, какъ рай, а степь его, какъ садъ (Ис. 51, 3), сады разрастутся, какъ лѣсъ (Ис. 22, 15): вмѣсто терновника вырастетъ кинаркъ, вмѣсто крапивы—миръ (Ис. 55, 13). Помимо чудеснаго обилія даровъ природы въ Мессіанское время пророки предполагаютъ и коренное измѣненіе самыхъ инстинктовъ у животныхъ; по Осіи 2, 18 Богъ заключитъ союзъ человѣка съ полевыми звѣрями, небесными птицами и пресмыкающимися по землѣ, чтобы люди жили въ безопасности. Волкъ и ягненокъ будутъ пастись вмѣстѣ, и левъ какъ волъ будетъ ѣсть солому, и для змѣя прахъ будетъ пищею; они не будутъ причинять зла и вреда на святой горѣ Божіей (Ис.

65, 25). Теленокъ, молодой левъ и волъ будутъ вмѣстѣ пастись, и малое дитя будетъ водить ихъ, а младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гвѣздо змѣи (Ис. 11, 6 и 8). Измѣненіе въ физической природѣ однако не ограничится органическимъ міромъ, флорою и фауною Мессіанскаго времени, — оно охватитъ и природу неорганическую: Пробьются воды въ пустынь, и въ степи потоки, и превратится призракъ водъ въ озеро и жаждущая земля въ истотники воды, въ жилищѣ шакаловъ, гдѣ они покоятся, будетъ мѣсто для тростника и камыша (Ис. 35, 6 и 7). Свѣтъ лупы будетъ, какъ свѣтъ солнца, а свѣтъ солнца будетъ свѣтлѣе всемеро (Ис. 30, 26). Конечною цѣлью всѣхъ этихъ измѣненій въ природѣ является благоденствіе человѣка. — Такова рѣчь пророковъ о Мессіанскомъ времени въ ея буквальной повываніи: они повидимому говорятъ о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, но все это только образы, заимствуемыя отъ явленій внѣшняей природы, особый метафорическій языкъ. Основною мыслью пророковъ является чаяніе измѣненія нравственнаго облика самого человѣка: уже ветхозавѣтные праведники пасли львовъ, какъ агнцевъ, на Даніилѣ во рву львиномъ не оказалось никакого поврежденія, ибо онъ вѣровалъ въ Бога своего (Дан. 6, 23); псаломѣвецъ говорилъ вѣрующему: па аспида и василиска наступишь, будешь попирать льва и дракона (пс. 20, 13). У пророка Исаи въ его рѣчахъ ясно выступаетъ связь возстановленія природы къ изначальной ея безвредности и красотѣ съ улучшеніемъ нравственнымъ человѣчества и его религіознымъ просвѣщеніемъ: животныя не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Божіей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣпіемъ Господа, какъ воды наполняютъ море (Ис. 11, 9). Или вотъ еще мѣсто у того же пророка, отмѣчающее связь проклятія, постигающаго землю, съ утратою человекомъ нравственной чистоты: Сѣтуеть, уныла земля, поникла и уныла вселенная, и земля осквернена подъ живущими на ней, ибо они преступили законы и нарушили вѣчный заветъ: за то проклятіе поѣдаетъ землю, и несутъ наказаніе живущіе на ней — плачетъ сокъ винограда, болитъ виноградная лоза (Ис. 24, 4—7). Въ Мессіанское время змѣи иптаются прахомъ, дѣти

не боятся ихъ ужаленій, львы ѣдятъ траву и мирно пасутся съ телятами именно потому, что люди обратились къ Господу: даже на уборахъ коней въ то время будетъ написано: святыня Господу (Зах. 14, 20).

Подобно тому, какъ рѣчь о возстановленіи безвредности въ природѣ предполагаетъ улучшеніе нравственности къ человѣческому родѣ, такъ и обильныя указанія пророковъ на значеніе, имѣющее быть приобретенымъ Іудеею, не оставляетъ въ сомнѣніи на счетъ чисто духовнаго торжества этой страны надъ языческимъ міромъ. Изображая величіе Іерусалима и обращеніе на іудейскій центръ взоровъ всего человѣчества, пророки ясно показывали ту нравственно-историческую основу, которая обусловитъ такое отношеніе къ затерянной въ пышныхъ восточныхъ державахъ странѣ. Цѣль движенія къ Іерусалиму у народовъ всего міра—исключительно желаніе просвѣщенія: Взойдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Іаковлева, и научитъ Онъ насъ Своимъ путямъ (Ис. 2, 3); здѣсь Сіонъ выступаетъ, какъ центръ нравственнаго законодательства, какъ школа религіозно-нравственнаго воспитанія для всѣхъ народовъ. Не трудно понять, что пророки имѣли въ виду гегемонію Іерусалима въ нравственномъ отношеніи, а далеко не политическое внѣшнее господство, достигаемое успѣхами войскъ и оружія. Небольшая Финикія оказала въ свое время культурное вліяніе на весь востокъ и даже европейскій западъ, если склониться къ гипотезѣ финикійскаго происхожденія древне-греческой цивилизаціи, но она никогда не была въ состояніи преобладать на востокѣ въ политическомъ отношеніи. Македонія же при Александрѣ, получивъ политическое обладаніе востокомъ, однако сама подчинилась его культурному вліянію; такъ политическая гегемонія и нравственно-культурное первенство глубоко различны: вандалы могли разрушить Римъ силою оружія, но не могли побѣдить его цивилизаціи. Пророки очевидно приписывали Іудеѣ нравственно-религіозную миссію: Въ то время назовутъ Іерусалимъ престоломъ Господа, и всѣ народы ради имени Господа соберутся въ Іерусалимъ и не будутъ болѣе поступать по упорству злаго сердца своего (Іерем. 3, 17); придутъ вельможи изъ Египта, гово-

риль пророчественно псалмопѣвецъ, Еѳіопія простретъ руки свои къ Богу (Пс. 67, 32). Самая побѣда Іудеи неразрывно соединяется съ преобразованіемъ религіозной жизни въ враждовавшемъ съ Іерусалимомъ человѣчествѣ, что характеризуетъ духовное значеніе этой побѣды: Всѣ оставшіеся изъ народовъ, приходившихъ противъ Іерусалима, будутъ изъ года въ годъ приходять для поклоненія Царю Господу Саваоу, и для празднованія кущей (Зах. 14, 16). Евреи не придавали особаго вѣса этой скрытой таинственной сторонѣ въ пророчествахъ ветхаго завѣта, они остановились лишь на условныхъ описаніяхъ величія Сіона и смѣшали символы съ историческими предуканіями. Десять человѣкъ изъ разноязычныхъ народовъ берутся за полу еврея вовсе не потому, что Іудея славна своимъ оружіемъ, но потому, что съ ней Богъ (Зах. 8, 23). Побѣда Іудеи не создаетъ рабовъ, но ассимилируетъ язычниковъ съ іудеями, прокладываетъ путь отъ ветхозавѣтнаго партикуляризма народа Божія къ новозавѣтному универсализму духовнаго Израиля.

Вѣбблейская древне-еврейская письменность содержитъ раскрытіе быта человѣка въ Мессіанское время въ чертахъ, сближающихся съ описаніемъ золотого вѣка у писателей греко римскаго міра. Библейская канва здѣсь по мѣстамъ совершенно исчезаетъ подъ наносимыми на нее узорами, сотканными прихотливою фантазіею еврея. Прежде всего выступаетъ на видъ матеріальное обезпеченіе человѣка, всеобщая сытость, покой и пиршества. Въ *Jalkut Reubeni* читаемъ: Когда Препоблагословенный даровалъ законъ Израилю, то сказалъ: Дѣти, Я предназначаю вамъ въ будущемъ цѣнный подарокъ, который послужитъ наградою за соблюденіе закона. Израильтяне вопросили Бога, въ чемъ именно будетъ заключаться награда? Препоблагословенный отвѣтилъ: эта награда—дпи Мессіи. Тогда сказали Израильтяне: Дай намъ прообразъ этого времени! Препоблагословенный отвѣтилъ: Вы имѣете его въ днѣ субботнемъ. По *Taanith* Вавилонскаго талмуда субботствованіе, полвѣйшій покой человѣка въ Мессіанское время, предуканывается въ такихъ чертахъ: на корню, въ колосьяхъ зерна будутъ взаимно перетираться, и мука безъ молотыбы ссыпаться на землю. Въ *Sohar* на Левитъ 19, 30: субботы Мои храните,—

сказано: есть двѣ субботы: нынѣ празднуемая и предназначенная на дни Мессіа; въ эту субботу (оламъ газзе) дѣятельность человѣка не прекращается совершенно (разумѣется изреченіе: нѣтъ субботы во храмѣ, обрѣзаніе изгоняетъ субботу), въ Мессіанскую субботу человѣкъ совершенно успокоится. Вѣчно субботствующій человѣкъ Мессіанскаго времени (оламъ габба) найдетъ отраду въ пирахъ. Въ *Jalkut Reubeni* сказано: Раввинъ Еліезеръ училъ, что пиршество праведныхъ въ дни Мессіи предуказано въ Исх. 24, 11: они видѣли Бога, ѣли и пили. Въ *Vajjiktā gabbā* повторяется та же мысль: Раввинъ Баралія отъ имени раввина Исаака сказалъ: Въ дни Мессіи Преподобный устроитъ пиръ для праведниковъ. Въ *Midrasch Koheleth* по поводу словъ Екклезіаста: Иди, ѣшь съ веселіемъ хлѣбъ твой и пей въ радости сердца вино твое (9, 7) сказано: это исполнится, когда сыны Израилевы будутъ пиршествовать въ дни Мессіи. Характеръ упомянутыхъ пировъ такъ представляется по *Othioth Akiba* (каббалистическій мидрашъ): во время царствованія Мессіи безбожники и развратники придутъ къ дверямъ царства, чтобы созерцать счастье праведниковъ. Святые во Израилѣ въ царственномъ украшеніи, съ жемчужными вѣнцами веселятся за столами, наполненными райскою пищею, съ неба на нихъ струится тончайшій бальзамъ, передъ ними хоръ музыкантовъ изъ служебныхъ духовъ (у іудеевъ *spiritus ministerii rucloth mescharethim*—техническое обозначеніе ангеловъ); мелодія, исполняемая хоромъ, заставитъ возвеселиться и свѣтила: солнце, луна и звѣзды колеблются какъ бы въ танцевальномъ движеніи.

Рѣчь о пирахъ въ Мессіанскомъ царствѣ разукрашена въ іудейской и вѣбблейской литературѣ легендарными сказаніями о двухъ чудовищахъ, предназначенныхъ въ пищу святымъ въ эти дни: это левіаѳанъ и бегемотъ. О томъ и другомъ животномъ говоритъ намъ и Библия, но здѣсь отсутствуютъ тѣ фантастическія черты въ описаніи, какія замѣчаются въ талмудѣ и въ апокрифическихъ книгахъ Еноха и 3-ей книгѣ Ездры. Но уже при чтеніи описанія левіаѳана и бегемота въ книгѣ Іова замѣчается широкая возможность возвести этихъ могучихъ животныхъ въ легендарныхъ чудовищъ: только Сотворившій его можетъ приблизить къ нему мечъ свой (40, 14), сказаніе

о бегемотѣ, нѣтъ столь отважнаго, кто осмѣлялся бы потревожить его, прибавлено о левіаѳанѣ (Іов. 41, 2). Псалмопѣвецъ также говоритъ о левіаѳанѣ: въ псалмѣ 73, 14 онъ прославляетъ чудесное откровеніе силы Іеговы на землѣ, каковымъ онъ считаетъ укрощеніе левіаѳана: Ты сокрушилъ голову левіаѳана, отдалъ его въ пищу людямъ пустыни; въ псалмѣ 103, 26 псалмопѣвецъ указываетъ на привольную жизнь левіаѳана въ морѣ. Пророкъ Исаія также рассматривалъ пораженіе левіаѳана, какъ чудесное знаменіе силы Божіей: Поразитъ Господь левіаѳана, змѣя прямо бѣгущаго и змѣя извивающагося (27, 1). Предназначеніе чудовищъ для питанія сыновъ Израилевыхъ въ дни Мессіи находитъ для себя подтвержденіе во многихъ памятникахъ іудейской внѣ-библейской письменности. По 3 книгѣ Ездры (6, 52) левіаѳанъ сохраняется, чтобы послужилъ пищею тѣмъ, кому Богъ захочетъ и когда захочетъ; по вѣіонскому тексту Апокалипсиса Ездры бегемотъ соединяется съ левіаѳаномъ, какъ пищевой продуктъ для праведниковъ дней Мессіи. Обращаясь къ іудейской апокрифической литературѣ, мы прежде всего сталкиваемся съ стремленіемъ наложить печать таинственности на происхожденіе чудовищъ: Ангелъ на вопросъ Еноха, какъ произошли эти чудовища?—отвѣчаетъ: Ты сынъ человѣческой, желаешь познать тайну. Впрочемъ Іерусалимскій таргумъ на Бытія 1, 21 не выдѣляетъ способа происхожденія чудовищъ отъ обычнаго происхожденія существъ чрезъ творческій актъ: въ пятый день, читаемъ мы въ таргумѣ, создалъ Богъ великихъ водяныхъ чудовищъ, левіаѳана и его самку, которыя и предназначены на день утѣшенія (т. е. на времена Мессіи),—очевидно, что библейскою основою для рѣчи таргумиста послужило выраженіе библейскаго текста „рыбы большія“. Второй замѣчательною особенностію въ описаніи левіаѳана и бегемота въ іудейской апокрификѣ служитъ указаніе на ихъ однополость: въ этотъ день, читаемъ въ книгѣ Еноха, будутъ даны для питанія два чудовища, существо женскаго пола, именуемое левіаѳаномъ, и чудовище мужскаго пола, называемое бегемотомъ; эти два чудовища приготовлены Божественнымъ всемогуществомъ, дабы имъ стать пищею. На какой почвѣ могло возникнуть это странное ученіе? Ваба bathra Вавилон-

скаго талмуда и второй таргумъ на книгу Есѣиръ разъясняютъ вопросъ объ однополости чудовищъ косвеннымъ образомъ, здѣсь избирается иной путь для прегражденія естественнаго размноженія чудовищъ на землѣ до временъ Мессіи: Если бы левіаѳаны спарились, читаетъ въ Баба-батра, то они опустошили бы весь міръ. Что же сдѣлалъ Богъ (имъ)? Онъ оскопиль самца и поразилъ самку, посоливъ ее ради пиршества праведниковъ въ дни Мессіи. Писатель книги Еноха также хотѣлъ другимъ способомъ исключить мысль о размноженіи чудовищъ. Впрочемъ знатокъ іудейской апокалиптики Люкке полагаетъ, что ученіе объ однополости левіаѳана стоитъ въ связи съ зоогоніею, т. е. ученіемъ о происхожденіи животныхъ по Зороастру, у котораго животныя первоформы (древнѣйшіе типы животной организаціи) мыслятся гермафродитами; опредѣленіе левіаѳана, какъ *monstrum femininum*, по Люкке, ссылающемуся на изданную Клейкеромъ авесту, обусловлено его пребываніемъ въ водѣ, которая мыслится, какъ начало женское; нося въ себѣ зародыши живыхъ существъ, но нуждаясь для развитія ихъ въ оплодотвореніи солнечными лучами. Писатель 3 книги Ездры знаетъ обоихъ чудовищъ, но ради прегражденія пути къ ихъ размноженію, онъ допускаетъ превращеніе природы одного изъ парныхъ чудовищъ: бегемотъ созданъ подобно левіаѳану морскимъ чудовищемъ, но потомъ онъ выведенъ на сушу, такъ какъ водное пространство не могло вмѣстить обоихъ созданныхъ чудовищъ (3 Ездры 6, 49—53). Писатель книги Еноха частію опредѣляетъ, гдѣ поселенъ выведенный изъ моря бегемотъ: онъ живетъ въ пустынѣ Дендеенъ, на востокъ отъ рая. Не менѣе интересною чертою въ описаніи левіаѳана Мессіанскаго пира служитъ указаніе на способъ его питанія; писатель кн. Еноха предполагаетъ двойную цѣль для созданія чудовищъ,—во-первыхъ они предназначены послужить въ пищу *ut cibis fiant*, во-вторыхъ они должны сдѣлать нетщетною Божественную казнь—*ut Dei roena non vana sit* (переводъ съ эіопскаго). Послѣднее довольно темное замѣчаніе Гильгенфельдъ, ученый издатель іудейскихъ апокалиптическихъ сочиненій, относитъ къ питанію чудовищъ мясомъ грѣшниковъ, погибнувшихъ въ волнахъ всемірнаго потопа. Французскій ориенталистъ Де-Саси (De-Sasy) въ своемъ

перифразъ 3 Ездры 6, 53 читаетъ: Вы предназначили его (левіаѳана) поглотить въ опредѣленное время тѣхъ, кого Вы опредѣлили къ гибели. Гдѣ сохраняется утучнѣвшій отъ мяса грѣшниковъ и посоленный для Мессіанскаго пиршества левіаѳанъ, іудейскіе источники не говорятъ съ ясностью, но по всей вѣроятности талмудисты полагали, что онъ находится въ отдаленныхъ невѣдомыхъ человѣку мѣстахъ земли. Какое значеніе могли имѣть древніе палеонтологическія открытія въ созданіи міра о левіаѳанѣ—чудовищѣ, здѣсь не мѣсто говорить.

Помимо обилія въ явствахъ на столахъ пирующихъ праведниковъ не будетъ недостатка и въ винѣ. Мы приведемъ замѣчательное мѣсто трактата Кетуботъ Іерусалимскаго талмуда, описывающее состояніе лозъ и уборку винограда во времена Мессіи: этотъ вѣкъ не таковъ, какъ вѣкъ грядущій (оламъ габба—время Мессіи); въ этомъ вѣкѣ сборъ винограда сопряженъ съ трудомъ, въ грядущемъ вѣкѣ одна виноградная ягода будетъ отвозиться или на телѣжкѣ или на лодкѣ; привезенная ягода будетъ складываться въ углу дома (т. е. какъ бы уподобится бочкѣ), и ея содержимымъ будутъ пользоваться долгое время, а ея деревенистая оболочка (естественное допущеніе при чудовищныхъ размѣрахъ ягоды) будетъ идти на топливо. Въ Таанитъ вавилонскаго талмуда замѣчается: Въ дни Мессіи не будетъ лозы, которая не требовала бы для выжиманья изъ себя вина отдѣльной давилни, стать большой, какъ цѣлый городъ; можетъ быть, кто-нибудь (isch) подумаетъ, что вино будетъ обильно, но плохо, но грядущій человѣкъ скажетъ давайте мнѣ больше такого вина.

Въ книгѣ Еноха мы встрѣчаемъ указаніе и на особую таинственную пищу, употребленіе которой сообщитъ человѣку долговѣчіе и вообще физическое благосостояніе. При таинственномъ путешествіи по небу Енохъ замѣчаетъ на землѣ гору, охваченную огнемъ днемъ и ночью; гора сложена изъ 7 частей, причемъ средняя—выше другихъ; вся группа горъ какъ бы напоминаетъ рядъ троновъ и окружена пахучими деревьями; одно изъ деревьевъ въ таинственной созерцавшейся Енохомъ рощѣ отличалось запахомъ отъ всѣхъ прочихъ, его листья, кора и цвѣты не увядали, а плоды были пріятны, напоминая плоды пальмъ. Ангелъ сказалъ Еноху, что средняя часть ка-

менной гряды будетъ престоломъ Господа, когда Онъ снизойдетъ, чтобы взыскать землю Своею благостію. Тогда будутъ дарованы плоды чуднаго дерева правосуднымъ и смиреннымъ, —пріятный запахъ, ощущаемый Енохомъ, войдетъ въ ихъ кости, и они долго поживутъ на землѣ. Енохъ славословитъ Бога за дарованіе такихъ плодовъ грядущему человѣчеству.

Помимо пировъ, праведники въ Мессіанскія времена будутъ наслаждаться счастіемъ семейной жизни. Въ Midrasch Schocher tob читаемъ: Раввинъ Іуда отъ имени раввина Іосифа сказалъ: Израиль размножится въ дни Мессіи, ибо тогда исполнится желаніе благочестиваго царя: Да будутъ наши сыновья, какъ разросшіяся растенія въ ихъ молодости (пс. 143, 12), какъ масличныя вѣтви вокругъ нашихъ столовъ (пс. 127, 3). Въ Gittin сопоставляются престарѣлыя женщины Мессіанскаго времени съ Саррою; въ Ваба камма сказано: Плодоносіе египтянокъ (древнее предубѣжденіе) станетъ удѣломъ женщинъ во Израилѣ, ибо изречено: люди будутъ множиться, какъ трава (пс. 71, 16). Писатель 3 книги Ездры въ число особыхъ знаменій приближенія дня Мессіи ставитъ сохраненіе жизни и у недозрѣлыхъ рожденныхъ младенцевъ: женщины будутъ рождаютъ недозрѣлыхъ дѣтей чрезъ 3 и 4 мѣсяца, и они останутся живыми и укрѣпятся (6, 21). Вѣчный брачный праздникъ человѣка раздѣлитъ съ нимъ и природа, —въ одномъ изъ вариантовъ мидраша на Пѣснь пѣсней читаемъ: Въ дни Мессіи (оламъ габба) не будетъ стога и вопля въ природѣ, но ликованіе твари, какъ написано: Цвѣты показались на землѣ, время пѣнія настало, и голосъ горлицы (призывъ любви) слышенъ въ нашей странѣ (Пѣснь пѣсней 2, 12 и 13).

Вѣдншее положеніе Мессіанскаго царства будетъ исполнено славы. Прежде всего ростъ благоденствія въ Мессіанскомъ царствѣ будетъ замѣченъ въ языческомъ мірѣ и вызоветъ его оппозицію: началомъ Мессіанскаго царства іудеи полагали войну. По Псевдоедрѣ столкновеніе Мессіи съ Римомъ, возглавлявшимъ языческой міръ, образно представляется, какъ борьба велась между олицетворявшимъ Римъ орломъ и львомъ, изображавшимъ по слову пророковъ Мессію; И увидѣлъ я, вотъ какъ бы левъ, выбѣжавшій изъ лѣса и рыкающій испустилъ человѣческой голосъ къ орлу и сказалъ: Исчезни ты, орелъ,

съ страшными крыльями твоими и гнусными перьями твоими... (3 Ездр. 11, 37 и далѣе). Эта борьба закончилась таинственнымъ сожженіемъ орла (3 Ездр. 12, 3). Въ поэзи іудейской сивиллы также описана война Мессіанскаго времени: при слухѣ о Царѣ Мессіи, занявшемъ престолъ Іудей, собирается грозная коалиція язычниковъ, имѣющая цѣлю уничтожить и раздавить начавшую процвѣтать Іудею, но незаконное скопище поражаетъ Божественный гнѣвъ. Съ неба падаютъ огненные мечи, проносятся факелообразные смерчи, вся природа трепещетъ, море стонетъ, долины наполняются трупами, изъ горъ источается кровь, пресыщенная ею земля извергаетъ ее обратно на поверхность, звѣри насыщаются мясомъ погибшихъ. По кн. Еноха борьба предшествуетъ Мессіанскому царству: олицетворенный въ видѣ стада овецъ Израильскій народъ является торжествующимъ: овцы получаютъ мечъ, одерживаютъ побѣду надъ всѣми народами, по воцареніи мира на основѣ призванія іудейскаго первенства рождается въ Іудеѣ бѣлый бычекъ—Мессія, преобразующій народы земли въ бѣлыхъ же бычковъ. По Nejach Israel прежде чѣмъ Мессія выступитъ властелиномъ, будетъ свирѣпствовать война Гога и Магога, но Мессія ихъ побѣдитъ. Какъ видно, іудейскіе памятники выдвигаютъ Іудею среди другихъ восточныхъ державъ тѣмъ же путемъ, какимъ слагалось могущество Египта или Ассиріи и Вавилона, путемъ войны и побѣды оружія при чудесномъ содѣйствіи всей природы. Излишне говорить, что Іерусалимъ Мессіанскаго времени представляется необычайно пышнымъ: по Баба-батра Вавилонскаго талмуда въ Іерусалимѣ будетъ 180000 рынковъ, по мидрашу на псалмы въ Сіонѣ будетъ 1867 дворцовъ, 1496 прудовъ для рыбъ, 144 воротъ въ городской стѣнѣ. По 5 Сивиллиной книгѣ Іерусалимъ Мессіанской эпохи протянется до Јоппиі. Любопытную черту, сближающую Мессіанское царствованіе съ другими восточными, составляетъ и признаніе его конечнымъ, хотя и весьма длительнымъ, до 400 лѣтъ на основаніи пс. 90, 15 и быт. 15, 13. Бросая общій взглядъ на чаянія грядущихъ земныхъ благъ у язычниковъ и іудеевъ послѣбиблейскихъ временъ, мы легко отмѣтимъ, что эти ожиданія срослись съ землею. Человѣкъ ищетъ освобожденія отъ необходимости тяжелаго труда; и это не-

удивительно, ибо, по удачному выраженію Гердера, человекъ— дитя заботы, *das Kind der Sorge*, а по ветхозавѣтному мудрецу и въ ночи неспитъ человѣческое сердце (Когелетъ). Здѣсь тимологическая проблема (вопросъ о цѣнности и смыслѣ жизни) рѣшается просто: нужна сытость, земное счастье. Довольно труда и страданій для тѣхъ, кого, по мѣткому выраженію античнаго поэта, Зевсъ создалъ не изъ своей улыбки, но изъ своихъ слезъ. Исторія философіи знаетъ 3 типа рѣшенія тимологической проблемы: оптимизмъ, меліоризмъ, пессимизмъ. Ждущіе земнаго безоблачнаго счастья, очевидно, оптимисты, но правиленъ ли взглядъ этихъ людей на человѣческое счастье. Знаменитый Гете сказалъ: Вы все на свѣтѣ можете перенести, только не рядъ прекрасныхъ дней: *Alles in der welt lässt sich ertragen, nur nicht eine Reihe von schönen Tagen*. Въ древности пользующійся удачею во всемъ человекъ считался ненавистнымъ богамъ. То счастье, котораго жаждутъ язычники и іудеи, уподобляется красотѣ вѣчно покрытыхъ снѣгомъ горъ: блестящія, ослѣпительныя издали, онѣ лишены всякихъ проявленій жизни на своей ледяной поверхности, онѣ— царство истинной смерти. Стоики говорили о призрачности земнаго счастья. Маркъ Аврелій уподоблялъ ищущаго земныхъ наслажденій дитяти, которое желало бы прижать къ себѣ быстро пролетѣвшаго воробья. Древне-индійскій поэтъ въ Сакунталѣ совѣтовалъ взамѣнъ исканія земнаго счастья, покрыть себя кучею земли на подобіе муравейника, обростить голову колючими растеніями, защищающими отъ прикосновеній, и любоваться, какъ птицы совьютъ гнѣздо на плечахъ, принявъ живаго человека вслѣдствіе его неподвижности за твердую опору для ихъ жилища. Совѣтъ индійскаго поэта продиктованъ радикальнымъ пессимизмомъ, твердою увѣренностью въ томъ, что все—ничтожество вѣкъ покрывала Майи, замѣчаніе императора-стойка обусловлено глубокимъ скептицизмомъ. Эти рѣшенія вопроса о земномъ счастьи можно считать сданными въ архивъ исторіи, но вѣчный, невыблемый отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ христіанство: чрезъ клубящуюся бездну міра съ блуждающими огнями оно пролагаетъ мостъ къ вѣчному, истинному, блаженному бытію. Поэтъ, глубоко прозрѣвая, сказалъ, что для души, слышавшей звукъ небесъ,—уже скучны

лѣсни земли („Ангель“ Лермонтова). Земное утилитарное счастье это все равно, что свѣтъ луны, а счастье христіанское—свѣтъ солнца: первое все убираетъ въ блѣдныя мертвенныя одежды, второе все позлащаетъ; оно обладаетъ реальностью, а первое—нѣчто кажущееся. Смысла явленій жизни нельзя опредѣлять въ рамкахъ земной дѣйствительности, иначе никогда не понять, почему страданія по Евангелію—царскій путь на землѣ. Впрочемъ воспитательное значеніе бѣдствій и страданій признавали и древніе, когда говорили *παθῆμα—μαθῆμα*, однако взглядъ на землю, какъ училище добродѣтели и терпѣнія, былъ имъ мало свойственъ, а потому они естественно желали преобразованія земной долины скорби и знойной пустыни въ мѣсто земной чувственной отрады и цвѣтущій садъ. Моралисты сравниваютъ земныя страданія и трудъ съ якоремъ, который нуженъ для магнита—добродѣтели, чтобы онъ не потерялъ своихъ чудныхъ свойствъ, не испыталъ вырожденія; народная русская мудрость выразила то же мнѣніе въ пословицѣ: нѣтъ худа безъ добра, это—своеобразная народная теодицея. Въ новое время чаяніе золотого вѣка проявилось съ небывалою силою, всѣ ждуть рая отъ уснѣховъ техники; таково обнаруженіе неопаганизма, хотя всякому извѣстно, что при электрическомъ свѣтѣ люди не менѣе тоскуютъ, чѣмъ при свѣтѣ лучины. Однако опытъ показываетъ, что духовная бодрость піонеровъ т. н. модернизованной культуры—только отсрочка скуки и апатіи, а ихъ радости—искры, гаснуція подъ бурнымъ дыханіемъ новыхъ желаній—*regressus in infinitum*. Христіанинъ также не безъ упованій: онъ чаеъ новаго неба и новой земли, горняго Сіона (Откр. 22, 14), его упованіе твердое, вѣчное, имѣющее основу въ Божественномъ Откровеніи; но и всякія иныя проявленія надежды на лучшее будущее не должны быть строго осуждаемы: они коренятся въ всеобщемъ тяготѣніи къ блаженству, счастью; здѣсь общій психическій законъ, разнообразно открывающійся, подобно тому, какъ въ природѣ внѣшней по одному и тому же закону тяготѣнія поднимается аэростатъ, и падаетъ камень.

Е. Воронцовъ.

Ассиро-вавилонскіе памятники и Ветхій Заветъ.

(Продолженіе *).

Нельзя ли находить на страницахъ библейскаго повѣствованія о твореніи міра черты миеологическаго свойства, которыя могутъ говорить противъ этого повѣствованія, какъ „дѣйствительной“ исторіи дѣйствительно—бывшихъ первособытій? Такіе миеологическія черты въ библейскомъ повѣствованіи Фр. Деличъ усиливается найти. „Если мы примемъ во вниманіе, говоритъ онъ, что Мардукъ былъ богомъ города Вавилона, то вамъ не трудно (?) будетъ понять, что именно это преданіе должно было получить самое широкое распространеніе въ Ханаанѣ (?). Ветхозавѣтные поэты и пророки, разумѣется, воспользовались имъ, и геройскій подвигъ Мардука непосредственно перенесли на Іегову и стали прославлять теперь Іегову, какъ такого, который въ первобытныя времена сокрушилъ головы чудовищъ моря (*liviatân*) ¹⁾, какъ такого, предъ которымъ падутъ поборники дракона (*rahab*) ²⁾. Такія мѣста какъ Ис. 51, 9: „возстань, возстань, облекись крѣпостію, мышца Господня“ возстань какъ въ дни древніе, въ роды древніе! Не ты ли сразила дракона, поразила чудовищъ (*tannin*) моря! или какъ Іова XXVI, 12: „силою своею заключилъ Онъ море и мудростію своею сразилъ дракона“,—такія мѣста являются комментаріями къ найденному нашей экспедицей маленькому изображенію Мардука съ могучей рукой, большимъ глазомъ и ухомъ—символами мудрости, съ связаннымъ у ногъ бога дракономъ бездны. Конечно, ученый священникъ, который составилъ пер-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1905 г. № 9.

¹⁾ Пс. 74, 13 ср. 89, 11.

²⁾ Іов. IX, 31.

вую главу книги Бытія, усердно старался о томъ, чтобы устранить изъ этого разсказа о міротвореніи всѣ миеологическія черты“. О тѣсной связи между библейскимъ и вавилонскимъ разсказами о міротвореніи, по дальнѣйшимъ словамъ Делича, говоритъ еще также то, что у Бытописателя „впереди поставленъ темный водный хаосъ и даже съ тѣмъ же именемъ Teshom (это Тіамать), и этотъ хаосъ впервые распадается отъ свѣта, послѣ чего выступаетъ небо и земля, небо—съ солнцемъ, луною и звѣздами, земля—покрытая растеніями и населенная животными, а въ заключеніе изъ руки Божіей выходитъ первая человѣческая пара“. „Весь этотъ кругъ представлений,—дѣлаетъ свой послѣдній выводъ г. Деличъ,—очевидно вавилонскій, потому что за много, много столѣтій до I главы кн. Бытія мы находимъ на стѣнахъ ассирійскихъ дворцовъ превосходное рельефное изображеніе борьбы силы свѣта и силы тьмы, возобновляемой въ каждый новый день, въ каждый новый годъ“¹⁾. Еще раньше Делича по времени г. Гункель въ своемъ сочиненіи „Schopfung und Chaos in Urzeit und Endzeit“ также усматривалъ въ Библии отзвукъ миеа о Мардукѣ и Тіаматѣ, но только онъ допускалъ въ болѣе значительной степени обработку этого миеа подъ перомъ библеиста, постаравшагося устранить всѣ миеологическія черты, которыми проникнуто вавилонское представленіе о міротвореніи и которыя такъ противорѣчатъ еврейской религіи, но которыя, тѣмъ не менѣе, сохранили свои слѣды въ Библии, не смотря на всѣ такъ называемыя антимиологическія тенденціи священныя писателей Библии. Кромѣ соответствія библейскихъ teshom (бездна) и tohu vavohu („безвидна и пуста“) терминамъ, служащимъ для обозначенія хаоса и тьмы въ языческихъ космогоніяхъ, г. Гункель слѣды миеологии усматриваетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ первой главы книги Бытія: во-первыхъ, въ словахъ „и Духъ Божій (ruach elogim) носился (merasherphet) надъ водою“,—которыми характеризуетъ Бытописатель первоначальную жизнь первобытной земли, Гункель слышитъ отзвукъ обычнаго въ языческихъ космогоніяхъ представленія о мірѣ, какъ яйцѣ, и о божествѣ, какъ птицѣ-

¹⁾ Delitzsch, Babel und Bibel, s. 33, 34, 35.

самъ¹⁾; во-вторыхъ, въ выраженіи „Богъ создалъ свѣтило большое для управленія днемъ и свѣтило меньшее для управленія ночью“ Гункель усматриваетъ азіатскій сабеизмъ, а выраженіе „сотворимъ челоѡка по образу нашему“ считаетъ прямо политеистическимъ²⁾.

Обращаясь къ указаннымъ соображеніямъ защитниковъ, такъ называемаго, миеологическаго взгляда на Библию и анализируя приводимые ими доводы въ пользу своего объясненія означенныхъ словъ и выраженій, мы должны сказать, что эти доводы насколько тенденціозны, настолько мало основательны. Здѣсь мы уже умалчиваемъ о томъ, что, при преднамѣренномъ сближеніи Библии съ языческой миеологіей, можно считать миеологической всякую черту въ библейскомъ повѣствованіи, которая не вполне ясно укладывается въ наше мышленіе и кругозоръ. Разсмотримъ по ближе, можно-ли установить вообще тожество Мумму-Тіамать (Tiamat), этого „божескаго“ существа ассиро-вавилонскаго повѣствованія, съ библейскою первобытною землею—бездною (tehom и tohu wabohu), даютъ-ли для подобнаго отождествленія основаніе филологическій анализъ отождествляемыхъ терминовъ, равно какъ и тотъ спеціальный смыслъ, который соединяется съ этими терминами въ библейскомъ повѣствованіи о міротвореніи и языческой космогоніи вавилонскаго эпоса. Что такое Тіамать? Какія черты характеризуютъ ее въ самомъ повѣствованіи? Мумму-Тіамать, какъ она выступаетъ по вавилонскому представленію, это громадное средоточіе водъ, сплошная водная масса, олицетворенная въ челоѡкообразномъ существѣ, могущественно господствующемъ надъ міромъ и распредѣляющемъ судьбы даже между самими богами (вручаетъ таблицы судьбы). Это челоѡкообразное существо возмущается противъ боговъ мятежниковъ, произноситъ страстные парламентерскія рѣчи, ведетъ по правиламъ военной техники организованную борьбу,

¹⁾ Мнѣ о міровомъ яйцѣ г. Эттли отиѣчаетъ у Индійцевъ, Египтянъ и Финляндцевъ. (Der Kampf um Bibel, 4-te Aufl. s. 10). Здѣсь г. Эттли усиляетъ подлинный смыслъ глагола *tergasherhet*, который (отъ *gashaf*) означаетъ собственно махать крыльями, согрѣвать, обращаться съ шѣжностью. Ср. Втор. XXXII, 11.

²⁾ Gunkel, Israel und Babylonien... s. 24. Ср. Schopfung und Chaos in Urzeit und Endzeit, Gott. 1895, s. 29—118.

однимъ словомъ, обнаруживаетъ въ себѣ всѣ мифологическія черты, которыя характеризуютъ языческія представленія о хаосѣ, могущія возникнуть на естественномъ пути человѣческаго мышленія и независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, и которыя такъ сильно противорѣчатъ библейскому повѣствованію о первобытномъ хаосѣ, какъ космической матеріи, безформенной жидкообразной массѣ, изъ которой произошла міръ со всѣми его стихіями, элементами, тѣлами и организмами ¹⁾. Безспорно, разница значительная. „Teschom, Tiamat“, говоритъ г. Книшке, „далеко не равно-значущія и взаимно другъ друга покрывающія понятія“ ²⁾. Библейскіе термины *teschom* („бездна“) и *tohu* („пустота“),—такъ рѣзко различаясь отъ ассиро-вавилонскаго *Tiamat* по общему, спеціальному смыслу, заключающемуся въ нихъ,—не имѣютъ съ послѣднимъ (вавилонскимъ) и филологическаго сродства ³⁾. Въ Быт. 1, 2, какъ и вообще, кажется, въ еврейскомъ словарѣ нѣтъ слова созвучнаго вавилонскому *Tiamat*; слово *teschom*, по мнѣнію многихъ авторитетныхъ изслѣдователей, не вавилонскаго происхожденія, а общесемитическаго; именемъ *Tiamat* древніе арабы называли, по словамъ Кёнига, побережье Краснаго моря, хотя у нихъ нѣтъ слѣдовъ существованія мифа о Мардукѣ и Тіаматъ. Что касается другихъ характерныхъ словъ I главы кн. Бытія, напримѣръ, *гакіа* (для обозначенія видимаго неба), *tohu vobohu* (для обозначенія безобразности первобытной матеріи), то сами противники Библии, каковъ, напр. Винклеръ и др., при всѣхъ стараніяхъ отыскать въ вавилонской мифологіи соотвѣтствующія приведеннымъ библейскимъ словамъ черты, оказываются не въ состояніи этого сдѣ-

1) Knieschke, *Bibel und Babel*, 2-te Auflage s. 20.

2) Доказательства, котораго г. Книшке приводитъ въ пользу своего положенія слѣдующія: во 1-хъ различныя окончанія словъ и, во 2-хъ, различное ихъ содержаніе. Вавилонск. *Tiamtu*—миротворческій принципъ, который производитъ изъ себя міръ. Ср. Schrader, *Keilschrift.* и A. T. Giessen 1883. s. 6 и 7, гдѣ отождествляется *tiamtu* съ евр. *teschom*.

3) Различіе въ словесномъ выраженіи также служитъ сильнымъ возраженіемъ противъ предположенія Делича и Гункеля о заимствованіи одного повѣствованія изъ другого, такъ какъ съ заимствованными предметами обычно переходятъ и самыя названія ихъ;

латъ; съ другой стороны, Библия ничего не знаетъ о вавилонскомъ arsu—океанѣ ¹⁾).

По нашему мнѣнію, если и есть сходство между библейскимъ повѣствованіемъ о міротвореніи и космогоніей вавилонскаго мѣа въ разбираемомъ нами случаѣ, такъ оно заключается только единственно въ томъ, что по обоимъ сказаніямъ въ основѣ міра полагается водная хаотическая масса, сходство, какъ видимъ, весьма недостаточное для того, чтобы на немъ строить сколько нибудь вѣроятное предположеніе о какой-либо генетической связи сравниваемыхъ повѣствованій, и въ немъ (этомъ сходствѣ) самое большее, можно видѣть лишь то, что въ незапамятныя древнія времена, по представленіямъ людей, водная стихія играла не незначительную роль въ образованіи міра. Не включаетъ въ себѣ какихъ либо остатковъ мѣологической сказки о міровомъ яйцѣ библейское выраженіе: „и Духъ Божій носился надъ водою“, потому что во всей Библии нельзя указать хотя бы самыхъ слабыхъ слѣдовъ знакомства Бытописателя съ этимъ языческимъ мѣомъ. Указанное библейское выраженіе о ношеніи Духа надъ водою содержитъ въ себѣ тотъ общій, только образно выраженный, смыслъ, что дальнѣйшее образованіе міровыхъ тѣлъ изъ первобытнаго хаоса не обошлось безъ непосредственнаго зиждительнаго дѣйствія Божественнаго Духа, что первобытная „земля—бездна“ въ своемъ развитіи и образованіи находилась въ непосредственной зависимости отъ животворящаго дѣйствія Духа Божія. Нѣчто аналогичное этому непосредственному божественному воздѣйствію на міръ въ процессѣ его первоначальнаго развитія и образованія можно указать въ ассирійскомъ повѣствованіи о твореніи міра, гдѣ Лагму и Лагаму, первыя по времени происхожденія божественныя существа, выступаютъ производителями, отцами другихъ боговъ и, слѣдовательно, виновниками жизни міра. Конечно, эта аналогія опять только можетъ говорить лишь о томъ, что ассириовавилонянамъ древняго міра не чужда была мысль о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ въ историческія судьбы міра, но она только реализировалась здѣсь въ ограниченномъ кругозорѣ древности. Съ

¹⁾ Knieschke, *ibidem*, s. 16.

другой стороны, предполагать какую-либо генетическую связь между библейскимъ представленіемъ о оплодотворяющемъ дѣйствіи Божественнаго Духа и указаніемъ вавилонскаго мѣа на Лагму и Лагому, служащихъ олицетвореніями движенія и производительности, по меньшей мѣрѣ весьма и очень странно, если мы припомнимъ, что вавилонскіе боги по существу своему слишкомъ матеріальны безъ остатка для духовныхъ свойствъ и чертъ. Это, прежде всего, суть двойственныя, мужское и женское, проявленія верховнаго божества Tiamat, которое само есть матерія. Имъ также не чужды человѣческія страсти, хитрость, злоба, коварство, вражда,—черты, отклоняющія, во всякомъ случаѣ, мысль о вавилонскомъ сказаніи въ этомъ пунктѣ, какъ объ оригиналѣ для библейскаго.

Не могутъ оспаривать первоначальности монотеистическаго представленія въ Библии о Богѣ, какъ Духовномъ Существомъ, и ссылки Гункеля на выраженія Быт. 1, 16 и Быт. 1, 26, заключающія будто бы, по его мнѣнію, въ себѣ черты сабеизма и политеизма, потому что первое выраженіе (Быт. 1, 16) о созданіи свѣтилъ съ точнымъ указаніемъ ихъ назначенія можетъ быть истолковано только какъ простой поэтической образъ, а второе (выраженіе) не можетъ быть понимаемо въ духѣ толкованія г. Гункеля уже по одному тому, что политеистическое пониманіе этого выраженія тогда оказалось бы въ противорѣчій съ тенденціей Бытописателя, который,—самъ Гункель допускаетъ,—усиленнымъ образомъ приспособляя вавилонскій мѣа къ своей религіи, постарался устранить миеологическій элементъ до малѣйшихъ остатковъ. „Дѣйствительная (настоящая) черта монотеистической религіи, говоритъ Гункель, не благоприятствуетъ мѣаамъ. Вѣдь эта религія отъ начала до конца проникнута строгимъ монотеизмомъ¹⁾. Едва-ли можно допустить, чтобы Бытописатель, строгій монотеистъ оставилъ безъ измѣненія выраженіе: „сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію“, если бы оно дѣйствительно заключало въ себѣ политеистическую мысль!...

Фр. Деличъ отраженіе побѣдопосной борьбы вавилонскаго

¹⁾ H. Gunkel, Die sagen der Genesis. 2-te Auflage, Gottingen 1901. S. 9 и слѣд. Ср. Комментарій S. 29, 110. 118.

Мардука съ Тіамать хочетъ видѣть въ тѣхъ изреченіяхъ про-
роковъ, и псалмопѣвца, гдѣ говорится о борьбѣ Іеговы съ чу-
довищами моря—гаһаб-омъ, livjathan-омъ, tanninim-омъ.

Надѣмся ближайшимъ разборомъ показать опять и здѣсь предвзятость мнѣнія вѣмецкаго богослова-ассиріолога, привед-
шую его къ ложному толкованію и освѣщенію приведенныхъ
выше библейскихъ изреченій. По справкамъ съ экзегетическими
комментаріями на приведенныя Деличемъ выраженія и другія
библейскія мѣста вообще,—гдѣ море представляется силой,
враждебной Іеговѣ и имъ преиобъждаемой ¹⁾),—оказывается,
что для объясненія ихъ нѣтъ принудительной необходимости
искать миеологическую основу, такъ какъ они (эти мѣста Биб-
ліи) могутъ быть понимаемы, какъ естественные поэтическіе
образы, какъ простая поэтическая иллюстрація къ описанію
ежедневныхъ наблюденій или историческихъ воспоминаній
еврейскаго народа. Въ частности, livjathan, tannin, гаһаб—
чудовища, ведущія въ Библии неудачную для нихъ борьбу про-
тивъ Іеговы,—не морскія чудовища, а поэтически-образныя
обозначенія сосѣднихъ народовъ. Такъ, въ словахъ псалмо-
пѣвца (86, 4): „упомяну знающимъ меня о Раавѣ и Вави-
лонѣ“ именемъ гаһаб называется Египеть, потому что гаһаб
сопоставляется у псалмопѣвца съ Вавилономъ и, далѣе, съ Ти-
ромъ и Еѳіопіей ²⁾). Раһаб обозначаетъ Египеть и въ словахъ
пророка Исаи о мышцѣ Господней (51, 9): „не ты ли сразила
гаһаб, поразила крокодила“, потому что въ дальнѣйшихъ сво-
ихъ словахъ пророкъ ясно даетъ это понять, ведя рѣчь о чу-
десномъ изведеніи евреевъ изъ Египта ²⁾). Что подъ образами
чудовищъ съ указанными наименованіями разумѣется Египеть
и въ изреченіи псалма 73, 13—14: „ты расторгъ силою твоею
море, ты сокрушилъ головы змievъ (raschej tanninim), ты со-
крушивъ голову Левіаѳона (raschej livjathan), отдалъ его въ
пищу людямъ пустыни“,—показываетъ слѣдующій 15 стихъ
того же псалма, содержащій въ себѣ рѣчь о чудесномъ исходѣ

¹⁾ Іов. IX, 13. XXVI, 12. Ср. König, Bibel und Babel, 10-te Auflage S. 31.

²⁾ König, ibidem. S. 31

³⁾ Ср. 30, 7. König, ibidem. S. 30. Ср. Knieschke, Bibel u. Babel. S. 17. Ср. Oettli, Der Kampf um Bibel und Babel. S. 12.

Евреевъ изъ Египта. Очевидно, *tannim* и *livjathan* не какія либо чудовища моря, а простыя поэтически-образныя обозначенія этой страны ¹⁾. Правда, мы безусловно достоверно не знаемъ о генезисѣ этихъ образовъ, тѣмъ не менѣе съ большой степенью вѣроятности мы можемъ признать эти образы естественно навязанными ветхозавѣтнымъ пророкамъ современными имъ историческими событіями. Въ самомъ дѣлѣ, Египетское войско, грозно надвигающееся на еврейскія царства изъ-за моря, вполне естественно могло представляться, въ страхѣ ожидающимъ его евреямъ, въ видѣ грознаго чудовища, олицетворяться для нихъ въ какомъ либо существѣ, внушающемъ однимъ уже своимъ видомъ ужасъ. На сравненіе же Египта съ чудовищами именно моря могло толкать поэтически настроенныхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ народа Божія самое географическое положеніе египетской страны, узкою полосой тянувшейся вдоль берега моря. При томъ же, слово *Tannim*, идущее въ Ис. 51, 9 въ параллель слову *Rahab*, собственно и значитъ въ переводѣ „въ длину распростертый звѣрь“ ²⁾.

Нельзя не отмѣтить еще очень важнаго обстоятельства, подрывающаго въ самомъ корнѣ значеніе всѣхъ приведенныхъ и другихъ рационалистическихъ сопоставленій библейскихъ изреченій о змѣяхъ или драконахъ съ вавилонскимъ мифомъ о Мардукѣ и Тіаматъ; это обстоятельство заключается въ слѣдующемъ. По ходу сопоставленій черты Мардука переносятся безъ остатка на Іегову, библейскіе образы морскихъ чудовищъ Левіаѳана, Раава, Таннима должны быть отраженіемъ самой Тіаматъ; но послѣдняя, оказывается, въ клинописной литературѣ не имѣетъ для себя соответствующихъ образовъ, изображеній драконовъ. Само собой разумѣется, что упоминаніе въ вавилонскомъ мифѣ о томъ, что Тіаматъ для наказанія боговъ—мятежниковъ создала исполинскихъ змѣй, разнаго рода ужасныхъ чудовищъ, не можетъ служить опроверженіемъ значенія указаннаго нами обстоятельства, по крайней мѣрѣ, несомнѣннымъ (опроверженіемъ) ³⁾.

¹⁾ König, Bibel und Babel... S. 31.

²⁾ Ibidem („Langgestrecktes Tier“)

³⁾ Hommel, Die altorientalischen Denkmäler und das Alte Testament... S. 17, 18.

Но особенно сильно говоритъ противъ возможности рационалистическихъ сближеній библейскихъ мѣстъ о драконахъ съ вавилонскимъ мифомъ о борьбѣ Мардука съ Тіамать, рѣшительно доказывая ихъ (сближеніе) необоснованность,—справедливо отмѣченное учеными вавилонское представленіе праматери Тіамать въ женоподобномъ существѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что попытки западныхъ рационалистовъ, поставить библейскія изреченія о драконахъ въ параллель вавилонскому мифу, для доказательства ихъ предвзятой мысли о генетической связи между Библией и Вавилономъ. оказываются слишкомъ натянутыми, гипотетическими, опираются въ основѣ своей на положенія не только не доказанныя, но даже серьезно оспариваемыя другими учеными, нерѣдко даже сторонниками вавилонизаціи Библии. Отсюда, ясенъ самъ собой справедливый отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи Вавилона къ Библии по этимъ пунктамъ: генетической связи между библейскими драконо—змѣями и вавилонской Тіамать, вопреки Деличу и другимъ, нѣтъ и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ—въ виду, съ одной стороны, того, что ветхозавѣтные пророки и псалмопѣвецъ съ указанными образами морскихъ чудовищъ никогда не соединяли мифологическихъ представленій, употребляя эти образы въ совсѣмъ другомъ смыслѣ, съ другой стороны, въ виду того, что и сама Тіамать въ представленіи вавилоняпъ, если судить по вавилонской литературѣ, не имѣетъ тѣхъ чертъ, которыми характеризуются библейскіе змѣи—драконы. Прямымъ результатомъ излишняго тендеціознаго стремленія западныхъ апологетовъ сгладить сходство и подчернуть какъ можно сильпѣе ихъ различіе явился пропускъ въ трудахъ этихъ апологетовъ нѣкоторыхъ вполне возможныхъ аналогій въ дальнѣйшемъ ходѣ обоихъ сказаній, которыя, не говоря нисколько, какъ увидимъ ниже, противъ генетической независимости Библии отъ Вавилона, могутъ, между тѣмъ, имѣть нѣкоторое значеніе для Библии, хотя бы подтверждая косвеннымъ образомъ истинность и достовѣрность библейскаго повѣствованія о послѣ-

¹⁾ Gunkel, Israel und Babylonien... S. 23. Ср. P. Israel Christl. Welt 1902. Sp. 489. Ср. König, Bibel und Babel... S. 29.

дующихъ ступеняхъ постепеннаго образованія міра, поскольку можно усмотрѣть въ вавилонскомъ мифѣ за мифологическимъ покрываломъ и разнаго рода причудами крупницы исторической истины, слабый отзвукъ міровыхъ первособытій. Съ другой стороны мы вовсе не хотимъ ослаблять справедливо отмѣченнаго здѣсь западными учеными существеннаго различія, заключающагося въ идеѣ шестидневнаго творенія, господствующей въ Библии и совершенно отсутствующей въ вавилонскомъ мифѣ ¹⁾).

Библия ясно говоритъ о первоначальномъ образованіи міра въ шесть дней съ точнымъ указаніемъ твореній на каждый день. Ничего подобнаго опредѣленности библейскаго разсказа о міротвореніи мы не найдемъ въ ассировавилонскомъ повѣствованіи, въ которомъ опредѣлить продолжительность мірообразованія невозможно; нѣкоторые библейскіе дни творенія, — на примѣръ, первый, въ который созданъ свѣтъ, — совсѣмъ не имѣютъ себѣ никакой аналогіи въ соотвѣтствующей части вавилонскаго сказанія. Отображенія остальныхъ дней творенія можно видѣть въ ассировавилонскомъ повѣствованіи съ достаточною ясностію. Такъ, сопоставляя частности вавилонскаго сказанія о созданіи Мардукомъ изъ трупъ Тіаматъ вселенной, — какъ-то: разсѣченіе трупъ Тіаматъ на двѣ половины, созданіе изъ одной половины неба, съ устройствомъ запоровъ и поставленіемъ стражей съ цѣлю не выпускать небесныхъ водъ, съ библейской исторіей втораго дня творенія, — когда образована была твердь или видимое воздушное небо и произошло отдѣленіе и сосредоточеніе водообразныхъ небесныхъ массъ, — мы видимъ нѣкоторую аналогію ²⁾. Воздержимся здѣсь пока отъ какихъ либо выводовъ до окончанія сопоставленія вавилонскаго сказанія съ библейскимъ въ объемѣ всѣхъ дней. Третій день творенія, отмѣченный въ библейскомъ повѣствованіи отдѣленіемъ воды отъ плотной земляной массы, появленіемъ водныхъ вмѣстѣлицъ и суши съ растительнымъ на ней царствомъ, — можетъ быть поставленъ въ параллель съ ассировавилонскимъ сказаніемъ о созданіи на землѣ Мардукомъ опредѣленныхъ тоже

¹⁾ Knieschke, Bibel und Babel... S. 20.

²⁾ Вит. 1, 6—8, ср. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek. VI, I. S. 29. 31.

водныхъ вмѣстилищъ,—ограниченныхъ берегами,—суши и проведенныхъ по ней (для орошенія вѣроятво) рѣкъ Тигра и Евфрата, о произведеніи травы, стеблей на лугу, тростниковыхъ произрастлей, лугового кустарника, зеленой травы на полѣ и т. п. ¹⁾). Четвертому дню творенія по Библии,—когда были созданы свѣтила на тверди небесной: солнце, луна и звѣзды, солнце—„свѣтило большое для освѣщенія земли днемъ и луна для освѣщенія земли ночью“, и „чтобы отдѣляли свѣтъ отъ тьмы, день отъ ночи“, и „для знаменій и временъ, и дней и годовъ“,—очень близкую параллель даетъ соотвѣтствующее ассировавилонское повѣствованіе объ установленіи звѣздъ, ихъ подобія, созвѣздія зодіака и распределенія временъ года, при помощи свѣтилъ по мѣсяцамъ, недѣлямъ, днямъ и ночамъ ²⁾ и т. д. Пятый библейскій день творенія,—въ который были созданы рыбы, плавающія въ водахъ, и птицы, летающія по воздуху надъ землею,—не имѣетъ себѣ опредѣленнаго, соотвѣтствующаго отраженія въ ассировавилонскомъ повѣствованіи, которое не упоминаетъ отдѣльно объ этихъ видахъ произведенныхъ животныхъ. Но соотвѣтствіе несомнѣнно есть и скрывается въ словахъ міеа, говорящихъ въ общемъ смыслѣ о созданіи „живыхъ тварей“, „каждой твари“ ³⁾). Шестой день творенія міра по библейскому повѣствованію ознаменовывается населеніемъ суши созданными животными всѣхъ родовъ и видовъ и, наконецъ, человѣкомъ, созданнымъ по образу и подобию Божіему. Замѣчательно, что и ассировавилонское повѣствованіе говоритъ о созданныхъ животныхъ и даетъ довольно обстоятельный перечень ихъ; есть въ клинописной литературѣ ассировавилонянъ и исторія происхожденія людей и человѣческаго племени. „Мардукъ создалъ людей, а Аруру вмѣстѣ съ нимъ создалъ человѣческое племя“,—говоритъ дошедшая до насъ въ краткомъ видѣ редакція ассировавилонскаго преданія. При этомъ, въ этой редакціи есть, пожалуй, нѣкоторый намекъ на то, что созданная человѣческая пара отличается отъ ранѣе созданныхъ родовъ живыхъ существъ,

¹⁾ Быт. 1, 9—18, ср. Schrader, *ibidem*. S. 39.

²⁾ Быт. 1, 14—19, ср. Schrader, *ibidem*. S. 31. 33.

³⁾ Быт. 1, 20—23, ср. Schrader, *ibidem*. S. 39. 43.

превосходить ихъ, потому что только объ этихъ двухъ небольшихъ существахъ среди всего множества тварей говорится, что они созданы „прекрасно“¹⁾.

Мы не думаемъ, чтобы можно было,—оставаясь на строго-научной почвѣ и вполне безпристрастнымъ къ указаннымъ выше аналогіямъ клинописи къ библейской исторіи творенія,—заключать о томъ, что Бытописатель заимствовалъ изъ вавилонскаго повѣствованія и, сообразно съ собственнымъ взглядомъ и воззрѣніями своего народа на отдаленныя первобытныя событія, обработалъ его. Подобному заключенію рѣшительно противорѣчатъ многія черты въ вавилонскомъ повѣствованіи, которыя, не могли имѣть мѣста въ оригинальномъ произведеніи; библейская исторія миротворенія, простая и безыскусственная по содержанію, лаконическая и отрывочная по языку, напротивъ, даже ближе стоитъ къ первопреданію, чѣмъ болѣе сложный по замыслу и по характеру болѣе художественный ассиرو-вавилонскій хаосъ. Въ этомъ мы легко убѣдимся, если присмотримся ближе. Возьмемъ для примѣра библейскую исторію за третій день творенія и параллельное ей ассиро-вавилонское повѣствованіе. Последнее изобилуетъ частностями, передаваемыми съ наивною подробностію и въ своеобразной картинной обстановкѣ, отличается чертами, проведенными намѣренною рукою позднѣйшаго времени, и носитъ несомнѣнные слѣды художественной обработки. Несомнѣнно, ассиро-вавилонское повѣствованіе въ своей основной идеѣ истина, содержитъ историческое зерно, заимствованное изъ общаго первоисточника, изъ первоначальнаго общаго преданія, которымъ жило человечество до раздѣленія на отдѣльныя группы. Что это первое преданіе о происхожденіи міра подверглось въ ассиро-вавилонской редакціи значительной обработкѣ и передѣлкѣ, въ соотвѣтствіи съ духомъ времени и мѣста, въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ отдѣлъ въ ассиро-вавилонскомъ эпосѣ, соотвѣтствующій основной мысли библейскаго сказанія о созданіи свѣтилъ небесныхъ, въ которомъ,—въ зависимости отъ общаго воззрѣнія ассиро-

1) Быт. 1, 24—27, ср. Schrader, *ibidem*. S. 41. 43, ср. Schrader, *Keilinschrift. u. A. T.* 2-te Aufl. 1883. S. 26, ср. Smith's, *Chaldaishes Genesis*. 1876. Leipzig. S. 74. 75.

вавилонянь, ставящихъ Сина-бога луны выше Шамана, бога солнца, и отдававшихъ преимущество лунному счисленію предъ солнечнымъ ¹⁾),—описанію луны посвящено больше вниманія, чѣмъ солнцу, богъ котораго считался сыномъ Сина, бога луны. Далѣе, упоминаніе въ ассиро-вавилонскомъ повѣствованіи объ океанѣ, берегахъ, о верфи съ очевидностію говорятъ о томъ, что люди, которые имѣли преданіе въ настоящей редакціи, жили гдѣ нибудь при морѣ и занимались судоходствомъ; встрѣчающіяся же здѣсь названія рѣкъ Тигра и Евфрата указываютъ страну, гдѣ могло получить настоящій свой видъ это повѣствованіе; кирпичныя постройки, о которыхъ много говорится въ рассматриваемомъ повѣствованіи, говорятъ о характерѣ страны и склонности ассиро-вавилонянь къ разнаго рода сооружеціямъ и постройкамъ.

Итакъ, по вопросу о міротвореніи вавилонскія космогоніи даютъ нѣсколько и довольно близкихъ аналогій, представляющихъ собою внѣшнія доказательства исторической объективности библейскаго повѣствованія. Но эти аналогіи,—объясняемая тѣмъ, что и у ассиро-вавилонянь сохранилось нѣкоторое смутное представленіе о происхожденіи міра и человѣка,—не даютъ права ставить библейское повѣствованіе въ какую либо генетическую зависимость отъ вавилонской космогоніи въ виду большого, существеннаго различія ихъ между собою, граничащаго (различія) верѣдко съ прямымъ противорѣчіемъ. „Съ перваго взгляда, говорятъ г. Эттли ²⁾), видно, что между извѣстіемъ 1 главы кн. Бытія и вавилонскимъ міромъ лежитъ непроходимая бездна. Весь фантастическій міръ боговъ здѣсь исчезъ сразу. Когда отъ вавилонскаго сказанія переходишь къ первой главѣ Библии, то кажется, какъ будто, изъ области спутанной фантазіи лихорадочнаго больного, вступаешь въ чистую атмосферу здоровой ясности духа и разумности“. Въ частности, эта бездна различія скрывается, прежде всего, въ отсутствіи въ вавилонскомъ эпосѣ идеи чистаго творенія, весьма характерной черты библейскаго повѣствованія. „Вслѣдствіе

¹⁾ Въ библ. повѣствованіи изъ 2-хъ главныхъ небесныхъ свѣтилъ господствующее положеніе занимаетъ всегда солнце, Библия прежде говоритъ о немъ.

²⁾ Oettli, Der Kampf um Bibel und Babel... s. 9—10.

утраты этой основной идеи, говоритъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ богослововъ ¹⁾, высняя форма повѣствованія лишилась своего глубокаго внутренняго смысла, но она, разумѣется, не могла оставаться пустою и, дѣйствительно, вскорѣ наполнилась новымъ содержаніемъ политеистически-натуралистическаго характера². По вавилонскому миѳу источникомъ бытія служитъ хаосъ, первовещество міра, изъ котораго все произошло, не исключая и боговъ. Между Библией и Вавилономъ здѣсь полная противоположность. Вавилонскій миѳъ—это не космогонія только, а и теогонія, въ родѣ теогоніи Гезіода ²⁾. Библия же совсѣмъ не касается вопроса о происхожденіи Бога. Далѣе, происхожденіе міра вавилонскій миѳъ представляетъ, какъ результатъ борьбы между богами, въ совершенной противоположности опять Библии, гдѣ созданіе міра есть дѣло Всемогущаго и Любвеобильнаго Бога ³⁾. Но самое главное,—въ чемъ различаются сопоставляемыя повѣствованія и что больше всего говоритъ противъ раціоналистическаго вывода библейскаго повѣствованія изъ Вавилона,—заключается въ тѣхъ представленіяхъ о божествѣ, какія господствуютъ въ библейскомъ повѣствованіи и вавилонскомъ миѳѣ. „Вавилонскій миѳъ о твореніи,—говоритъ Киттель,—какъ проникнутый духомъ грубаго политеизма не можетъ быть оригиналомъ для Библии, какъ политеизмъ вообще не можетъ претендовать на старшинство предъ монотеизмомъ въ виду того, что, по словамъ Мюллера, „человѣчскій духъ понятія о богахъ не могъ бы составить, еслибы онъ прежде не имѣлъ понятія о Единомъ Богѣ“ ⁴⁾.

Тоже самое объясненіе,—какое положено нами въ основу вопроса о параллеляхъ въ повѣствованіяхъ Библии и Вавилона о міротвореніи,—мы должны дать и въ отношеніи другой библейской исторіи о грѣхопаденіи нашихъ прородителей. Факты

¹⁾ А. Цокровскій. Библейское ученіе о первобытнѣйшей религіи. Серг. Пос. 1901, стр. 84.

²⁾ König, Bibel und Babel... s. 35, ср. Knieschke, Bibel und Babel... s. 16, ср. Kittel, Die babylonsche Ausgrabung. s. 28. ср. Jeremias, im Koimpfe um Babel und Bibel... s. 17.

³⁾ Hommel, Die altorientalisch. Denkmäler... s. 21, 22.

⁴⁾ Kittel, ibidem. s. 30, 31.

параллелей (хотя бы очень отдаленныхъ) несомнѣнно замѣчаются и въ этомъ пунктѣ, даже больше: они должны быть, потому что исторія о томъ, какъ человѣкъ лишился первобытнаго блаженнаго состоянія, обѣщавшаго ему вѣчную, бессмертную жизнь въ невозмутимо радостномъ общеніи съ Богомъ, всегда и во всѣ времена имѣла большое значеніе для человѣка, не избавившагося еще и до сихъ поръ, въ благодатномъ царствѣ Христа, отъ тяжелымъ бременемъ лежащихъ на его плечахъ послѣдствій нравственнаго преступленія перваго человѣка. Понятно, такое великое событіе, послужившее причиною потери безпечальной жизни въ раю, не могло не оставить слѣдовъ въ памяти потомковъ первоизданной четы. Но опять таки и здѣсь мы напередъ можемъ отмѣтить вполнѣ естественныя на пути развитія человѣческой мысли различныя степени ясности въ воспоминавіяхъ различныхъ народовъ объ этой нравственной катастрофѣ въ первобытной исторіи человѣчества. Въ частности, древнія вавилонскія традиціи о золотомъ вѣкѣ и паденіи представляютъ очень смутный отголосокъ разбираемаго нами первособытія и во всякомъ случаѣ, вопреки раціоналистамъ, никакъ не могутъ быть рассматриваемы за такія, на почвѣ которыхъ создалась, будто бы, библейская исторія грѣхопаденія. Въ ближайшемъ анализѣ обоихъ преданій о паденіи мы постараемся показать, что въ древнихъ традиціяхъ Вавилона, не говоря уже о частностяхъ, которыя—безспорно въ нихъ легендарно-миеологическаго свойства, даже историческое зерно, историческая основная истина подверглась значительному искаженію и извращенію, сравнительно съ Библией, гдѣ истина, наоборотъ, сохранилась въ чистомъ и неповрежденномъ видѣ и самый рассказъ, простой и безыскусственный, данъ связно, кратко, но полно и, слѣдовательно, ближе къ первопреданію ¹⁾).

Перейдемъ къ анализу и характеристикѣ наиболее типичнаго, изъ относящихся сюда вавилонскихъ міеовъ, сказанія о томъ,—какъ Адама (человѣкъ) лишился безсмертія. Это сказаніе дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ,—одной, имѣющей

¹⁾ См. II и III гл. вв. Бытія, ср. Chr. Dieckmann, Gilgames-Epos... Leipzig 1902, в. 179—180.

въ очень отрывочномъ видѣ въ ниневійской библіотекѣ, и другой подробной, сохранившейся на одной изъ таблицъ, найденныхъ въ развалинахъ египетской деревушки Tell—el—Amarna ¹⁾. Общія черты этого, сравнительно небольшого по объему (около 115 стиховъ), вавилонскаго мѣа можно представить въ такомъ видѣ: Адапа, сынъ морского владыки, бога Эа, „счастливый и исполненный всякою мудростью“, занимается промысломъ рыбака, входящимъ въ кругъ его обязанностей по отношенію къ „дому его господина“, т. е. храму бога—отца въ Eridu, гдѣ Адапа состоитъ жрецомъ и куда, какъ таковой, онъ долженъ доставлять каждодневно рыбу ²⁾. Однажды во время рыбной ловли бурный вѣтеръ, поднявшійся съ юга въ образѣ исполинской птицы, опрокидываетъ лодку и уноситъ ее въ море. Разгнѣванный полубогъ въ отмѣстку бурѣ-птицѣ ломаетъ ей крылья, такъ что южный вѣтеръ въ продолженіе цѣлыхъ семи дней не могъ исполнять своихъ обязанностей, вслѣдствіе чего было прекращеніе весны („растенія перестали цвѣсти“) и невольный уходъ съ земли двухъ боговъ, бога весны Таммуза (Tammuz) и Гидзида (Giszida) ³⁾. Когда Ану, владыка неба и вѣтровъ, узнаетъ объ этомъ поступкѣ, то приходитъ въ сильный гнѣвъ и на экстренно созванномъ собраніи боговъ требуетъ доставить ему дерзкаго смертнаго, чтобы подвергнуть его затѣмъ суровой отвѣтственности. Богъ Эа, во владѣніяхъ котораго скрылся Адапа, не смѣя противиться грозному требованію Ану, выдаетъ Адапу на судъ боговъ, но при этомъ не оставилъ Адапу безъ руководящаго наставленія. По совѣту Эа, Адапа долженъ одѣться въ траурныя одежды и въ такомъ видѣ явиться предъ Ану и, —если боги спросятъ его, зачѣмъ онъ носить трауръ,—указать на исчезновеніе съ земли боговъ, какъ на причину его печали. Но самый главный совѣтъ, который даетъ своему любимцу богъ Эа, заключается въ слѣдующей заповѣди: „когда ты предстанешь предъ богомъ Ану, тебѣ предлагать пищу смерти: не ѣшь. Предло-

¹⁾ Превосходный нѣмецкій переводъ этого сказанія данъ г. Винклеромъ въ „Keilinschriftlich Bibliothek VI, I. Berlin 1901, s. 92—101, ср. Winckler u. Zimmern, Keilinschrift. u. A. T. 3-te Aufl. s. 522—523.

²⁾ Keilinschriftliche Bibliothek, VI, 1, s. 93.

³⁾ Ibidem s. 95.

жать тебѣ воду смерти: не пей. Тебѣ предложить одежду: надѣть. Тебѣ предложить елей: умастись имъ. Заповѣдью моею не пренебреги. Слово, мною изреченное, прими къ сердцу“¹⁾. Адапа на судѣ Ану. Откровеннымъ призваніемъ подсудимаго въ томъ, что онъ дѣйствовалъ единственно ради самообороны, разгнѣванные боги удовлетворяются, извиненія Адапы смягчаютъ ихъ гнѣвъ и они почувствовали расположеніе къ подсудимому и готовы даже оказать ему милость предложеніемъ пищи жизни, чтобы онъ „нечистый земной житель“, попавшій въ небесную обитель и увидѣвшій „тайны неба и земли“, сталъ окончательно равнымъ другимъ богамъ—небожителемъ. Но Адапа, помня предостереженіе Эа, не прикасаться ни къ тому, ни къ другому и своимъ отказомъ отъ предложеннаго угощенія на всегда лишаетъ себя вѣчной жизни въ сонмѣ безсмертныхъ боговъ. Тогда Ану удивленно посмотрѣлъ на него и сказалъ: „о Адапа, почему ты не ѣлъ, почему ты не пилъ, теперь и жить ты не будешь вѣчно! Возьмите, сведите его на землю его“²⁾.

Конечно, въ изложенномъ мнѣѣ есть лишь очень отдаленное сходство съ библейскимъ рассказомъ о раѣ и грѣхопаденіи, потому что и тамъ и здѣсь упоминается о потерѣ человекомъ возможности быть безсмернымъ. Впрочемъ, и эта, общая обоимъ рассказамъ мысль о причинѣ смертности человека передава въ нихъ въ существенно-различной формѣ; если не назвать прямо противоположной. Въ названной легендѣ объ Адапѣ нѣтъ самой главной, выдающейся и исключительной стороны библейскаго сказанія, заключающейся, по словамъ еп. Хрисанея, въ мысли, что причина ненормальнаго настоящаго нравственнаго состоянія человека—онъ самъ, его свободная воля. По Библии не Богъ виновникъ зла; оно въ человекѣ, злоупотребившемъ своею свободой³⁾. Но что же мы видимъ въ сказаніи объ Адапѣ? Какъ разъ обратное библейскому сказанію. Въ вавилонскомъ мнѣѣ виновникомъ потери Адапой возможности быть безсмертнымъ является не самъ Адапа, а богъ Эа,

1) Ibidem s. 97.

2) Ibidem s. 99, 101, ср. Knieschke, Bibel und Babel... s. 25—26

3) Хрисаней. Религіи древняго міра, т. III, 157 стр.

лучшій другъ челоѳчества, благодѣтель и избавитель во всякихъ другихъ бѣдахъ. Кстати, нельзя не отмѣтить бросающагося въ глаза наивно-дѣтскаго представленія въ миѳѣ о божествѣ. Эа—по миѳу собственно и не богъ, хотя и называется богомъ, если онъ или не могъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій своего совѣта Адапѣ, или что еще больше говоритъ противъ его божественности, если онъ сознательно ввелъ Адапу въ обманъ, чтобы помѣшать ему въ достиженіи того, чего всего болѣе жаждетъ душа челоѳка,—безсмертія. Равнымъ образомъ, вавилонскій миѳъ нигдѣ не указываетъ, чтобы Адапа былъ первымъ челоѳкомъ (?). Напротивъ, по словамъ ассиріологовъ, онъ выступаетъ въ миѳѣ болѣе богомъ, чѣмъ челоѳкомъ (онъ сынъ бога Эа), или, по крайней мѣрѣ, посредникомъ стоящимъ между богомъ и первымъ челоѳкомъ, диміургомъ или логосомъ ¹⁾. Не видимъ также въ вавилонскомъ миѳѣ образа искуителя, имѣющаго, между тѣмъ, перво-степенное значеніе въ библейскомъ разсказѣ. Сближать библейскаго искуителя, пожалуй, можно съ богомъ Эа, поскольку послѣдній привнесъ вредъ Адапѣ своимъ наставленіемъ. Но полного отождествленія здѣсь не можетъ быть, потому что библейскій искуитель не имѣетъ той характеристики, какая дается миѳомъ богу Эа: Эа — всетаки лучшій другъ челоѳчества, благодѣтель и избавитель въ бѣдахъ ²⁾.

Такое весьма ничтожное сходство, при очень обычномъ, по существу, различіи вавилонскаго миѳа объ Адапѣ съ библейскимъ разсказомъ о раѣ и грѣхопаденіи не только разрываетъ устанавливаемую раціоналистами генетическую связь обоихъ разсказовъ другъ съ другомъ, но даже приводитъ къ сильному сомнѣнію вообще въ какомъ либо родствѣ между ними по содержанію. Отмѣчая въ библейской исторіи раю и грѣхопаденія черты, параллельныя вавилонскому миѳу объ Адапѣ, г. Циммернъ сопровождаетъ свое сравненіе такого рода замѣчаніемъ: „ходъ мыслей здѣсь и тамъ, говоритъ онъ, специфически различенъ“ ³⁾. Миѳніе этого ученаго весьма важно, потому

¹⁾ Hommel, Die altorientalischen Denkmäler und das Alte Testament. 2-te Aufl. v. 22, ср. Knieschke, ibidem. s. 25.

²⁾ А. Рагозиной. Исторія Халдеи, 2 изд. Маркса. 396 стр.

³⁾ Winckler u. Zimmern, Die Keilinschrift. u. A. T. 3-te Auflage. s. 522.

что трудно заподозрить его въ данномъ случаѣ въ какомъ либо пристрастіи, такъ какъ г. Циммернъ въ томъ же самомъ своемъ трудѣ выступаетъ большимъ сторонникомъ „панвавилонской“ культуры и поборникомъ „вавилонизаціи“ Библии.

Особенно ясный отголосокъ первобытнаго грѣхопадевія людей, очень близкій къ библейской исторіи рая и грѣхопадевія, рационалисты усердно стараются доказать въ другомъ преданіи древнихъ вавилонянъ, только записанномъ не простымъ перомъ лѣтописца, а искусною кистію древне-вавилонскаго мастера—художника. Мы имѣемъ въ виду одинъ любопытный рисунокъ, открытый еще въ 1875 году, ученымъ Смитомъ на одномъ изъ барельефовъ въ развалинахъ Вавилона. Рисунокъ изображаетъ дерево съ горизонтально протянутыми семью вѣтвями. На нижней части дерева, по обѣ стороны его, свѣсилась два большихъ плода, по одному на каждой сторонѣ. Здѣсь же мы видимъ двѣ человѣческія фігуры, различающіяся по своеобразному и характеристическому для нихъ головному убору, сидящія другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ дерева съ распростертыми къ плодамъ руками. Одна фігура имѣетъ рога на головѣ, позади другой фігуры, корпусъ которой значительно уже, вертикально стоитъ вольнообразная линія, напоминающая фігуру взвившейся змѣи. Эта картина, по мнѣнію Фр. Делича, не только даетъ прекрасную иллюстрацію къ библейской сценѣ грѣхопадевія, но служитъ оригиналомъ для библейскаго повѣствованія о раѣ и грѣхопадевіи. Упомянувши о выдающейся религіозно-исторической важности вопроса о происхожденіи библейскаго разсказа о грѣхопадевіи, Фр. Деличъ въ своемъ извѣстномъ рефератѣ прямо, безъ всякихъ обиняковъ, связываетъ это происхожденіе съ названною картиной. „Могу-ли я поднять покрывало? указать на древній цилиндръ... (далѣе идетъ описаніе картины). Можетъ-ли не быть связи между этимъ древне-вавилонскимъ изображеніемъ и библейскимъ повѣствованіемъ.“¹⁾

Смѣлый, увѣренный въ непогрѣшительности тонъ, какимъ трак-

¹⁾ Babel und Bibel, 4-te Ausgabe s. 37, ср. Wo lag das Paradies? (Leipzig 1881) s. 90, гдѣ Фр. Деличъ по поводу той же картины сказалъ: „Situation, die er darstellt, ist klar—es ist der sündenfall“..

туеть Фр. Деличъ о названной картинѣ вавилонскаго цилиндра, заставляеть насъ поближе ознакомиться съ содержаніемъ этой картины, вникнуть во всѣ детали послѣдней и рѣшить, насколько онѣ (эти детали) могутъ идти въ параллель библейскому разсказу. Прежде всего, мы должны, вопреки Деличу, отмѣтить чрезвычайную туманность самаго рисунка, при которой можно послѣднему придавать какой угодно смыслъ, видѣть все, что пожелаетъ фантазія любопытнаго созерцателя. Доказательства тому на лицо: между прочимъ, тотъ фактъ, что противъ признанія зависимости библейскаго разсказа о грѣхопадении отъ занимающей насъ вавилонской картины говоритъ цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдователей, рѣшительно отвергающихъ всякую связь между тѣмъ и другой. По словамъ г. Книшке, пожалуй на первый взглядъ можно признать въ названной картинѣ сходство съ библейскимъ разсказомъ, но только на первый. Присматриваясь ближе, мы уже не находимъ его. Въ библейскомъ разсказѣ женщина первая беретъ плодъ съ дерева и даетъ его мужу. Эта характерная черта совершенно отсутствуетъ на картинѣ. Фигуры могутъ означать бога съ молящейся ему мужской или женской фигурой, наслаждающейся плодами дерева ¹⁾. Едуардъ Шрадеръ говоритъ, что вавилонская картина, въ цѣлостномъ видѣ разсматриваемая, едва-ли имѣетъ какое-либо отношеніе къ грѣхопадению, потому что рисунокъ не представляетъ существеннѣйшаго момента библейскаго повѣствованія: женщина вручаетъ мужчинѣ запрещенный плодъ ²⁾. Касательно той же картины г. Тенсенъ въ *Christl. Welt*, sp. 488, замѣчаетъ, что можно въ обѣихъ фигурахъ видѣть изображеніе двухъ боговъ, которые живутъ подъ деревомъ, а въ змѣѣ—его сторожа, и тогда все укладывается безъ остатка ³⁾. Гг. Тиле, Будде и Дилльманъ попытку Смита и Ленормана усматривать въ названной картинѣ указаніе на грѣхопаденіе прямо относятъ на счетъ „поэтической фан-

¹⁾ Knieschke, *Bibel und Babel...* S. 24. 25. Ср. König, *Bibel und Babel...* S. 29. Ср. Wildeboer въ „*Stemmen voor Wahrheden uredede*“ 1902. blz. 746 ст.: *Het kunnen beid manfiguren zijn*“ (König, *ibidem* s. 28).

²⁾ Keilinschrift. u. A. T. Giessen. 1888. s. 87.

³⁾ Knieschke, *ibidem* s. 25, ср. König, *ibidem* s. 28, ср. Kittel, *Die Babylon ausgrabungen...* s. 32.

тазиі этихъ ассиріологовъ“¹⁾. Г. Гоммель обращаетъ вниманіе на то, что положеніе змѣя позади женщины не гармоняруеть съ его ролью оратора—искусителя въ библейской исторіи грѣхопаденія²⁾. И Гольцингеръ, который нѣкогда охотно признавалъ связь вавилоно-ассирійскихъ представленій, говоритъ объ этой картинѣ, что приведенная змѣевидная линія можетъ быть „лишь орнаментальнымъ штрихомъ“, линіей, имѣющей значеніе орнамента³⁾.

Приведенныя мнѣнія ученыхъ изслѣдователей ясно и убѣдительно доказываютъ, что Деличъ, не вникнувъ глубоко прежде во всѣ детали вавилонскаго рисунка, напрасно поспѣшилъ съ выводами. Если бы даже въ этомъ рисункѣ и были дѣствительныя параллели библейскому грѣхопадению, тѣмъ не менѣе тотъ фактъ,—что глубокій смыслъ столь сложный библейской исторіи далеко не можетъ исчерпываться названнымъ изображеніемъ,—остается непоколебимо—несомнѣннымъ. Значить, и всякая рѣчь—здѣсь о генетической зависимости Библии отъ Вавилона въ этомъ случаѣ, о томъ, что Бытописатель только воспроизвелъ специфически вавилонское преданіе,—гипотетична и внушаетъ весьма большія сомнѣнія⁴⁾.

По справедливому мнѣнію, самое большее, что можно съ нѣкоторой долей вѣроятности сказать, всматриваясь въ вавилонскую картину, заключается въ томъ, что даетъ только прямой смыслъ подписи, сдѣланной Фр. Деличемъ подъ этимъ рисункомъ: „грѣхопаденіе въ вавилонскомъ представленіи“⁵⁾. Тогда эта картина будетъ лишь говорить о томъ, что и у вавилонянъ сохранилось общее преданіе челоѣчества о райской жизни и о причинѣ потери первыми людьми тамошняго блаженства и что библейское повѣствованіе о грѣхопадении неодинокое. Насколько это преданіе нашло себѣ ясное (?) выраженіе въ упо-

1) A. Dillmann. Die Genesis. 5-te Auflage. Leipzig 1886. s. 49.

2) Hommel, Die altorientalischen Denkmäler u. A. T. s. 23.

3) Holzinger, Kurzer Handkommentar zur Genesis, 1898. s. 47, ср. König, *ibidem* s. 28.

4) Нѣтъ достаточныхъ основаній у Делича и въ установкѣ древности этого памятника около 3500 л. до Р. X.

5) Ср. Chr. Dieckmann, Gilgames-Epos... Leipzig 1902, s. 181.

мянутаго рисункѣ, это вопросъ другой и нами уже разобравшій.

Съ ограниченіями, въ послѣднемъ смыслѣ, могутъ идти въ параллель библейскому повѣствованію о раѣ и грѣхопаденіи и встрѣчающіяся въ древне-вавилонской литературѣ упоминанія о „древѣ жизни“, „рощѣ боговъ“ (библ. садъ Эдемъ), о „хлѣбѣ жизни“, „травѣ жизни“, о „водѣ жизни“. Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій мы встрѣчаемъ въ миѣѣ объ Адапѣ. Въ дополненіе къ перечисленнымъ г. Циммернъ приводитъ цѣлый рядъ клинообразныхъ древне-вавилонскихъ надписей, гдѣ встрѣчаются подобныя выраженія. Такъ, среди множества хвастливыхъ фразъ царя Agag-Нирари 3-го о своемъ царствованіи, полномъ заботъ создать какъ можно прочнѣе благосостояніе его подданныхъ, не лишенаго внѣшняго блеска и лоска, мы встрѣчаемъ и такого рода замѣчаніе, что „богъ Ассуръ сдѣлалъ его правленіе надъ людьми Ассиріи такимъ же благотворнымъ, какъ и „трава жизни“ (sammi balati) ¹⁾. Въ надписи, принадлежащей Ассаргадону, упоминается о желаніи этого царя царствовать такъ же легко, какъ „трава жизни“ для „тѣла людей“ ²⁾. Въ одномъ гимнѣ Мардуку, послѣдній прославляется какъ источникъ „травы жизни“ (samme balati) ³⁾. Подобнымъ же образомъ выраженіе „трава жизни“ употребляется въ вавилопо-ассирійской литературѣ и для обозначенія личности, какъ имя собственное ⁴⁾. Въ поэмѣ о сошествіи богини Иштаръ въ преисподнюю рассказывается, какъ эта богиня предприняла столь трудное путешествіе, надѣясь найти тамъ „воду жизни“, чтобы принести ее „Думмузи, любимцу своей юности“, погибшему въ священномъ лѣсу, вѣроятно, отъ клыка какого-нибудь дикаго звѣря, посланнаго на него вражескими силами ⁵⁾. Въ Эпосѣ-Гильгамешъ „травѣ жизни“ приписываются чудесныя свойства превращать дряхлыхъ стариковъ въ цвѣтущихъ здоровьемъ юношей ⁶⁾.

¹⁾ Winckler u. Zimmern, Keilinschrift u. A. T... 3-te Aufl. s. 523, ср. Keilinschriftliche Bibliothek. B. 1. Berlin 1889, s. 191. (Schrader).

²⁾ Winckler u. Zimmern, *ibidem* s. 524.

³⁾ *Ibidem* s. 524.

⁴⁾ *Ibidem* s. 524.

⁵⁾ Keilinschrift. Bibliothek. B. VI. Theil. 1... s. 89 и др.

⁶⁾ *Ibidem* s. 251, ср. s. 516, ср. Winckler u. Zimmern., *ibidem* s. 524, 525.

Уже общее сравненіе приведенныхъ выраженій древне-вавилонской литературы о „травѣ жизни“, о „хлѣбѣ жизни“, о „живой водѣ“ съ „древомъ жизни“ библейскаго разсказа обнаруживаетъ поразительное различіе между первыми и вторымъ. Характерно, напримѣръ, то, что деревья библейскаго рая, относительно которыхъ человѣку были поставлены извѣстныя условія со стороны Бога, сами по себѣ вовсе не обладали тѣми свойствами, какія они, по слову творца, могли обнаруживать. Запрещенныя плоды „древа познанія добра и зла“ были съѣдобны и не заключали въ себѣ никакой самой въ себѣ смертельной матеріи. Первые люди, долженствовавшіе въ тотъ же самый день умереть, въ какой они вкусили отъ запрещенныхъ плодовъ, однако не умерли. Равнымъ образомъ, тоже случилось и съ дровомъ жизни: оно не проявило свойствъ поддержать вѣчную жизнь первосозданной четы на землѣ. Смерть оказалась выше жизненной силы „древа жизни“, такъ какъ первые люди, въ концѣ концовъ, все таки умерли. Свойства поддерживать жизнь въ одномъ случаѣ и вызывать смерть въ другомъ — деревьямъ библейскаго рая даны были Богомъ условно, чтобы научить людей ими послушанію волѣ Божіей, основанному на познаніи того, что добро и что зло. Добро все, что соотвѣтствуетъ волѣ Бога, зло, — что Ему противорѣчитъ. Когда первые люди преступили заповѣдь Бога, тогда дерево заповѣдное могло бы оказаться для нихъ въ тотъ же день вкушенія запрещенныхъ плодовъ дѣйствительно смертоноснымъ деревомъ, если бы Богъ по Своей милости не сохранилъ людей отъ смерти. Вообще, райское дерево само по себѣ ничего не сдѣлало съ жизнію человѣка.

Обращаясь къ указаннымъ выраженіямъ въ древне-вавилонской литературѣ, мы совсѣмъ не находимъ въ нихъ того смысла, какой соединяетъ съ дровомъ жизни Бытописатель. „Трава жизни“ (*sammi balati*), „вода жизни“ (*me balati*) и другія выраженія того же рода, по мнѣнію самого же Циммерна, обозначаютъ у вавилонянъ цѣлебныя свойства этихъ растений и воды въ общемъ медицинскомъ смыслѣ и могутъ быть прямо и точно переведены, какъ „цѣлебная трава“, „цѣлебная вода“, потому что въ вавилонскомъ, какъ и въ семитическомъ смыслѣ „жизнь“

и „здоровье“—тождественныя понятія, обозначаемыя однимъ и тѣмъ же словомъ „balati“¹⁾. Рядомъ съ водой у вавилонянъ „сила жизни“ приписывалась вину. Замѣчательно, что слово „вино“ у вавилонянъ писалось однимъ идеограммомъ, который означаетъ „напитокъ жизни“ или „дерево жизни. Также и елею приписывалась „жизненная сила“. Въ одномъ религіозномъ гимнѣ Вавилона елей прямо обозначается, какъ *saman balati* („елей жизни“). Важно для этого круга представленій, наконецъ, отмѣтить и силу, служащую источникомъ жизни, которая приписывается исходящему отъ божества доброму дуновенію вѣтра. Въ послѣдней таблицѣ вавилонскаго мѣа „*enima elis*“ Мардукъ носитъ имя: „богъ добраго дуновенія вѣтра“ (*il sa—a—gi ta—a—abi*)²⁾, а въ одномъ хвалебномъ псалмѣ говорится о Марукѣ: раскрытіе твоихъ устъ—„доброе дуновеніе вѣтра“³⁾. Далѣе, въ вавилонской литературѣ, напри- мѣръ, въ поэмѣ о Гильгамешѣ „травѣ жизни“ приписываются грубозыческія до очевидности чудесныя свойства только оживлять и дѣлать молодымъ, каковымъ волшебнымъ свойствамъ, какъ само собой ясно изъ общаго духа и характера Библии, въ послѣдней нѣтъ и не можетъ быть удѣлено никакого мѣста. То дерево, отъ плодовъ котораго Адамъ ѣлъ, не было ни въ какомъ случаѣ деревомъ жизни въ смыслѣ ханаанской фавулы. Значить, нельзя съ увѣренностію утверждать, будто бы Бытописатель заимствовалъ свой рассказъ о райскомъ деревѣ изъ приведенныхъ мѣстъ клинообразныхъ текстовъ. Чтобы не утомить читателя, мы не будемъ приводить всѣхъ тѣхъ мѣстъ древне-вавилонской литературы, гдѣ встрѣчаются подобныя выраженія, повидимому близкія къ библейскому рассказу, потому что они не заключаютъ въ себѣ чего-либо совершенно новаго въ сравненіи съ приведенными. Обратимся лучше къ самой Библии, которая, по выраженію одного западнаго *апологета*⁴⁾, хорошо знавшаго опасный характеръ Вавилона, всегда и во всѣ времена вела противъ него священ-

1) Winckler u. Zimmern, *ibidem* s. 524, ср. s. 373, пр. 4 и 5, ср. s. 410 пр. 4.

2) Keilinschriftliche Bibliothek VI. B. Theil. 1, s. 85.

3) Winckler u. Zimmern *ibidem* s. 526.

4) Chr. Dieckmann, *Gilgamis-Epos...* S. 173. 174.

вую войну. Разъ мы увидимъ слѣды этой борьбы въ нашей Библии, тогда еще болѣе подтвердится нашъ взглядъ на невозможность вавилонскаго происхожденія библейской исторіи рая. Мы уже отмѣтили выше совершенно различные (до противоположности) значеніе и смыслъ, какіе соединялись съ „священнымъ деревомъ Вавилона и „древомъ“ библейскаго рая. Для настоящаго анализа возьмемъ изъ библейской исторіи текстъ божественнаго приговора. „Ты будешь ходить на чревѣ твоемъ и ѣсть прахъ во всѣ дни жизни твоей“ ¹⁾, говоритъ Господь змѣю. Съ этого времени земля указана змѣю, какъ мѣсто его постояннаго пребыванія; небо предъ нимъ заключено, вѣчная жизнь ему отказана. Такъ, здѣсь самъ змѣй не имѣетъ того, что ханавей желали отъ него получить. Змѣю придетъ время, когда „сынъ жены“ сокрушитъ ему голову и онъ будетъ лежать у него подъ ногами (буквально: касаться пяты). Первымъ судомъ, который произнесенъ свыше, Богъ осудилъ и презрѣлъ какъ ханаанскаго змѣя, такъ и всю сущность ханаанства. Женѣ сказалъ: скорбь на скорбь наведу я тебѣ въ беременности твоей; съ болѣзнію будешь рождать дѣтей; воля твоя должна быть у мужа твоего и онъ долженъ быть твоимъ господиномъ ²⁾. Замѣчательно, что ханаане выдаютъ какъ благословеніе рая, то здѣсь-наказаніе жены. Одновременно съ наведеніемъ скорби на жепу, Богъ упорядочиваетъ брачное сожитіе мужа и жены: твоя воля должна быть въ мужѣ твоемъ и онъ долженъ быть твоимъ господиномъ. Не ханаанскій либертевизмъ и легкомысленную безшабашность свободной любви, а брачное сожитіе на основѣ супружеской вѣрности упорядочиваетъ Богъ, присоединяя къ проклятію еще и благословеніе, какъ *sui generis* милость.

Знаменательнъ приговоръ Бога надъ Адамомъ ³⁾. „Проклята земля за тебя, говоритъ Господь; со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей“. Здѣсь нѣтъ, какъ видимъ, и отдаленнаго напоминанія о плодахъ „дерева жизни“, о которомъ говорятъ вавилонскія фабулы. И земля, которую Адамъ долженъ обрабатывать, будетъ производить также плевелы,

¹⁾ Бит. III, 14—15.

²⁾ Ibidem. III, 16.

³⁾ Ibidem. III, 17—18.

шпы и волчецъ. Ничего подобнаго опять нѣтъ въ Вавилонѣ. Но особенно ясно обличается ложь Вавилона въ дальнѣйшихъ словахъ Божественнаго приговора Адаму: „въ потѣ лица своего будетъ зарабатывать себѣ пищу, пока не возвратишься въ землю, изъ которой онъ взятъ“. Такъ, никакой человѣкъ въ тѣлесной оболочкѣ своей земной жизни не можетъ достигнуть прямо неба. Онъ долженъ опять обратиться въ землю, изъ которой взятъ. Этимъ кончается мечта халдеевъ, Утнапистимы, Гильгамеши и Эбани которыхъ говорятъ, будто они имѣли жизнь, тѣлесную жизнь въ свѣтломъ домѣ Эа.

Въ библейскомъ разсказѣ о грѣхопадении можно указать еще черты, говорящія противъ вавилонскаго происхожденія библейской исторіи рая, по крайней мѣрѣ, въ настоящей ея редакціи, напримѣръ: листьями смоковницы (teenah) покрыли себя первые люди послѣ своего грѣхопадения, говоритъ священный повѣствователь (Быт. III, 7), тогда какъ въ области южнаго теченія Тигра и Евфрата, гдѣ находился Вавилонъ, предполагаемая родина оригинала библейскаго повѣствованія, смоковница не растетъ. Самыи приговоръ Бога, вѣроятно, осудилъ Адама на тяжелый физическій трудъ вообще. Указаніе же опредѣленнаго физическаго труда, состоящаго въ безплодной обработкѣ земли, очевидно, могло быть внесено писателемъ отъ себя и, при томъ, писателемъ, жившимъ именно въ странѣ земледѣльческой, а таковою Вавилонія, судя по вавилонскимъ памятникамъ, никогда не была. Значитъ, надо искать мѣсто происхожденія библейской исторіи рая гдѣ нибудь еще, только не въ Вавилонѣ.

Итакъ, общій выводъ,—къ какому приводитъ ближайшее знакомство съ вавилоно-ассирійскими надписями, параллельными библейскому повѣствованію о грѣхопадении, можетъ быть формулированъ такъ: Библейскій разсказъ, простой и точный, чистый и дышащій безыскусственною непосредственностію и чистотою, не могъ быть, вопреки западнымъ раціоналистамъ, обработанъ изъ темныхъ, многословныхъ и проникнутыхъ грубымъ политеизмомъ вавилонскихъ сказаній и, при томъ, такихъ, близкое отношеніе которыхъ (по содержанію) къ библейскому очень и очень сомнительно. Въ виду очевиднаго недо-

сягаемаго превосходства библейскаго повѣствованія предъ вавилонскими легендами, такая обработка,—по словамъ одного изъ нашихъ отечественныхъ апологетовъ ¹⁾, по истинѣ была бы чудомъ, недопускающимъ разумнаго объясненія, потому что превышаетъ естественныя (а рационалисты такія только и признаютъ) силы человѣка! Ссылаться же для доказательства вавилонскаго происхожденія библейской исторіи грѣхопаденія, на то, что древность халдейскихъ легендъ, параллельныхъ библейскимъ рассказамъ, превышаетъ время записи ихъ Моисеемъ, по меньшей мѣрѣ, весьма наивно, потому что съ такимъ же правомъ можно тогда выводить библейскій рассказъ изъ традицій о золотомъ вѣкѣ другихъ народовъ, напримѣръ, финикіявъ, египтявъ. Единственное, что мы болѣе или менѣе увѣренно можемъ сказать, твердо держась приводимыхъ Деличемъ и другими данныхъ, сводится къ тому предположенію, что Библия и Вавилонъ въ давномъ пунктѣ отражаютъ одинъ и тотъ же первоисточникъ, одну и ту же первобытную традицію. Въ какой же изъ двухъ редакцій эта первобытная традиція сохранилась въ большей чистотѣ и неповрежденности и гдѣ это общечеловѣческое преданіе совершенно искажено,—это уже другой вопросъ, рѣшеніе котораго, стоящее въ большой зависимости отъ различія въ духѣ и характерѣ этихъ двухъ націй и ихъ религій, мы, по мѣрѣ силъ, старались показать при самомъ анализѣ относящихся сюда преданій.

Въ вопросѣ объ отношеніи клинописныхъ текстовъ къ библейской исторіи рая, кромѣ внѣшняго подтвержденія исторической достовѣрности самого факта библейскаго грѣхопаденія, мы должны отмѣтить одно важное значеніе, какое имѣютъ эти тексты для библейской географіи, для рѣшенія вопроса о дѣйствительномъ мѣстѣ находенія рая. Обстоятельнымъ раскрытіемъ этого значенія вавилонскихъ памятниковъ по данному вопросу мы обязаны обширному (1—329 стр.) классическому труду Фр. Делича, носящему заглавіе: „Wo lag das Paradies?“ (Leipzig 1881). Счастливой находкой въ клинописныхъ вавилонскихъ текстахъ названій водныхъ потоковъ, со-

¹⁾ А. Покровскій, Библейское ученіе о первобытной религіи. Серг. Пос. 1901, стр. 259.

звучныхъ названіямъ рѣкъ, орошавшихъ, по свидѣтельству Библии, страну рая Фр. Деличь, съ сравнительно большою достовѣрностію доказалъ историческую дѣйствительность рая, и опредѣленнымъ описаніемъ мѣста рая въ предѣлахъ Месопотаміи устранилъ существовавшіе различные взгляды ученыхъ отрицательнаго направленія, видѣвшихъ въ библейской географіи рая, или аллегорію и мѣѳ, или, просто, историко-географическое описаніе. (Herzog. Real—Encyklop. t. XX. S. 322—377). Оказывается, по мнѣнію Фр. Делича, раздѣляемому и нашимъ отечественнымъ профессоромъ Якимовымъ, мѣстопоженіе рая можно опредѣлить бассейномъ рѣкъ Тигра и Евфрата, т. е. въ предѣлахъ Месопотаміи. Данныя, положенныя Деличемъ въ основу его гипотезы, покоятся всецѣло на свидѣльствѣ Библии при свѣтѣ клинообразныхъ текстовъ, найденныхъ отчасти въ спискахъ рѣкъ и каналовъ Месопотаміи, отчасти въ историческихъ памятникахъ, извлеченныхъ изъ подъ развалинъ различныхъ городовъ древней Ассиро-Вавилоніи, и заключаются въ слѣдующихъ сопоставленіяхъ именъ и названій водныхъ потоковъ: Въ соотвѣтствіе библейскому названію первой изъ райскихъ рѣкъ Фисову (евр. Шшону) Фр. Деличь указываетъ упоминаемый въ памятникахъ большой и судоходный потокъ съ именемъ Шаллокопась, выходившій изъ Евфрата около Вавилона и протекавшій параллельно этой рѣкѣ по правую ея сторону до самаго Персидскаго залива, куда и впадалъ на разстояніи почти цѣлаго географическаго градуса отъ устья Евфрата, ближе къ Индійскому океану. Слѣдъ библейскаго названія земли Хавила (sin—песокъ), которую обтекала по Быт. II, 11. рѣка Фисонъ, Фр. Деличь усматриваетъ въ имени Ард-эл-халатъ (песчаная земля), нынѣшней западной окраины сирійско-арабской пустыни противъ Египта, изобилующей драгоцѣнными камнями. Вторую рѣку библейскаго рая Гихонъ Фр. Деличь усматриваетъ въ Гу-ха-ан-дэ или, въ переводѣ на ассирійскій языкъ, Арахтумъ, рѣкѣ, упоминаемой въ ассиро-вавилонскомъ спискѣ рѣкъ, гдѣ названная рѣка Гуха-ан-дэ слѣдуетъ непосредственно за Тигромъ и Евфратомъ, и протекавшей по лѣвую сторону послѣдней (Евфрата). Гихонъ, по Библии, обтекалъ всю землю Кушъ,

заселенную Кушитами, потомками Хама, одинъ изъ которыхъ. Нимвродъ основалъ государство въ южной Месопотаміи (Быт. X, 10). Если Кушъ то же, что Кашшу, подъ каковымъ именемъ известны въ ассиро-вавилонскихъ памятникахъ основатели южно-месопотамской культуры и государственной жизни, то тождество Гихона и Гу-ха-ан-дэ, Месопотамскаго рукава Евфрата, представляется еще болѣе возможнымъ. Хиддекель, еврейское названіе рѣки Тигра, Фр. Деличъ находитъ встрѣчающимся въ ассиро-вавилонскихъ памятникахъ въ имени Диклатъ, Диглатъ или Даградъ, древне-персидскомъ названіи Тигра,—отождествленіе, вполнѣ возможное, если допустить замѣну буквъ р и л одной другою, столь обычную въ арійскихъ и семитическихъ языкахъ ¹⁾).

П. О. Н.

(Продолженіе будетъ):

¹⁾ Wo lag das Paradies? S. 51—55, 57—62. 67. 70—71. 170—171, ср. Якимовъ. Хр. Чт. 1882 г. ч. 2. 552—562 стр., ср. Еп. Платовъ. Древній Востокъ при свѣтѣ божественнаго откровенія. Киевъ. 1898. 90—91 стр.

Внѣшнія и внутреннія условія миссіонерской проповѣди христіанства въ первые три вѣка.

I.

Іудейство и его значеніе для пропаганды христіанства.

Для пережившаго свою юность христіанства синагоги разсѣянія были не только „fontes persecutionum“ ¹⁾, какъ свидѣтельствуемъ Тертуліанъ, но въ то же время и важнѣйшимъ предуготовленіемъ для появленія и возрастанія христіанскихъ общинъ въ имперіи. Миссіонерскій уловъ синагогъ предугадалъ средоточные пункты и линіи христіанской пропаганды. Проповѣдь новой религіи, предпринятая во имя Бога Авраама и Моисея, нашла для себя приготовленное поле.

Обзоровъ о распространеніи іудейства въ началѣ нашего лѣтосчисленія имѣется много, въ послѣднее время съ особенною тщательностію таковой былъ сдѣланъ Шюреромъ ²⁾. Намъ интересуютъ здѣсь слѣдующіе пункты:

1. Іудеи жили въ большей части, во всякомъ случаѣ во всѣхъ провинціяхъ римской имперіи, лежащихъ на Средиземномъ морѣ и его окрестностяхъ, равно какъ и на Черномъ морѣ, на востокѣ, выходя за Сирію, въ плотной массѣ въ Месопотаміи, Вавилоніи и Мидіи ³⁾.

¹⁾ Источниками преслѣдованій.

²⁾ Schürer. Geschichte des jüdischen Volks. Bd. III, Anfl. 3, s. 1—38.

³⁾ Общія свидѣтельства о распространеніи іудеевъ въ имперіи находятся у Филона (Legat. 36 и Flacc. 7), въ Дѣяніяхъ Апост. (2, 9 сл.) и у Іосифа (В. М. II, 16, 4; VII, 8, 3; Аріон. II, 39). Утвержденіе Іосифа: „пѣть во вселенной народа, среди котораго мы не имѣли бы своихъ владѣній“ было высказано іудейскою сивиллой болѣе, чѣмъ за 200 лѣтъ ранѣе (Очак. III, 271: „вся земля и

2. Особенно многочисленны они были въ Сиріи ¹⁾, затѣмъ въ Египтѣ (во всѣхъ номахъ до верхняго Египта), въ Римѣ и малоазійскихъ провинціяхъ ²⁾. Какъ сильно они вмѣшивались во всѣ мѣстныя отношенія, это видно изъ свидѣтельствъ, относящихся къ названнымъ сейчасъ областямъ. Здѣсь, равно какъ и на сѣверномъ берегу Чернаго моря, они принимали участіе въ возникавшихъ тамъ религіозныхъ смѣшеніяхъ (культъ „Высочайшаго Бога“ и „Савватисты“); то же самое наблюдается въ отношеніи къ Сиріи, хотя и не совсѣмъ ясно изъ прямыхъ свидѣтельствъ, но все же не прямо изъ раннѣйшей

всякое море наполнено тобой“). Одно, составленное около 139/138 г. до Р. Х., обружное посланіе сената въ защиту іудеевъ назначено было королямъ Египта, Сиріи, Пергама, Каппадокіи и Парѳіи, далѣе въ Сампсаме (Амиссъ?), Спарту, Сихіонъ (въ Пезопонесъ), Делосъ, Самосъ, въ городъ Гартяну, въ Карію съ Мивдомъ, въ Галикарнассъ и Книдъ, въ Косъ и Родосъ, въ мѣстности Ликии съ Фазелисомъ, Памфилю съ Сидомъ, въ финикійскій городъ Арадъ и въ Кипру и Кипръ. Уже во времена Суллы Страбонъ писалъ (у Іосифа, *Antiqu.* XIV, 7, 2): „въ каждый городъ уже проникло это племя, и во всей вселенной тяжело указать мѣсто, которое не было бы покрыто и завладѣто имъ. Объ усиленномъ распространеніи іудейства особенно поучительное свидѣтельство даетъ Сенека (у Август. *de civitat. dei* VI, II): „обычай этого преступнѣйшаго народа до такой степени превозобладали, что почти уже по всей землѣ приняты; побѣжденные дали законы побѣдителямъ“.

1) Особенно большое число ихъ указывается въ Антиохіи.

2) Филонъ, *Legat.* 83: „іудеи многочисленны въ каждомъ городѣ Азіи и Сиріи. Въ каждомъ“ подтверждается многочисленными частными свидѣтельствами, для Сициліи напр. см. у Епифанія (*Haer.* 80, 11). Здѣсь говорится объ іудейскомъ авостолѣ, посланномъ отъ іудейскаго патріарха въ Сицилію собрать отъ іудеевъ подати: „пришедши туда, въ каждомъ иллирійскомъ городѣ.. потребовалъ десятины и начатки“. О распространеніи іудейства во Фригіи и сосѣднихъ провинціяхъ (также въ отдаленнѣйшихъ странахъ) смотри два большія сочиненія Рамзая „*The cities and bishopries of Phrygia*“ и „*Historical Geography of Asia Minor*“, равно какъ статью его въ „*Expositor*“ 1902 Jan. „*The Jews in the Graeco-Asiatic cities*“. Если въ какой-либо изъ этихъ странъ найдены въ большомъ числѣ надписи, то всегда среди нихъ есть и іудейскія. Какую роль іудейскій элементъ игралъ въ Антиохіи Писидійской, видно изъ Дѣяній 13, особ. 44 и 50 ст. („іудеи, подстрекнувъ набожныхъ и почетныхъ женщинъ и первыхъ въ городѣ людей, воздвигли гоненіе“)... Значеніе іудейскаго элемента въ Смирнѣ видно изъ мученичества Поликарпа и Піонія; видъ улицъ города въ іудейскій праздникъ измѣнился. „О распространеніи и значеніи іудеевъ въ Малой Азіи свидѣтельствуешь... сдѣланная при Августѣ іонійскими греческими городами, вѣроятно, по взаимному соглашенію, попытка принудить своихъ іудейскихъ согражданъ или къ перемѣнѣ своей вѣры или къ полному принятію на себя городскихъ податей (Mommson, *Röm. Gesch.* V, 489“).

исторіи гностицизма. Въ Африкѣ, отъ проконсульской Африки до Мавританіи они встрѣчались часто ¹⁾. Въ Ліонѣ ко времени Иринея, кажется, іудеевъ было немного ²⁾. Однако въ южной Галліи, какъ показываютъ позднѣйшіе источники, они составляли довольно значительную часть, а въ Испаніи отличались многочисленностью и могуществомъ, какъ это видно изъ опредѣленій Ельвирскаго собора около 300 года. Наконецъ, мы можемъ допустить, что въ древнюю эпоху императоровъ въ Италиі, —исключая Римъ и южную Италию, гдѣ они были очень распространены, —они были не столь многочисленны, хотя отдѣльныя синагоги и тогда уже существовали въ верхней Италиі. Это доказывается исторіей итальянской культуры и подтверждается тѣмъ фактомъ, что древнія іудейскія надписи въ Римѣ и южной Италиі рѣдки или не подлинны.

3. Цифрами количество іудеевъ разсѣянія опредѣлено плохо. Мы владѣемъ слѣдующими цифровыми указаніями: объ іудеяхъ въ Вавилонѣ, Іосифъ говоритъ, что тамъ ихъ было „не малое число мириадъ“, т. е. „безчисленныя мириадъ“ ³⁾. Опъ же рассказываетъ, что въ Дамаскѣ, во время великой войны, изрублено было 10000 іудеевъ ⁴⁾; въ другомъ мѣстѣ (въ той же самой книгѣ) онъ пишетъ: „18,000“ ⁵⁾. Изъ пяти городскихъ частей Александріи Филонъ двѣ называетъ „іудейскими“ ⁶⁾, такъ какъ онѣ большею частію населены были іудеями; но іудеи находились также и въ другихъ городскихъ частяхъ. Ихъ общее число въ Египтѣ (до границъ Еѳіопіи) Филонъ исчисляетъ не менѣе какъ въ 100 мириадъ, т. е. въ миллионъ ⁷⁾. По Страбону ⁸⁾ уже ко времени Суллы іудеи Киринаики образовывали четвертую часть населенія (рядомъ съ гражданами,

1) Monceaux. Les colonies juives dans l' Africa romaine (Revue d. Etudes juives, 1902). Іудейскія общины показаны для Карфагена, Наро, Адрамета, Утика, Нипона, Сивитту, Волюбиліса, Цирмы, Авзіи, Симидаиса, Кесаріи, Тиназы, также въ Эа (Оса).

2) Поэтому онъ, по всей видимости, не знаетъ ни одного іудео-христіанина изъ собственнаго знакомства.

3) Antiqu XV, 3, 1; особ. XI, 5, 2. По Antiqu. XII, 3, 4 Антиохъ Великій 2000 семействъ изъ числа этихъ іудеевъ переселилъ во Фригію и Лидію.

4) Bell. Iud. II, 20, 2.

5) Ibid. VII, 8, 7.

6) In Flacc. 8.

7) In Flacc. 6.

8) У Іосифа Antiqu. XIV, 7; 2.

земледѣльцами и метолами ¹⁾. Въ великое возстаніе при Траянѣ они будто-бы убили здѣсь 220,000 невѣрующихъ ²⁾; въ отместку за это „мвогія мириады“ ихъ умерщвлены были Маркомъ Турбаномъ ³⁾. Іудейская революція дошла также и до Кипра: тамъ ими было умерщвлено будто-бы 240,000 не—іудеевъ ⁴⁾. Въ отношеніи къ числу іудеевъ въ Римѣ находимъ указанія, что въ 4-мъ году до Р. Хр. 8000 римскихъ іудеевъ поддержали депутацію, прибывшую изъ Палестины ⁵⁾, а затѣмъ, что когда Тиверій изгвалъ изъ Рима всѣхъ іудеевъ (19 г. по Р. Х.) въ Сардинію было отправлено 4000 іудеевъ, способныхъ носить оружіе. Последнее извѣстіе особенно важно потому, что оно передается совмѣстно Тацитомъ и Іосифомъ ⁶⁾. Тиверій послѣ паденія Сеяна, отмѣнилъ этотъ приказъ ⁷⁾ и іудеи опять сдѣлались многочисленными въ Римѣ ⁸⁾; но при Клавдіи въ 49 году изгнаніе снова было возобновлено, однако распоряженіе скоро взято было назадъ, такъ какъ проведеніе сго представлялось сомнительнымъ и ограничилось запрещеніемъ религіозныхъ собраній ⁹⁾. Въ Римѣ іудеи жили преиму-

¹⁾ Т. е. пришельцы. *Прим. перев.*

²⁾ Dio Cassius LXVIII, 32.

³⁾ Eus. Н. Е. IV, 2.

⁴⁾ Діонъ Кассій въ томъ же мѣстѣ рассказываетъ (LXIX, 14), что въ возстаніи Варкохы пало 580,000 іудеевъ въ Палестинѣ.

⁵⁾ Iosephus. Antiq. XVII; II, 1 Bell. 6, 1.

⁶⁾ Нѣкоторое различіе существуетъ лишь въ томъ, что Іосифъ говоритъ (Antiq. XVIII, 3, 5) только объ іудеяхъ, а Тацитъ (Annal. II, 85) пишетъ: „было еще дѣло объ уничтоженіи египетскаго и іудейскаго богослуженія, и сенатъ рѣшилъ, чтобы четыре тысячи вольноотпущенниковъ, зараженныхъ этимъ суевѣріемъ, если позволяли имъ лѣта, были отправлены въ Сардинію для усмиренія тамошнихъ разбойниковъ, что не о чемъ жалѣть, если они умрутъ отъ климата; чтобы остальные оставили Италію, если до извѣстнаго срока не покинутъ богохульныхъ обрядовъ“. Изгнаніе засвидѣтельствовано также и Светотіемъ: „обуздалъ иностранныя церемоніи (богослуженіе), египетскіе и іудейскіе обычаи, приказавъ тѣхъ, кто слѣдуетъ этимъ суевѣріямъ, сожигать съ религіозными одеждами и прочими принадлежностями. Іудейское юношество подъ угрозой денежнаго взыскапія разсѣялъ по провинціямъ тяжкаго климата, прочихъ же изъ этого рода или слѣдовавшихъ суевѣрію ихъ, изгналъ изъ города, запретивъ оставаться въ немъ подъ страхомъ вѣчнаго рабства (Tiber. 36)“.

⁷⁾ Philo, legat. 24.

⁸⁾ Dio Cassius LX, 6: „опять расплодившіеся“.

⁹⁾ Источники здѣсь противорѣчатъ: Дѣянія Апост. (18, 2), Светоній (Claud. 25) и Орозій (VII, 6, 15),—последній съ ложной ссылкой на Іосифа, который молчитъ объ этомъ происшествіи,—говорятъ о формальномъ (и проведенномъ).

щественно въ Транстеверѣ, но ихъ можно было находить и въ другихъ частяхъ города, такъ какъ іудейскія синагоги открыты въ очень многихъ мѣстахъ города.

Обозрѣвая эти цифровыя указанія ¹⁾, можно признать значеніе лишь за двумя, именно, во-первыхъ, за указаніемъ Филона, что египетскихъ іудеевъ было не менѣе одного милліона. Приблизительно точный способъ выраженія Филона (іудеи, обитающіе въ Александріи и въ лиранѣ отъ запада по Ливіи, отъ востока до границъ Эіоніи, въ своей численности достигаютъ не менѣе 100 мириадъ²⁾), совпадающій съ данными пунктуально веденныхъ тогда податныхъ списковъ въ Египтѣ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что здѣсь мы встрѣчаемся никоимъ образомъ не съ фантастическимъ числомъ. Также и число не представляется слишкомъ большимъ, если принять во вниманіе, что оно включаетъ въ себя всѣхъ іудеевъ Александріи. Такъ какъ населеніе Египта (ко времени Веспасіана) обнимало собой 7—8 милліоновъ душъ, то іудеи выражали собой седьмую или восьмую часть его (около 13%) ²⁾. Только для Сиріи мы должны принять нѣсколько высшій процентъ іудейскаго на-

распоряженіи объ изгнаніи; Діонъ Кассій, напротивъ, свидѣтельствуетъ: „іудеевъ, опять расплодившихся, не изгналъ (изъ города), такъ какъ невозможно было удалить ихъ безъ возмущенія со стороны толпы, но приказалъ, пользующимся отеческимъ образомъ жизни не собираться (на собранія) LX, 6)“ (Устранять посредствомъ Діона Кассія двухъ столь превосходныхъ свидѣтелей, какъ еванг. Лука и Светоній, по моему мнѣнію, неудобно. Способъ Шюрера (III, 82), если принять только преднамѣренное изгнаніе, неудовлетворителенъ. Распоряженіе, дѣйствительно, дано было, но вскорѣ послѣ того, какъ іудеи представили гарантію, оно было замѣнено запрещеніемъ собраній.

1) Рядъ цифръ, указываемыхъ Іосифомъ въ другихъ мѣстахъ, я устроилъ, какъ непригодный.

2) Ср. Mommsen, Röm. Geschich. V, 578. Pietschmann въ Энциклопедіи Pauly-Wissowa, 1 Col., 990 сл. Beloch, Die Bevölkerung der griechisch—römischen Welt, s. 258 сомнѣвается въ показаніи Іосифа (Bell. II, 16, 14), что египетское населеніе ко времени Нерона равнялось 7½ милліонамъ и хочетъ допустить только около 5 милліоновъ. Но рѣшительнаго основанія противъ Іосифа онъ не привелъ, а такъ какъ онъ и извѣстіе Филона, что египетское іудейство составляло милліонъ душъ, считаетъ преувеличеннымъ, то онъ не будетъ ничего возражать также противъ принятія того, что египетскихъ іудеевъ насчитывалось около 13% всего населенія. Число жителей Александріи (включая рабовъ) Беллохъ считаетъ около половины милліона. Среди нихъ іудеевъ было до 200,000, такъ что іудейство Александріи составляло около 2/3 всего населенія.

селенія ¹⁾; во всѣхъ же другихъ провинціяхъ римской имперіи ихъ число было меньше.

Вторымъ мѣстомъ, имѣющимъ значеніе, является свидѣтельство о томъ, что Тиверій сослалъ въ Сардинію 4000 іудеевъ, способныхъ носить оружіе,—іудеевъ, а не іудеевъ и египтянь, какъ говоритъ Тацитъ; потому что опредѣленное свидѣтельство Іосифа подтверждается здѣсь Светоніемъ (см. выше), который сначала говоритъ также объ іудеяхъ и египтянахъ, но потомъ частіе прибавляемъ: „іудейское юношество разсѣялъ по провинціямъ тяжелаго климата“. Сорока тысячамъ мужей, могущихъ носить оружіе, соотвѣтствуетъ общее число по меньшей мѣрѣ въ 10,000 человекъ ²⁾. Едва-ли такъ много было тогда іудеевъ въ Римѣ. Это счисленіе мало согласно съ другимъ извѣстіемъ, что 23 года позже 8000 римскихъ іудеевъ поддержало іудейскую депутацію. Іосифъ или пользуется здѣсь іудейскимъ поголовнымъ исчисленіемъ или спльно преувеличиваетъ. Въ отношеніи къ населенію города Рима времени Августа (5 г. до Р. Х.) имѣется достовѣрное указаніе, что число плебеевъ мужескаго пола выше десятилѣтняго возраста простиралось до 320,000. Это число, при извѣстной малочисленности женщинъ въ Римѣ, ведетъ къ принятію около 600,000 (безъ невольниковъ) ³⁾. Значитъ, 10,000 іудеевъ приблизительно представляютъ собой 60 часть населенія ⁴⁾. Тиверій имѣлъ намѣреніе выгнать ихъ, но не осмѣлился; Клавдій, тридцать лѣтъ поздиѣе, пытался повторить этотъ опытъ, но не могъ провести его.

¹⁾ Іосифъ (Bell. VII, 8, 3): „іудейскій народъ въ большомъ количествѣ разсѣянъ по всей вселенной, наиболѣе же въ Сиріи“. Veloch (s. 242 сл., 507) населеніе Сиріи ко времени Августа насчитываетъ около 6 милліоновъ, ко времени Нерона около 7 милл., антиохійцевъ—свободныхъ жителей до 300,000 (ко времени Августа). Такъ какъ процентное отношеніе іудеевъ въ Сиріи (и спеціально въ Антиохіи) было выше чѣмъ въ Египтѣ (около 13%), то для Сиріи ко времени Нерона должно принять болѣе, чѣмъ милліонъ іудеевъ.

²⁾ Я при этомъ предполагаю, что, какъ у вслкихъ переселенцевъ, число мужчинъ у іудеевъ было значительно больше, чѣмъ женщинъ, къ 4000 мужей, способныхъ носить оружіе, причисляю еще 2000 мальчиковъ и старцевъ и беру 4000 лицъ женскаго пола.

³⁾ Ср. Veloch, s. 292 сл. Его число 500,000 мнѣ кажется слишкомъ низкимъ.

⁴⁾ Съ иностранцами и рабами общее число должно быть возвышено до 8 900,000 (по Veloch'у самое большее 800,000)

Чтобы іудейство послѣ великаго возстанія и войнъ при Веспасіанѣ, Титѣ, Троянѣ и Адріанѣ еще значительное возрасло въ Римѣ, это едва ли можно допустить; такъ какъ во многихъ провинціяхъ имперіи іудеи были истреблены на десятую часть, и это не могло остаться безъ вліянія на римскихъ іудеевъ. Определеннаго впрочемъ, ничего неизвѣстно.

Допуская, что іудеевъ въ Египтѣ насчитывалось около милліона, въ Сиріи нѣсколько больше, отчисляя на Палестину около 700,000 іудеевъ,—теперь живетъ тамъ около 600 (650),000,—не будетъ преувеличеніемъ, если общее число іудеевъ въ другихъ областяхъ (малоазійскихъ, греческихъ, въ Киренаикѣ, далѣе—въ Римѣ, Италиі, Галліи, Испаніи и пр.) принять въ $1\frac{1}{2}$ милліона. Слѣдовательно, получается общая сумма іудеевъ въ $4\text{—}4\frac{1}{2}$ милліона. Результатъ очень странный и на первый взглядъ колеблющій всякое народосчисленіе, потому что, по Белоху, народонаселеніе всей римской имперіи ко времени смерти Августа должно исчисляться приблизительно въ 54 милліона и все-таки іудеи въ имперіи около этого времени должны составлять собой $4\text{—}4\frac{1}{2}$ милліона! Если даже мы возвысимъ цифру Белоха до 60 милліоновъ, то и тогда можно ли допустить, что іудеи представляли собой 7% всего населенія? Или наше вычисленіе ложно—ошибки въ этой области почти неизбежны,—или пропаганда іудейства въ провинціяхъ была очень сильна; однако, плодородностью іудеевъ, объяснять высокое число іудеевъ разсѣянія никакъ невозможно. Мы, конечно, должны принять, что очень многочисленная часть „язычниковъ“, особенно родственные по племени семиты низшаго сословія, толпами переходили къ религіи Іеговы ¹⁾. Іудеи разсѣянія были только отчасти дѣйствительными іудеями. Но если іудейство на самомъ дѣлѣ было такъ сильно въ имперіи, что ко времени Августа обнимало до 7% населенія, то понятнымъ становился его большое вліяніе и его соціальное значеніе. Также и для пониманія пропаганды и расироустраниенія христіанства важно знать, что религія, подъ umbra-

¹⁾ Со времени эдикта Пія, строжайше запрещавашаго необрѣзаннымъ принимать обрѣзаніе (ср. также и эдиктъ Адріана), формальный переходъ въ іудейство долженъ былъ прекратиться или стать очень рѣдкимъ. Ср. Orig. c. Celsum, II, 13.

culum ¹⁾ которой оно вступило въ міръ, не только внутренно была очень значительна, но и внѣшне обнимала солидную часть населенія.

Наше обозрѣніе было бы не полно, если бы мы, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, не бросили взглядъ на способъ пропаганды іудейства въ имперіи ²⁾, потому что христіанство по крайней мѣрѣ отчасти унаслѣдовало свою миссіонерскую ревность отъ іудейства. При изложеніи проповѣди христіанства я вообще тамъ, гдѣ средства, какими она пользовалась, взяты были отъ іудеевъ, я буду входить въ разсмотрѣніе іудейской миссіи. Поэтому, здѣсь я ограничусь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Что религія, полагавшая столь глубокую пропасть между собою и всѣми другими религіями и столь тѣсно связанная въ своемъ практическомъ осуществленіи и въ своихъ обѣтованіяхъ съ одной народностью, владѣла такою живою миссіонерскою потребностью и достигла такихъ великихъ успѣховъ—это изумительно. Конечно, такой фактъ не объясняется только властолюбіемъ и честолюбіемъ, но служитъ яркимъ доказательствомъ того, что *іудейство, какъ религія, путемъ внутренняго преобразованія, сбросило съ себя свои ограниченія*. Іудей гордился тѣмъ, что онъ можетъ сказать свое слово міру и принести то, о чемъ просило все человѣчество, т. е. *единнаго духовнаго Бога, Творца неба и земли и святой нравственный законъ*,—и въ сознаніи (Рим. 2, 19 сл.) именно этого назначенія онъ чувствовалъ въ себѣ миссіонерскій долгъ. *Іудейская проповѣдь въ имперіи была прежде всего возмощеніемъ единнаго Бога, Ею закона и Ею суда*; все остальное отступало назадъ. Возможно, что во многихъ случаяхъ преслѣдовалось простое уловленіе душъ (ср. Мѡ. 23, 15); но серьезной задачей іудейства было испровергнуть нѣмыхъ боговъ и привести язычниковъ къ признанію Творца и Судіи; честь Бога Израилева имѣлась при этомъ въ виду.

Съ этой точки зрѣнія и нужно обсуждать явленіе,—которое искажается, когда объясняютъ его изъ неправильныхъ аналогій:—

¹⁾ Тѣнь, покрывало.

²⁾ Ср. изложеніе Шюрера, III, 102 сл.

различныя степени и формы іудейскаго прозелитизма. Во всѣхъ другихъ религіяхъ подобныя различія въ правилѣ жизни возникаютъ изъ стремленія облегчить прозелитамъ нравственныя требованія, поставляемыя религіей. Этого мотива здѣсь нѣтъ, во всякомъ случаѣ не онъ задаетъ тонъ дѣлу, напротивъ, нравственныя требованія остаются неизмѣнными. Важно то, что культовые и церемоніальныя особенности были понижены, такъ какъ *главнымъ дѣломъ было признаніе Бога*. Различныя формы іудейскаго прозелитизма возникли исключительно изъ различной степени соблюденія обрядо-церемоніальныхъ предписаній. Конечно, эта сердечно-прекрасная уступчивость была облегчена тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ исконный іудей, разъ онъ оставлялъ почву Палестины, становился собственно только прозелитомъ; такъ какъ не только жертвенный культъ прекращался для него, но и многія другія заповѣди или совсѣмъ не могли быть соблюдаемы на чужбинѣ, или соблюдались не вполне. Съ постепенной потерей внутренняго значенія, какой подвергался жертвенный культъ іудейства въ теченіе ряда поколѣній, даже у фарисеевъ, совпало то историческое положеніе, что гораздо большая половина приверженцевъ этой религіи жила въ условіяхъ, которыя отдаляли ее отъ жертвеннаго культа. Это дѣлало ихъ во всѣхъ периферіяхъ ихъ духовнаго бытія воспріимчивыми для чужой культуры и философіи, и такимъ образомъ появились греко-іудейскія и персидскія формы смѣшенія, которыя въ своихъ проявленіяхъ колебали даже самый монотеизмъ. Разрушеніе храма римлянами въ сущности не разрушило ничего: оно было органическимъ явленіемъ въ исторіи этой религіи. Благочестивые обманывались, когда они считали пути Божіи непонятными въ этомъ пунктѣ.

Въ имперіи положеніе дѣла было съ давнихъ поръ такое же; іудеи имѣли без-образное богопочитаніе, и у нихъ не было храма. Для грубыхъ массъ такія требованія, какъ обрѣзаніе, заповѣдь о субботѣ, запрещеніе ѣсть свинину и т. п. еще могли заключать въ себѣ нѣчто отталкивающее и соблазнительное, на образованныхъ же они не производили глубокаго впечатлѣнія. По этимъ своимъ чертамъ іудейская религія возвышалась, вмѣстѣ съ монотеизмомъ, на ступень философіи и,

такъ какъ она въ то же время оставалась и религіей, то предлагала въ себѣ типъ одухотворенной жизни, превосходящей всѣ однородныя явленія. То въ существѣ дѣла не было искусственнымъ приемомъ, если Филонъ и Иосифъ излагали іудейство, какъ философскую религію—этотъ родъ апологетики соответствовалъ дѣлу, какъ его должны были понимать тогда,— и іудейство, какъ философская религія, снабженная „древнѣйшей книгой міра“, развило свою великую пропаганду. Рассказываемое Иосифомъ ¹⁾ объ Антиохіи: „іудеи съ успѣхомъ привлекали тамъ къ своему богослуженію великое множество грековъ и дѣлали ихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ своею частью“—приложимо ко всей миссии іудейства. Привадежность къ іудейству со стороны грековъ и римлянъ проходила всѣвозможныя степени силы, отъ суетвѣрнаго принятія нѣкоторыхъ обычаевъ до полного тождества. „Почитающіе Бога“ язычники составляли большую часть прозелитовъ, т. е. дѣйствительными іудеями съ обязательствомъ исполнять весь законъ становились немногіе ²⁾. Для принятія въ число прозелитовъ необходимо, чѣмъ само обрѣзаніе, было крещеніе.

Все это для христіанской миссии, послѣдовавшей за іудейской, имѣло важнѣйшее значеніе; но не менѣе важны были для нея и тѣ обидныя пробѣлы, какіе допускала іудейская проповѣдь: истиннымъ сыномъ Авраама не—іудей не можетъ сдѣлаться по крайней мѣрѣ въ первомъ поколѣніи, его положеніе предъ Богомъ является низшимъ, и потому остается сомнительнымъ, въ какой мѣрѣ прозелитъ—не говоря уже о „почитающихъ Бога“—можетъ участвовать въ чудныхъ обѣтованіяхъ будущаго. Религія, которая пополнить имъ этотъ пробѣлъ, должна будетъ устранить іудейскую миссію съ поля дѣятельности ³⁾. И если она возвѣститъ, что послѣдніе сдѣ-

¹⁾ Bell. VII, 3, 3.

²⁾ Какъ сливались прозелиты съ урожденцами—іудеями см. Епс. Н. Е. 1, 7.

³⁾ Объ ослабленіи и упадкѣ іудейской миссии въ имперіи послѣ второго разрушенія храма основательныхъ изслѣдованій, сколько я знаю, еще не появлялось. Что іудейство съ этого времени ослабило свою связь съ гречествомъ, чтобы скоро окончательно прекратить ее, что іудейско-греческая литература внезапно становится скудной, чтобы вскорѣ же совершенно исчезнуть—это представляется мнѣ прочнымъ фактомъ. Но чѣмъ было это вызвано: внутреннимъ ли окаменѣніемъ іудейства, или другими причинами, напр. возрастающимъ соперничествомъ христіанства, судить объ этомъ я не могу.

даются первыми, или свободу отъ закона она объявить за нѣчто само собою понятное и высшее, а соблюденіе закона— въ самыхъ желательныхъ случаяхъ—только терпимымъ, она пріобрѣтетъ тысячи тамъ, гдѣ прежняя проповѣдь пріобрѣтала только сотни. Но пропагандѣ іудейской религіи способствовало не только ея высокое внутреннее достоинство, а также и тѣ большія общественныя и политическія привилегіи, какія приносило съ собой исповѣданіе ея. Новѣйшія изслѣдованія ¹⁾ относительно внутренней организаціи іудейскихъ общинъ разсвѣянія, о государственномъ правовомъ положеніи и гражданской (городской) равноправности ихъ ясно показываютъ, насколько было выгодно въ римской имперіи принадлежать къ іудейской общинѣ ²⁾. Правда, на насмѣшки и униженія іудейскій прозелитъ могъ натолкнуться при всякихъ обстоятельствахъ, но эти обиды хорошо оплачивались богатыми привилегіями, какими пользовался онъ, какъ принадлежащій къ *religio licita*. Если при этомъ онъ владѣлъ мѣстнымъ городскимъ правомъ, чего достигнуть было не трудно, или даже римскимъ, то онъ находился въ болѣе твердомъ и обеспеченномъ положеніи, чѣмъ большая часть другихъ подданныхъ имперіи. Нѣтъ, повѣтому, ничего удивительнаго, что во время гоненій христіане готовы были иногда отпасть къ іудейству ³⁾ и что отрѣшеніе отъ синагоги глубоко вліяло на жизненныя отношенія іудеевъ, становившихся христіанами ⁴⁾.

¹⁾ Ср. Schürer, III, 56—90.

²⁾ Также и въ разсвѣщеніи іудейскія общины составляли собой какъ бы маленькія государства въ государствахъ т. е. городѣ; достаточно напомнить о гражданскомъ судѣ, предоставленномъ имъ, который они переносили и въ уголовные процессы. Относительно Палестины мы владѣемъ еще изъ III вѣка свидѣтельствомъ Ортгена (ер. ad Atr. 14) о власти этнарха (—патріарха), которая была такъ велика, что „онъ вѣчѣмъ не отличался отъ королей“; „ему принадлежало право собственнаго суда, вопреки закону, и онъ могъ присуждать нѣкоторыхъ къ смерти безъ всякаго полномочія со стороны высшей власти, но и не такъ, чтобы это оставалось въ неизвѣстности отъ властителей. Подобное наблюдалось и средь іудеевъ разсвѣщенія.

³⁾ Свидѣтельства объ этомъ немногочисленны.

⁴⁾ Словныи религіовными и національными особенностями, равно какъ и правовымъ признаніемъ, какимъ они пользовались въ имперіи, іудеи сильно отдѣлялись отъ всѣхъ народовъ, входившихъ въ составъ имперіи. Нагляднымъ образомъ это сказалося въ томъ, что ихъ стали называть даже „вторымъ родомъ“.

Наконецъ, еще одно наблюдение: всѣ религіи распростра- нявшіяся путемъ обмана и торговлей были религіями городовъ и долгое время оставались такими; чтобы іудейство разсѣянiя было исключительно городской религіей,—утверждать этого нельзя и это опровергнуто въ примѣненiи къ нѣкоторымъ боль- шимъ провинціямъ, но въ существѣ дѣла оно было религіей городовъ: объ іудеяхъ сельскихъ мы знаемъ мало.

Пока существовалъ храмъ, онъ и подати, уплачиваемыя на него, составляли связь, соединявшую іудеевъ разсѣянiя съ Палестинной. Послѣ разрушенiя храма мѣсто іерусалимской свя- щеннической коллегіи заняло раввинистическое начальство, а они сумѣли подати еще болѣе возвысить и использовать. Во главѣ этого начальства стоялъ патріархъ; деньги же собира- лись чрезъ „апостоловъ“, посылаемыхъ имъ¹⁾. Эти „апостолы“ исполняли, повидимому, и нѣкоторыя другія обязанности.

Насколько само іудейство было подготовлено для евангелiя, можно судить по синкретизму, въ какомъ оно развилось не въ однихъ побочныхъ линiяхъ. Превращенiе народной религіи въ міровую происходитъ двумя путями: или чрезъ редукцію ея къ основнымъ пунктамъ или чрезъ воспріятіе новыхъ эле- ментовъ изъ другихъ религій. Въ іудействѣ встрѣтилось то и другое. Объ этомъ мы еще будемъ говорить. Но важнѣйшимъ предуготовленiемъ была редукція, и преимущественно мы мо- жемъ наблюдать ее въ той великой сценѣ, которую сохранилъ намъ Маркъ (12, 28—34)—въ этомъ величайшемъ въ своей простотѣ, историко-религіозномъ памятникѣ, какимъ мы вла- дѣемъ изъ времени этого религіознаго переворота²⁾.

„Одинъ изъ книжниковъ спросилъ Іисуса: какая первая изъ всѣхъ заповѣдей? Іисусъ отвѣтилъ: первая изъ всѣхъ заповѣдей: слушай Израиль! Господь Богъ нашъ есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею

Мы ниже покажемъ, что христiане потому и названы были „третьимъ родомъ“, что іудеи считались вторымъ.

1) О „патріархахъ“ см. Schürer, III в. 77. Что патріархъ лично находился въ разсѣянiи, для Евангiа свидѣтельствуетъ *Vopis Saturn.* 8.—О „Апостолахъ“ см. ниже въ главѣ о миссіонерахъ.

2) Ср. съ этимъ, какъ дальнѣйшую ступень, проповѣдническую рѣчь ап. Павла въ Арнопагѣ.

душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею. Вторая подобна ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. Иной больше этихъ заповѣдей нѣтъ. Книжникъ сказалъ Ему: хорошо, Учитель! истину сказалъ Ты, что одинъ есть Богъ, и нѣтъ иного, кромѣ Него; и любить Его всѣмъ сердцемъ и всѣмъ умомъ и всею крѣпостію, и любить ближняго, какъ самого себя, есть больше всѣхъ всесоженій и жертвъ. Иисусъ, видя, что онъ разумно отвѣчалъ, сказалъ ему: недалеко ты отъ царствія Божія“.

II.

Внѣшнія условія всеобщаго распространенія христіанства.

Только въ краткомъ перечнѣ я могу указать, какія внѣшнія условія сдѣлали возможнымъ или благопріятствовали быстрому и широкому распространенію христіанской религіи въ эпоху императоровъ. Важнѣйшее изъ нихъ названо въ предыдущемъ отдѣлѣ: это распространеніе іудейства, предшествовавшее распространенію христіанства и подготовившее ему путь. Рядомъ съ нимъ заслуживаютъ вниманія прежде всего слѣдующіе моменты:

1. Начавшаяся со дней Александра Великаго и все еще продолжавшаяся *эллинизация* Востока и отчасти Запада, иначе говоря, созданное ею сравнительное *объединеніе въ области языка и воззрѣній*. Эта эллинизация, повидимому, исчерпала свои силы около конца 2-го столѣтія нашего лѣтосчисленія¹⁾,

¹⁾ Исслѣдованія относительно того, когда въ Римѣ и на Западѣ сталъ упадать и прекратился эллинизмъ, мнѣ неизвѣстны. По моимъ ограниченнымъ познаніямъ границей и готовъ поставить конецъ второму вѣку. Еще Маркъ Аврелій свое размышленіе писалъ по-гречески. Позднѣе столь симптоматическаго явленія я не нахожу. Упадокъ образованія, а также самый ходъ вещей поставилъ греческому элементу на Западѣ конечный предѣлъ. Въ третьемъ столѣтіи Римъ началъ выдѣлять изъ себя греческое; въ теченіе четвертаго столѣтія онъ сталъ опять латинскимъ городомъ. Что сказано о Римѣ, то же должно сказать и о западныхъ провинціяхъ, поскольку онѣ восприняли греческій элементъ, даже о южной Італіи и Галліи, хотя здѣсь процессъ продолжался дольше. Во второмъ столѣтіи въ большихъ городахъ Запада еще понимали по-гречески; въ третьемъ столѣтіи чужестранецъ, не-понимавшій по-латыни, уже наталкивался, хотя и рѣдко, на затрудненія; въ четвертомъ же столѣтіи путешествующій по западу не могъ ступить безъ знанія латинскаго.

но въ 4 столѣтіи по перенесеніи столицы имперіи на важнѣйшія линіи Востока вновь испытала значительное усиленіе. Такъ какъ христіанство очень быстро примкнуло, хотя и не вполне, къ языку и духу эллинизма, то оно воспользовалось для себя немаловажной частью успѣха его.

2. *Римская міровая монархія* и осуществленное ею *политическое единство народовъ*, обитавшихъ по берегамъ Средиземнаго моря; достигнутое въ міровомъ государствѣ единство жизненныхъ порядковъ и условій и относительная прочность общественной жизни. Во многихъ провинціяхъ Востока императора принимали дѣйствительно, какъ друга, и привѣтствовали его законы, какъ охрану и защиту ¹⁾. Фактъ земной всемірной монархіи порождалъ также представленіе о небесной монархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ условія для образованія одной католической, т. е. вселенской церкви.

3. Необычайно облегченное разившееся и прочное *міровое взаимообщеніе* ²⁾, превосходныя дороги, смѣсь населенія ³⁾, обмѣнъ вещей и идей, общеніе мыслями, вездѣсущій купецъ и вездѣсущій солдатъ,—должно присоединить еще,—и вездѣсущій профессоръ, котораго можно было встрѣтить и въ Ан-

¹⁾ Оригенъ (с. Сельс, 30), по примѣру Мелитона, правильно оцѣнилъ значеніе этого факта для проповѣди: „во дни Іисуса вошли правда и полнота мира; оны начались съ Его рожденія. Богъ приготовилъ народъ въ ученію Его и сдѣлалъ такъ, что римскій императоръ воцарился во всемъ мірѣ; не нужно было много царствъ, иначе народы оставались бы чуждыми другъ другу и исполненіе заповѣди Іисуса: „идите и научите всѣ народы“, какую Онъ далъ апостоламъ, было бы труднѣе. Извѣстно, что рожденіе Іисуса послѣдовало въ царствованіе Августа, который собралъ и соединилъ въ одну имперію многіе народы. Существованіе многихъ царствъ было бы препятствіемъ для распространенія ученія Іисуса по всей землѣ не только по названной сейчасъ причинѣ, но и вслѣдствіе того, что народы были бы вынуждены вести войну и защищать отечество... Какимъ бы образомъ это мирное ученіе, ни разу не получившее дозволенія, могло примѣнять прощеніе къ своимъ врагамъ, проникнуть къ нимъ и найти приѣмъ, если бы при пришествіи Іисуса міровыя отношенія повсюду не получили мирнаго устроенія?“

²⁾ Ср. Stephan in Raumer's Histor. Taschenbuch 1868, s. 1 сл. Zahn, Weltverkehr und Kirche der drei ersten Jahrhunderte (1877). Фактъ, что одинъ фригійскій купецъ сдѣлалъ 72 путешествія въ Римъ, заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченнымъ.

³⁾ Гдѣ надписи даютъ имена массы и при этомъ отмѣчаютъ происхожденіе—солдатъ, поселянъ, мучениковъ и проч., тамъ смѣшеніе народности вызываетъ изумленіе.

тіохіи, и Кадиксѣ, и въ Александріи, и въ Бордо. Значить, церковь нашла пути для распространенія уравнивающими, средствами готовыми и населеніе большихъ городовъ столь разнообразнымъ и отрѣшеннымъ отъ историческихъ преданій, какъ это и было ей нужно.

4. Благодаря, съ одной стороны, факту *orbis Romanus*, съ другой—философскому развитію возникло и практически и теоретически созрѣло убѣжденіе о *существенномъ единствѣ рода человеческого*, человѣческихъ правъ и человѣческихъ обязанностей, которое было укрѣплено истинно просвѣщеннымъ римскимъ законодательствомъ, особенно за время отъ Нервы до Александра Севера. Великое и прочное созданіе имперіи, — *римское право*, — въ существенныхъ пунктахъ церковь отрицать не могла, напротивъ она признала ихъ.

5. *Разложеніе и демократизація древняго общества*, постепенное уравниеніе *cives Romani* и провинціаловъ, грековъ и варваровъ, сравнительное равенство сословій, улучшеніе положенія рабовъ—все это представляло собой почву, приготовленную разложеніемъ для новыхъ образованій.

6. *Римская религіозная политика*, содѣйствовавшая своею толерантною обмѣну религіей и почти не препятствовавшая ихъ естественной исторіи—возрастанію, преобразованію и уничтоженію, хотя фактическаго пренебреженія церемоніями государственнаго культа она и не терпѣла. Трудное препятствіе, какое лежало на пути распространія христіанства въ требованіи точнаго соблюденія государственнаго культа, богато вознаграждалось той свободой, какую религіозная политика представляла въ другихъ случаяхъ.

7. *Общинная форма жизни*, равно какъ и *коммунальныя и провинціальныя организаціи*. Первая во многихъ отношеніяхъ содѣйствовала подготовленію почвы для принятія христіанства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ служила, быть можетъ, защитой для него; вторыя для важнѣйшихъ церковныхъ организацій послужили прямо примѣрами и избавили христіанскія общины отъ трудной работы изобрѣтать свою организацію и осуществлять ее.

8. *Проникновеніе сирійскихъ и персидскихъ религіей* въ им-

перію, начиная со времени Пія,—религіи имѣвшихъ общія черты съ христіанствомъ. Что съ своимъ распространеніемъ онѣ отнимали у христіанства, то богато восполняли въ новыхъ религіозныхъ потребностяхъ, какія онѣ будили въ душахъ людей, и которыя свое достаточное удовлетвореніе могли найти только въ принятіи христіанства.

9. Вызванное демократизаціей общества и популяризаціей науки, а также и другими неизвѣстными причинами паденіе точной науки и сильно возросшее уваженіе къ религіозной философіи, искавшей откровенія.

Всѣ эти внѣшнія условія—последнія два могутъ быть отнесены къ внутреннимъ,—вмѣстѣ взятыя, произвели великій переворотъ во всемъ бытіи людскомъ въ эпоху цезарей,—переворотъ, который долженъ былъ весьма благопріятствовать распространенію христіанской религіи. Тѣсный міръ сталъ широкимъ, разрозненное—единымъ, варварское—греческимъ и римскимъ ¹⁾.

¹⁾ Очень справедливо говоритъ Ульхорнъ (*Die christliche Liebestätigkeit in der alten Kirche*, 1882, s. 37): „Съ эпохи императоровъ замѣчаются нѣкоторыя теченія. Кто оставляетъ безъ вниманія эти теченія, тотъ не можетъ понять первыхъ вѣковъ христіанской церкви, не можетъ понять именно быстрого распространенія ея, того, что она скоро достигла побѣды. Если бы исходившее отъ Христа новое жизненное теченіе столкнулось съ античною жизнью въ ея цѣломъ, еще не надломленномъ видѣ, то оно, быть можетъ, отпрянуло бы отъ этой скалы бездѣйственно. Но не только весь строй античной жизни уже совсѣмъ распался, и неподвижныя основы его стали расширяться, на встрѣчу христіанскому теченію развилось еще родственное ему теченіе въ іудействѣ. Въ римской имперіи проложилъ себѣ путь неизвѣстный античному міру универсализмъ, отдѣльныя народности исчезли, все человѣчество освободилось отъ узъ націонализма; стовѣтны раскрыли мысль, что всѣ люди равны; они говорили о братствѣ и обязанностяхъ одного человѣка въ отношеніи къ другому. Презираемыя доселѣ низшія сословія пріобрѣли себѣ мѣсто. Обращеніе съ рабами стало болѣе кроткимъ. Если Катонъ сравнивалъ ихъ съ быками на соломѣ, то Плиппій видитъ въ нихъ „прислуживающихъ друзей“. Рабочее сословіе поднялось, вольноотпущенники начали возвышаться. Коллегии были не только мѣстами ихъ общественной жизни,—онѣ содѣйствовали улучшенію ихъ соціальнаго положенія. Женщины, доселѣ безправныя, въ постепенной возрастающей мѣрѣ, получили свои права. Приняли подъ защиту и дѣтей. Институтъ раздачи хлѣба, въ началѣ чисто политическій, возросъ въ нѣчто, подобное помощи бѣднымъ. Все чаще и чаще встрѣчаются намъ акты щедроты, пожертвованій, учрежденій, носящихъ уже болѣе гуманнѣйшій характеръ.“

III.

Внутреннія условія всеобщаго распространенія христіанства.

Рядъ важнѣйшихъ внутреннѣхъ условій всеобщаго распространенія христіанской религіи,—то, что христіанство было проповѣдью, обращеніемъ къ бѣднымъ, обремененнымъ, что оно возвѣщало и осуществляло любовь, превращавшую окаменѣлую и изсохшую землю въ плодородное поле для церкви,—будетъ разсмотрѣнъ въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ. Гдѣ никакая другая религія не въ состояніи была ни сѣять, ни жать, тамъ эта религія смогла рассыпать свои сѣмена и создать плоды.

Но главнѣйшее предуготовленіе для пропаганды христіанской религіи лежало въ общемъ религіозномъ состояніи эпохи императоровъ. Невозможно вдаваться здѣсь въ подробное изображеніе этого состоянія. Къ сожалѣнію также нельзя указать и такого классическаго сочиненія, которое вполнѣ исчерпывало бы эту необъятную задачу, хотя мы владѣемъ очень выдающимися изслѣдованіями и описаніями. Я напому сочиненія Щирнера (Tzschirner), Фридлѣндера, Буасье, Ревилля и Виссоны. При такихъ условіяхъ мы должны ограничиться нѣкоторыми указаніями по двумъ главнымъ направленіямъ.

1. Противоположность монотеизма и политеизма,—ближайшее, что насъ встрѣчаетъ здѣсь,—до 3-го вѣка дѣйствительно была самымъ боевымъ, всепроникающимъ пунктомъ въ отношеніи между христіанствомъ и язычествомъ, и притомъ язычествомъ, какъ политической религіей. Съ этой точки зрѣнія христіанство и язычество суть ничто иное, какъ простыя противоположности: первое сожигало то, чему поклонялось второе, и второе жгло христіанъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Христіанскіе апологеты и мученики имѣли полное право, когда они часто въ своихъ рѣчахъ все сводили на эту противоположность и молчали о другомъ.

Иудейство раздѣляло съ христіанствомъ это положеніе въ отношеніи къ политеизму, но оно было національной религіей, и потому монотеизмъ его въ широкихъ кружкахъ или не понимался или пользовался терпимостью. Условіе, что надо сдѣлаться іудеемъ, чтобы стать монотеистомъ, было также не-

повятно; Творца неба и земли оно низводило до національнаго бога. Но если Онъ былъ національнымъ богомъ, то, значитъ, Онъ не былъ единственнымъ. Въ имперіи ходили слухи объ іудейскомъ атеизмѣ, такъ какъ они не имѣли статуй боговъ; но серьезнаго значенія этому не придавали иля хотя въ разные времена и колебались въ обсужденіи іудейства, то политическимъ послѣдствіемъ этого колебанія было правило: *in dubio pro geo*.

Иначе дѣло обстояло съ христіанствомъ; для вѣрующихъ въ боговъ здѣсь не было сомнѣнія: отрѣшившееся отъ всякихъ національныхъ и государственныхъ основъ, безъ изображеній боговъ и храмовъ, оно было атеизмомъ. Противоположность между политеизмомъ и монотеизмомъ здѣсь была чистая и грубая. Борьба между обѣими религіозными формами начата была и велась христіанствомъ, а не іудействомъ. Христіанство было наступательно; іудейство же въ сущности не столько вело борьбу, сколько ловило прозелитовъ.

Но борьба съ самаго начала не была безнадежной. Правда, политеизмъ государственнаго культа еще далеко не былъ искорененъ, когда христіанство выступило на сцену ¹⁾, но уже существовали на лицо силы, которыя работали надъ его низверженіемъ. Критическую эпоху, когда республика преобразовывалась въ діархію и монархію, онъ еще преодолѣлъ, но полноту вновь наступавшихъ на него и разлагавшихъ его религій онъ не могъ ни обезвредить очарованіемъ императорскаго культа, ни разогнать всепроникающими, Протею ²⁾ подобными, лучами культа солнца. Все же, быть можетъ, на его долю выпала бы болѣе долгая жизнь, если бы наука, философія и этика не сдѣлались его явными или тайными врагами, если бы онъ самъ не былъ отягченъ мифологіей съ достойными посмѣянія и возмутительными недостатками. Государственные люди, поэты и философы не идутъ здѣсь въ счетъ,—каждая изъ этихъ группъ находила свой способъ сохранять согласіе съ прошедшимъ,—но „народъ“, разъ его вниманіе привлечено

¹⁾ Даже не было недостатка въ очень успѣшныхъ реставраціяхъ; см. указанія на 2 п. этого отдѣла.

²⁾ Протей—морской богъ, часто перемѣнявшій свой видъ. *Прим. перев.*

или самъ онъ сдѣлался внимательнымъ, выводитъ въ такихъ случаяхъ безпощадныя послѣдствія. Для широкаго круга людей борьба противъ покрытыхъ перьями и чешуей, любострастныхъ и порочныхъ боговъ и противъ боговъ изъ дерева и камня была наиболѣе поразительнымъ и дѣйствительнымъ элементомъ христіанской проповѣди. Широкіе круги людей до нижнихъ слоевъ народонаселенія—и здѣсь ихъ преимущественно нужно искать,—подъ вліяніемъ внутренняго и вѣшняго опыта ушли такъ далеко, что пламенѣющія рѣчи противъ мерзостей идолопочитанія должны были завладѣвать ими и вести къ монотеизму. Положеніе, въ какомъ находился политеизмъ, какъ государственная религія, было благопріятно для пропаганды христіанства. Религія стояла противъ религіи, но одна была новая и живая, другая—старая и никто о ней не могъ сказать, на что собственно она пригодна. Была ли она только политическимъ условіемъ законности или представляла собой давно надобѣвшее, необозримое множество *religiones licitae* въ имперіи?

2. Но здѣсь затронута только одна сторона дѣла. Религіозныя состоянія, стремленія и проявленія въ эпоху императоровъ были сложны. Сколь ни важными являлись простыя противоположности, какъ „монотеизмъ противъ политеизма“, „строгая нравственность противъ роскоши и пороковъ“, этими противоположностями еще не обнималось все положеніе вещей. Ни состояніе въ имперіи не характеризуется достаточно словомъ „политеизмъ“, ни христіанство, какъ оно проповѣдывалось, не было монотеизмомъ, ни добродѣтель и порокъ не стояли въ такой простой противоположности. Мы еще должны выкинуть кое во-что.

Съ начала перваго столѣтія нашего лѣтосчисленія въ греко-римскомъ мірѣ должно констатировать оживленіе религіознаго чувства, которое постепенно охватило всѣ слои общества и со середины второго вѣка возвышалось отъ десятилѣтія къ десятилѣтію. Двоякимъ способомъ—въ такомъ двоякомъ развитіи всегда сказывается религіозный подъемъ, оно давало знать о себѣ; во-первыхъ, не въ безуспѣшныхъ попыткахъ оживить и укрѣпить старую религію, пунктуально удержать преданныя

обычай, реставрировать мѣста оракуловъ и культа. Однако, новыя религіозныя потребности времени въ этихъ попыткахъ, которыя отчасти исходили—свыше и проводились искусственно, не находили себѣ сильнаго и чистаго выраженія. Также и христіанство не стояло внѣ всякаго отношенія къ этой реставраціи религіи—двѣ различныя величины, не понимавшія другъ друга, здѣсь сталкивались: одна дѣлала попытки, другая ихъ разрушала. Но оживленіе религіи болѣе энергичнымъ образомъ совершалось въ другомъ направленіи.

Со дней Александра и его пріемниковъ и затѣмъ со дней Августа народы, на развитіи которыхъ покоился прогрессъ человѣчества, стояли подъ новымъ знаменемъ. Великій переворотъ во внѣшнихъ условіяхъ ихъ бытія указанъ выше; ему соотвѣтствовалъ, отчасти какъ слѣдствіе, внутренней религіозный переворотъ, который во многомъ основывался на смѣшеніи религій, но главнымъ образомъ на культурномъ развитіи и внутреннемъ и внѣшнемъ опытѣ. Правда, въ примѣненіи къ народамъ отъ Ефрата и Тигра, даже отъ Персіи¹⁾, до Египта вельзя точно указать тотъ хронологическій пунктъ, когда началось религіозное смѣшеніе; насколько мы можемъ прослѣдить ихъ древнюю исторію, эти народы, а также и ихъ религій, находились всегда въ нѣкоторомъ обмѣнѣ между собой и взаимно дѣлились религіозною мудростью. Но нужно было, чтобы къ нимъ присоединилось гречество со всѣмъ капиталомъ своихъ, нажитыхъ въ горячей и радостной работѣ, познаній и идей, открывшее дверь всякому элементу, предлагаемому Востокомъ и снова подчинявшее каждый элементъ своей наукѣ и умозрѣнію.

То, что давно уже было достигнуто при помощи обмѣна восточныхъ религій, включая сюда и іудейскую, наука столѣтъ тому назадъ назвала „восточной религіозной философіей“, обозначая эгимъ выраженіемъ широкую смѣсь культовыхъ обычаевъ, культовой мудрости, религіозныхъ идей и научныхъ умозрѣній (астрономическихъ и другихъ возведенныхъ въ религію познаній),—смѣсь которая была столь-же неопредѣленная,

¹⁾ Участвовала ли Индія и насколько,—это спорный вопросъ, доселѣ нерѣшенный; но участіе кажется болѣе вѣроятнымъ.

какъ и имя, означавшее ее. Очень далеко съ того времени мы и теперь еще не ушли ¹⁾, однако кое-что въ этой смѣси мы сумѣли понять опредѣленно. Лучшую помощь предлагаетъ намъ при этомъ—какъ это ни кажется парадоксальнымъ—христіанскій гностицизмъ, потому что нигдѣ болѣе не дано столь ясной и связной картины всевозможныхъ смѣшеній, какъ здѣсь.

Въ нижеслѣдующемъ я попытаюсь возстановить важнѣйшія черты „оріентализма“, который, разумѣется, не былъ какимъ-либо самозаключеннымъ въ себѣ цѣлымъ, но предлагалъ въ своихъ главныхъ пунктахъ различное содержаніе и мысли. Характеристично вообще то, что вѣра въ преданные мифологическіе элементы въ реальной формѣ никоимъ образомъ не уничтожалась, но идеи присоединялись къ ней. Гдѣ и въ какой мѣрѣ идеи преобладали и реальное выпускалось на ступень символа, этого въ отдѣльныхъ случаяхъ открыть нельзя и это обстоятельство дѣлаетъ наше знаніе объ „оріентализмѣ“ весьма несовершеннымъ. Такъ какъ, что пользы въ томъ, если тотъ или другой мифическій элементъ констатированъ для извѣстнаго времени и опредѣленнаго круга, когда мы не можемъ прочно установить, какое значеніе онъ имѣлъ? неизмѣнно ли было его содержаніе или онъ превращался въ идею, представлялъ ли собой образъ или былъ предметомъ нераздѣльнаго благочестія или даже просто загадочнымъ украшеніемъ? Имѣлъ ли онъ теологическое или космологическое, этическое или историческое значеніе? Возвѣщалъ ли о томъ, что произошло въ сѣдой старинѣ, или о томъ, что продолжается или что осуществится въ будущемъ? Или всѣ эти значенія и оцѣнки переплетались между собою? Принималось ли предлагаемое въ мифахъ, какъ нѣчто божественное, хотя и неопредѣленное, способное соединяться со всякимъ соответственнымъ содержаніемъ и послужить основой для любого толкованія по желанію излагателя? я думаю, что на послѣдній вопросъ должно отвѣчать утвердительно и, кромѣ того, не опускать изъ вниманія, что

¹⁾ Напр. происхожденіе отдѣльныхъ элементовъ во многихъ случаяхъ тенно,—индійскіе ли они, персидскіе, вавилонскіе, сирійскіе, египтянскіе и пр.

одновременно и въ одномъ и томъ же кружкѣ къ одинаковымъ мѣстамъ подставляли различное содержаніе.

Должно имѣть въ виду разнообразіе происхожденія мѣстеческихъ элементовъ въ ориентализмѣ. Древнѣйшіе произошли изъ первобытныхъ воззрѣній на природу, въ которыхъ облака боролись со свѣтомъ, ночь пожирала солнце и громъ былъ устрашающимъ откровеніемъ. Или они возникали изъ сновидѣній, изъ выводимаго отсюда раздѣленія души и тѣла и изъ культа мертвыхъ. Дальнѣйшій слой могъ появиться изъ древнихъ историческихъ воспоминавій, фантастически преувеличенныхъ и возведенныхъ въ сверхъестественное. За ними слѣдуетъ то, что осталось отъ первыхъ „научныхъ“ попытокъ и не могло быть преобразовано далѣе,—наблюденія надъ небомъ и природой, приводившія къ познанію законосообразности, связанная съ религіозными воззрѣніями,—все олицетворенное и надѣленное силами созвѣтнаго бытія. Надъ этимъ слоемъ возвысились затѣмъ великія религіи Востока, съ ихъ своеобразной мѣологіей и культовой мудростью, каковыми онѣ являются уже въ историческое время. Потомъ слѣдуетъ—работа умозрительно развитой и поставленной въ связь съ укоренившейся философской наукой религіи,—полу-апологетики, полукритики; также и въ ней продолжалось образованіе мѣстеческихъ элементовъ. Наконецъ, дѣлается послѣдній шагъ,—поглощеніе древнихъ фантазій и религій новымъ, возникшимъ изъ внѣшняго и внутренняго опыта, представленіемъ о мірѣ. Все прежде данное насильственно смѣшивается между собою, отдаленное и стороннее стискивается вмѣстѣ, разрушаются всѣ построенія, образуется масса обломковъ и покрывается своей собственной крышей. Это—„синкретизмъ“. По внѣшнему виду онъ имѣетъ свою собственную, хотя и весьма разнообразную форму, но что здѣсь воспринимается зрѣніемъ,—это не силы, образовавшія его. Что видно, то древне; новые элементы лежатъ въ глубинѣ явленія.

Эти новые элементы возникаютъ изъ внѣшняго опыта и внутренняго наблюденія. Вѣроятно, что еще до соприкосновенія съ греческимъ духомъ „ориентализмъ“ достигъ этой ступе-

ни и эта невозможность рѣшить, сколь многое мы должны приписать самостоятельному, еще независимому отъ греческаго духа, ориентализму, принадлежить къ наиболѣе чувствительнымъ пробѣламъ нашихъ религіозно-историческихъ познаній. Мы вынуждены довольствоваться лишь установкой фактовъ. Вновь возникшія познанія и настроенія, встрѣчающіяся намъ на почвѣ эллинизма (который въ развитіи своихъ древнихъ мистерій и своей философіи объединился съ ориентализмомъ ¹⁾), состояли въ слѣдующемъ:

1. *Рѣзкое раздѣленіе между душой (духомъ) и тѣломъ*, болѣе или менѣе исключительное предпочтеніе, что духъ исшелъ изъ другого высшаго міра и носить въ себѣ высшую жизнь или, по крайней мѣрѣ, право на нее. Утвердившійся отсюда индивидуализмъ.

2. *Рѣзкое раздѣленіе между Богомъ и міромъ* и разрушеніе наивныхъ представленій, ихъ связи и единства.

³ Какъ слѣдствіе раздѣленія: *уточненіе понятія о Боже-жествѣ via negationis et eminentiae* ²⁾; лишь теперь Боже-ство было понято, какъ существо не только необъятное и не описуемое, но и какъ великое и благое; оно есть также первоначало всѣхъ вещей хотя въ послѣднемъ случаѣ, только какъ постулируемое, а не ясно понимаемое.

4. Затѣмъ, какъ слѣдствіе раздѣленія и исключительнаго предпочтенія духа: *уничиженіе міра* и сознаніе, что лучше было бы не быть ему, что онъ возникъ по ошибкѣ, что онъ—темница для духа, въ лучшемъ случаѣ мѣсто испытанія.

5. Убѣжденіе, что связь съ плотью—„этой запятнанной одеждой“—принижаетъ и порочитъ духъ, такъ что онъ можетъ

1) Соппаденіе линій развитія у различныхъ народовъ въ вѣкъ эллинизма есть одинъ изъ наиболѣе прочныхъ выводовъ науки. Согласно или подобныя образованія возникали не только благодаря обитію, но и въ слѣдствіе параллельнаго развитія. Но это обстоятельство затрудняетъ, а во многихъ случаяхъ дѣлаетъ и невозможнымъ рѣшеніе вопроса о томъ, на какой вѣтви возросло то или другое явленіе. Одинаковость параллельнаго развитія обнимала не только идеи, но также часто и средства и формы воззрѣній; человѣческая фантазія и здѣсь, какъ это общепризнано, вращалась въ узкихъ границахъ.

2) Т. е. путемъ отрицанія въ Богѣ конечныхъ и не совершенныхъ свойствъ (via negationis) и превозношеніе свойствъ совершенныхъ и абсолютныхъ (via eminentiae).

даже разрушиться, если не порветъ связей съ плотью или не возобладаетъ надъ ней.

6. *Исканіе спасенія*, какъ спасенія отъ міра, плоти, конечности и смерти.

7. *Убѣжденіе*, что всякое спасеніе есть спасеніе для вѣчной жизни, что оно связано съ познаніемъ и очищеніемъ отъ грѣховъ, что только познающія (т. е. себя, Божество и сущее въ его бытіи и дѣйствіяхъ) и чистыя (очищенные отъ грѣховъ) души могутъ спастись.

8. *Увѣренность*, что спасеніе души, какъ *возвращеніе* къ Богу, совершается тѣмъ же *постепеннымъ* порядкомъ, въ какомъ происходило отдѣленіе души отъ Бога, пока она не достигла этой долины скорбей. Всякое наученіе о спасеніи есть, поэтому, наученіе о „возвращеніи и пути“ и исполненіе спасенія есть ничто иное, какъ восхожденіе по степенямъ.

9. Нѣкоторая, не совсѣмъ ясная, вѣра, что ожидаемое спасеніе т. е. Спаситель уже существуетъ и Его нужно только найти,—существуетъ или въ какомъ-либо древнемъ культѣ, которому требуется дать только правильное освѣщеніе, или въ какой нибудь мистеріи, которая должна стать общедоступной, или въ нѣкоей личности, силѣ и заповѣдямъ которой нужно слѣдовать, или въ самомъ духѣ, когда онъ погружается въ самого себя.

10. *Убѣжденіе*, что всѣ освобождающія средства должны усвоиться познаніемъ, но имъ они еще не могли исчерпываться, напротивъ, въ концѣ концовъ они должны были реально низвести и сообщать дѣйствительную божественную силу: только соединенное съ преподаваніемъ познанія „посвященіе (мистерія, священнодѣйствіе)“, которое пренозмогаетъ надъ духомъ, дѣйствительно освобождаетъ и посредствомъ мистическаго восторга изводитъ его изъ темницы конечности и грѣха.

11. *Заключавшеся* во всемъ этомъ, даже лежавшее въ основаніи всего возрѣніе, что міропознаніе, религія и строгая дисциплина личной жизни должны составлять собой нѣкоторое замкнутое въ себѣ единство,—единство исключительное, которое не ямѣетъ ничего общаго ни съ государствомъ, ни съ обществомъ, ни съ семействомъ, ни съ частными занятіями и от-

рицаеть всѣ эти области, т. е. должно представлять собою аскетизмъ.

Богъ, душа, познаніе, очищеніе отъ грѣховъ, аскетизмъ, спасеніе, вѣчная жизнь, и соотвѣтственно этому индивидуализмъ и человѣчество на мѣстѣ націонализма—вотъ возвышенныя мысли, которыя, какъ осадокъ глубокихъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеній, какъ продуктъ работы великихъ умовъ и какъ утонченный результатъ всѣхъ культовъ, жили и властвовали въ эпоху императоровъ. Гдѣ есть настоящая религія, тамъ дышетъ она въ этомъ кругу чувствъ и мыслей. Какъ много людей жило въ немъ, это безразлично: вѣра не есть дѣло всякаго, а исторія религія, поскольку она дѣйствительно есть исторія религія, движется всегда по небольшой линіи.

Но удивительно то, сколь подъ различными вывѣсками обращались эти мысли. Онѣ сами въ себѣ носили потребность въ большомъ аппаратѣ, какъ всѣ религіозныя міросозерцанія, стремящіяся привести къ единству монастическія и дуалистическія теоріи. Но здѣсь находили удовольствіе еще въ томъ, чтобы увеличить аппаратъ, отчасти для того, чтобы совмѣстить все возможно-древнее и казаншееся цѣннымъ, отчасти потому, что отдѣльные элементы казались недостаточно сильными, и цѣли надѣялись достигнуть путемъ умноженія ихъ. Благодаря различію аппаратовъ эти синкретическія построенія въ своей поверхности кажутся совершенно различными; но если всмотрѣться въ мотивы и цѣли, то получается поразительное единство, даже простота. Дѣйствительно, послѣдніе мотивы просты и мощны, какъ они и произошли изъ простыхъ, но сильныхъ внутреннихъ испытаній. Въ нихъ заключался успѣхъ религіознаго развитія, насколько оно нашло себѣ мѣсто, помимо христіанства.

Отсюда же видно, что противоположность христіанства и язычества нельзя отмѣчать просто, какъ противоположность монотеизма и политеизма. Конечно, синкретизмъ вполне могъ мириться также и съ политеизмомъ,—онъ даже требовалъ его и долженъ былъ подкрѣплять его собой. „Аппаратъ“ нуженъ былъ какъ для объясненія происхожденія міра, такъ и для

описанія „возвращенія“, эоновъ, посредствующихъ существъ, полубоговъ и способниковъ, и высшій Богъ не былъ бы высшимъ и совершеннѣйшимъ, если бы Онъ былъ единственнымъ. Однако, въ основѣ весь образъ мыслей монотеистиченъ; такъ, онъ ставитъ высочайшаго Бога, какъ перво-бога, выше всѣхъ боговъ и соединяетъ душу исключительно съ перво-богомъ (а не съ подчиненными богами). Политеизмъ изгнанъ на низшую ступень, на верху его болѣе нѣтъ.

Христіанская проповѣдь увидѣла противъ себя старый политеизмъ и этотъ синкретизмъ. Они образовали внутреннія условія, среди которыхъ миссіонерствовала юная религія. Изъ противоположности политеизму она почерпала силу противопоставленія и мощь исключительности, какія приносятъ съ собой каждая самостоятельная религія и которыя дѣлаютъ ее сильною. Въ синкретизмѣ, т. е. во всемъ томъ, что иногда вообще заслуживало имени религіи, она имѣла, не подозрѣвая того своего тайнаго союзника; она должна была просвѣтить его и упростить.

Переводилъ Ан. Спасскій.

Святоотеческое учение о нематериальности или духовности человѣческой души.

Святоотеческое учение о самостоятельности и единствѣ духовнаго начала, изложенное нами выше, служитъ твердымъ основаніемъ для раскрытія и уясненія дальнѣйшаго вопроса о духовности или невещественности человѣческой души. Въ самомъ дѣлѣ, если душа человѣка есть совершенно самостоятельная и отличная отъ тѣла единая субстанція, то въ свою очередь и тѣло наше есть также отличная отъ духа матеріальная сущность. Духъ и матерія, бытіе сверхчувственное и чувственное,—это самыя противоположныя виды бытія, исключаютъ одно другое и обнимающіе весь тварный міръ во всемъ его объемѣ. „Самое высшее раздѣленіе всѣхъ существъ, говоритъ св. Григорій Нисскій, есть дѣленіе на разумное и чувственное“¹⁾. Получается, такимъ образомъ, два совершенно особыхъ вида бытія, характеризующихъ въ отношеніи другъ къ другу чертами отрицательнаго характера. Тутъ нѣтъ ни одной родственной черты, ничего общаго, а есть одна самая коренная и субстанціальная противоположность, не допускающая никакого перехода изъ одного бытія въ другое. Тѣло—не душа, душа—не тѣло,—такъ можно формулировать основанія для дальнѣйшаго опредѣленія и уясненія духовности нашей души. Если душа наша совершенно противоположна тѣлу, то природа первой должна опредѣляться всѣми тѣми чертами, какими по существу, кореннымъ образомъ, отличается духъ отъ матеріи, а матерія отъ духа. Главнѣйшія и самыя общія формы, безъ которыхъ нельзя мыслить существованія матеріальныхъ предметовъ, а слѣдовательно и нашего тѣла, суть про-

¹⁾ Contr. Eunom. lib. I. Curs. Compl. Patrolog. col. 338. См. Антропол. Гр. Нис. А. Мартыновъ. Стр. 61.

странство, время и стоящее въ связи съ ними движеніе. Посмотримъ, насколько душа отличается отъ тѣла въ отношеніи къ этимъ формамъ бытія и какія проистекаютъ отсюда черты ея духовной сущности.

Признаніе полной противоположности души и тѣла по существу вносить въ понятіе о нихъ черты отрицательнаго характера, опредѣляющія духовную природу человѣка. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ матеріальныхъ предметовъ, обуславливаемыхъ ихъ опредѣленнымъ положеніемъ въ пространствѣ, признается ихъ дѣлимость. Дѣлимость это есть такой общій признакъ тѣлъ, по которому всѣ они безъ исключенія подлежатъ разложенію и дѣленію до бесконечности, такъ что невозможно представить себѣ хотя бы самую малую матеріальную частицу, которую бы нельзя было подвергнуть дальнѣйшему дѣленію. Ничего подобнаго нельзя сказать относительно нашей души. Какъ сущность простая и несложная, она не подлежитъ дѣлимости. Нельзя раздѣлить на части наше я, или указать его составъ, какъ это мы дѣлаемъ съ предметами матеріальными. Все это свойственно тѣламъ лишь потому, что они сложны, протяженны и ограничены пространствомъ. Если же вещественные предметы характеризуются сложностью, происходящей отъ бесконечной повторяемости въ нихъ матеріальныхъ частицъ или атомовъ, то душа, наоборотъ, будучи совершенно чуждою этой сложности, является сущностью самоцѣльною, всегда равною и тождественною самой себѣ, а слѣдовательно невещественною или духовною. Такое различіе матеріальнаго и душевнаго началъ даетъ основаніе св. Максиму Исповѣднику заключать о безтѣлесности нашей души. „Если всякое стяженіе и растяженіе, равно какъ сѣченіе, рассуждаетъ онъ, свойственно тѣламъ, а свободное отъ всякаго стяженія и растяженія и какого бы то ни было сѣченія, конечно, безтѣлесно, то безтѣлесна слѣдовательно и душа, такъ какъ она этому всеконечно непричастна“ ¹⁾).

Самое соединеніе духовнаго и матеріальнаго началъ въ человѣкѣ не находитъ себѣ подобія въ вещественной природѣ, гдѣ соединеніе матеріальныхъ частицъ имѣетъ чисто внѣшній характеръ. Правда, образъ соединенія душевнаго начала съ

¹⁾ S. Max. Confess. epist. mixt. tom. sec. pag 239. У Кашменск. 110.

тѣлеснымъ организмомъ для насъ непостижимъ ¹⁾, однако можно утверждать, что онъ имѣеть совершенно иной характеръ сравнительно съ тѣми формами, въ коихъ обнаруживается связь вещественныхъ предметовъ и составляющихъ ихъ частей. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что отнюдь не тѣлесный организмъ служить объединителемъ человѣческой природы, а сама душа. Въ самомъ дѣлѣ, „если душа, разсуждаетъ св. Максимъ Исповѣдникъ, сближается съ тѣломъ такъ, какъ камешокъ съ камешкомъ, то душа будетъ тѣломъ, самое же тѣло не будетъ одушевлено... и будетъ составлять массу. Но душа, находясь въ тѣлѣ, не составляетъ массы, а оживляетъ оное. Слѣдовательно, душа не тѣло, а безтѣлесна“ ²⁾.

Занимая мѣсто въ пространствѣ, каждое вещественное тѣло имѣеть свои опредѣленныя границы, свою величину, подлежащую измѣреніямъ по длинѣ, ширинѣ и высотѣ. Измѣренію по тремъ указаннымъ направленіямъ могла бы подвергаться и наша душа, если бы она была тѣломъ матеріальнымъ, величиною количественною и сложною. Допускать же это нельзя. „Душа не есть... ни тяжесть, ни количество, ни тройкая измѣряемость; она совершенно не то, что приписывается тѣлесной природѣ. Не будучи ни чѣмъ такимъ, она безтѣлесна“ ³⁾.

Будучи началомъ несложнымъ и простымъ, а потому недѣлимымъ и не подлежащимъ измѣренію, душа наша и въ этомъ отношеніи не подлежитъ ограниченіямъ пространства. Всѣ наши старанія указать ея предѣлы и придать ей какое-либо внѣшнее очертаніе совершенно напрасны: ее нельзя видѣть глазами, осязать руками и воспринимать другими какими-либо внѣшними чувствами.

Положеніе матеріальныхъ предметовъ въ пространствѣ предполагаетъ внѣшнее очертаніе, опредѣляющее ихъ взаимное отношеніе, ихъ фигуры, по которымъ мы при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ получаемъ о нихъ представленіе. Ничего подобнаго нельзя сказать о нашей душѣ. „Душа ни что-либо постигаемое (внѣшнимъ) чувствомъ, подтверждаетъ св. Григорій Нисскій, ни цвѣтъ, ни очертаніе, ни упорство, ни тяжесть,

1) Св. Гр. Нис. XX, кн. 3, стр. 89; Иоан. Злат. I, кн. 2, стр. 528.

2) S. Max. Confess. de anima, tom. sec. pag. 197. У Камм. 110.

3) S. Max. Conf. ep. mixt. tom. sec. pag. 239, ibid.

ни количество, ни протяженіе по тремъ измѣреніямъ, ни мѣстное положеніе и вообще ни что-либо изъ усматриваемаго въ веществѣ, ежели въ немъ и есть нѣчто иное кромѣ исчисленнаго¹⁾. О существованіи душевныхъ явленій мы получаемъ понятіе только чрезъ посредство внутренняго самосознанія, „ибо нельзя видѣть ни справедливости, ни мужества, ни чего-либо такого“. А это служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что „душа—не тѣло, а безтѣлесна“, заключаетъ св. Максимъ Исповѣдникъ²⁾. Еще подробнѣе рассуждаетъ тотъ же св. Исповѣдникъ о безтѣлесности нашей души на основаніи невозможности познавать ее въ чувственныхъ формахъ пространства. „Всякая, какова бы ни была, тѣлесная субстанція, различаясь, какъ требуетъ того здравый смыслъ, количествомъ и качествомъ, размышленіе о себѣ обуславливаетъ массою, видомъ, явленіемъ и фигурою... Разбирающій эту субстанцію не въ состояніи вообразить что-нибудь внѣ всего этого. Если же душа—тѣло, то конечно она можетъ описываться или отъ сего, или какъ сіе, или какъ что-нибудь, или нѣчто изъ сего, или симъ, или чѣмъ-нибудь, или изъ сего чѣмъ-нибудь; но она ни отъ сего, ни какъ сіе, ни какъ что-нибудь, ни нѣчто изъ сего, ни симъ, ни чѣмъ-нибудь, ни изъ сего чѣмъ-нибудь не можетъ описываться: слѣдовательно, душа—не тѣло“.

Наконецъ, всѣ предметы вещественнаго міра обладаютъ непроницаемостью. Это такой общій признакъ тѣлъ, въ силу котораго два предмета не могутъ занимать одного и того же мѣста въ одно и тоже время. И въ отношеніи къ этому признаку тѣлъ душа наша, по ученію св. отцевъ, представляетъ полную противоположность. Если допустить, что душа вещественна, то она несомнѣнно существовала бы въ тѣлѣ или какомъ-либо органѣ его, занимая опредѣленное мѣсто наряду съ остальными частями нашего организма. Но никто не можетъ указать такого мѣста въ нашемъ тѣлѣ или какой-либо части его, гдѣ бы имѣла свое мѣстопробываніе наша душа. „Пусть, напримѣръ, кто-нибудь утверждаетъ, что душа распространяется по всему составу тѣла; но это было бы безрасудно, потому что распространяться свойственно тѣламъ; а

1) О душѣ и воскр. ч. IV. 223.

2) S. Max. Confes. de anima. tom. sec. pag. 197. 198. У Кашковск. 111.

для души это невозможно, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго. Часто, когда у человѣка бываютъ отсѣчены и руки и ноги, душа остается цѣлою и чрезъ уродованіе не уменьшается¹⁾, хотя въ случаѣ, напримѣръ, отторженія руки отъ тѣла, духъ, идя отъ мозга, и, не находя непрерывности, не изскакиваетъ изъ тѣла и трепетный не исходитъ къ рукѣ..., не касается ея²⁾. Съ другой стороны, положимъ, что душа живетъ не во всемъ тѣлѣ, а собрана въ какой либо его части; но въ такомъ случаѣ, всѣ прочіе его члены необходимо будутъ мертвы, потому что бездушное совершенно мертво. Но и этого также сказать нельзя. Итакъ, присутствіе души въ нашемъ тѣлѣ извѣстно, а какъ она живетъ въ немъ, мы не знаемъ³⁾.

Подобное явленіе наблюдается также и въ отношеніи ко всѣмъ проявленіямъ душевной жизни. Наши мысли, чувства и желанія, сколько бы ихъ ни возникало въ нашей душѣ, не обособляются въ особые акты душевной дѣятельности, но существуютъ совмѣстно и совмѣстно же обнаруживаются въ нашемъ самосознаніи, нисколько не препятствуя другъ другу. „Нѣтъ числа и конца нашимъ помысламъ, заключающимся въ сердцѣ, какъ оно ни мало; и хотя все оно преисполнено ими, но мысли не стѣсняются въ сердцѣ, и не стѣсняютъ другъ друга“⁴⁾. То же слѣдуетъ сказать и о самыхъ способностяхъ нашей души. „Душа безъ труда дѣлитъ силы свои на разные дѣйствія“, но въ каждомъ душевномъ актѣ сознаетъ себя единой; она „не можетъ вдругъ дѣлать добраго и худого..., не можетъ пожелать и избрать вдругъ и смиренномудріе и высокоуміе“⁵⁾. Это могло бы быть въ томъ случаѣ, когда душа наша была бы сложна, матеріальна, когда для каждаго душевнаго акта была бы особая точка отправленія. Разнымъ образомъ и безконечное разнообразіе душевныхъ состояній, несмѣшивающихся между собою, не могло бы имѣть мѣста въ душѣ вещественной въ силу того же физическаго закона, что два предмета не могутъ занимать одного и того же мѣста въ одно и то же время.

1) Св. Іоан. Злат. о непостиж. пр. Аном. Хр. чт. 1842. 1. 29. 30.

2) Св. Іоан. Злат. на посл. къ Ефес. гл. 4. стр. 16. бесѣд. 11.

3) Св. Іоани. Злат. о непост. пр. Аном. Хр. чт. 1842 г. 1. 29. 30.

4) Св. Ефр. Сир. ч. 7, стр. 73.

5) Св. Еф. Сир. Похв. ел. св. четыр. муч. стр. 248—249.

Наблюдая движеніе въ вещественныхъ предметахъ, мы видимъ, что никакое тѣло само въ себѣ не имѣетъ жизни и никакое тѣло не приходитъ въ движеніе само по себѣ безъ всякихъ стороннихъ вліяній. Въ основѣ всякаго наблюдаемаго нами движенія матеріальныхъ предметовъ и составляющихъ ихъ частицъ непремѣнно лежатъ внѣшняя причина, безъ которой матерія мертва, недѣятельна, неподвижна, инертна. Такъ, всякое механическое движеніе, какъ свою необходимую причину, предполагаетъ внѣшній толчокъ, который, въ свою очередь, получаетъ движеніе отъ другой болѣе отдаленной причины. Въ основѣ химическихъ процессовъ также лежитъ движеніе, предполагающее измѣненіе внѣшняго положенія частицъ въ тѣлѣ относительно другъ друга. Инерція какъ существенное свойство матеріи, очень хорошо было извѣстно святымъ отцамъ. И тѣло наше, какъ часть той же матеріи, они признавали самимъ по себѣ педѣятельнымъ и неподвижнымъ безъ одушевляющаго его начала ¹⁾.

Противоположныя свойства наблюдаются въ душѣ. Какъ сущность живая, душа уже самому тѣлу нашему сообщаетъ жизнь и чувствительность до тѣхъ поръ, пока оно бываетъ способно къ этой жизни ²⁾. Что касается внутренней жизни самой души, то хотя значительная часть ея состояній и обуславливается воздѣйствіемъ внѣшняго міра на чувства, но гораздо больше въ ней тѣхъ явленій, которыя всецѣло получаютъ отъ нея свое начало. Область самопроизвольныхъ душевныхъ явленій, гдѣ душа обнаруживаетъ себя какъ причина жизненныхъ явленій и измѣненій, неисчерпаема. Природа души человеческой и не могла быть иною. „Ибо кто начало бытія имѣетъ чрезъ измѣненіе, тому невозможно, конечно, не быть не измѣнчивымъ; потому что самый переходъ изъ бытія въ бытіе есть нѣкое измѣненіе“, при которомъ человѣку дарована самостоятельная сущность. Человѣкъ оказывается измѣнчивымъ и по другой причинѣ, какъ образъ Неизмѣняемаго Творца, съ Которымъ онъ не могъ быть тождественнымъ, по Которому въ то же время онъ долженъ уподобляться „чрезъ измѣненіе“.

¹⁾ Св. Гр. Нис. О душѣ и воскр. 213.

²⁾ Св. Гр. Нис. О душѣ и воскр. 214.

Самое же „измѣненіе есть движеніе, непрестанно простирающееся изъ одного состоянія въ другое: одно совершается къ добру,... другое противоположно“. Въ виду этого, такъ какъ по природѣ „невозможно естеству въ самомъ себѣ пребывать неподвижнымъ, то къ чему-нибудь непременно устремляется произволеніе“ ¹⁾. Такъ изображаетъ св. Григорій Нисскій природу нашего духа, вѣрестанно движущагося собственнымъ своимъ произволеніемъ въ двухъ направленіяхъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ предметахъ матеріальныхъ. Если же душа чужда инерціи, то по справедливости заключили святые отцы, что она невещественна. Въ противномъ случаѣ нужно было бы допустить что-либо одно: или душа вещественна, по тогда причина ея жизненныхъ явленій остается необъясненной, или же она имѣетъ причину свободныхъ движеній своихъ внѣ себя. „Если душа—тѣло, разсуждаетъ въ этомъ направленіи св. Максимъ Исповѣдникъ, то она или извнутри движется или совнѣ; но совнѣ она не движется, потому что не толкается, или не тянется, какъ существа неодушевленные; ибо нелѣпо говорить о душѣ души. Итакъ она не тѣло, слѣдовательно, безтѣлесна“ ²⁾.

Какъ весь вещественный міръ, такъ и каждый предметъ въ отдѣльности по непреложнымъ законамъ природы подвержены постояннымъ преобразованіямъ и видоизмѣненіямъ. Ни одинъ матеріальный предметъ не остается одинаковымъ по своему составу. Будучи простымъ соединеніемъ матеріальныхъ частицъ, всякое тѣло во всей полнотѣ своего существованія въ мірѣ не есть бытіе самоцѣльное и внутренне неизмѣнное, но непрерывно слагающееся и разлагающееся, однимъ словомъ, бытіе обусловленное. Тѣло наше, какъ часть той же матеріи, также не свободно отъ этого общаго закона вещественнаго бытія. Наука удостовѣряетъ, что наше тѣло въ теченіе извѣстнаго времени совершенно обновляется, не оставляя въ себѣ ни одной прежней органической частицы. Да и конечный удѣлъ его, когда оно разрушится и обратится въ землю, изъ которой взято, не говоритъ-ли намъ о томъ же самомъ? Не такова наша душа. Исключая собою всякую идею состава, сложенія и дробленія,

¹⁾ Св. Григ. Нис. Больш. огл. слов., стр. 57.

²⁾ De anima, tom. sec. pag. 197. У Камм., 59.

она неизмѣнна по своему существу. Неизмѣнность и постоянство внутренней основы душевной жизни яснѣ всего обнаруживается въ фактѣ самосознанія. Хотя самое содержаніе нашего сознанія сложно, измѣнчиво и разнообразно, но со всѣмъ эгимъ мы никогда не соединяемъ представленія о сложности, измѣнчивости и разнообразіи самой основы душевныхъ явленій. При всемъ разнообразіи явленій душевной жизни, человѣкъ всегда сознаетъ себя единою и нераздѣльною личностью, объединяющею въ своемъ сознаніи всю душевную жизнь со всѣмъ ея разнообразіемъ. На этомъ основаніи, разсуждаетъ св. Максимъ Исповѣдникъ, душѣ болѣе, чѣмъ чему-либо другому, приличествуетъ наименованіе самостоятельной и нераздѣльной сущности, „пбелику сущностью бываетъ одно и то же и единственное числомъ, привимающее непремѣнно противоположности“ ¹⁾.

Самая жизнь и дѣятельность живого существа показываетъ, что имъ движетъ и руководитъ невещественная и безплотная душа, оживляющая и одушевляющая наше мертвое тѣло. Тѣло само по себѣ, какъ часть матеріи, не имѣетъ въ себѣ жизни и потому остается неподвижнымъ, недѣятельнымъ и мертвымъ, когда его покидаетъ одушевляющее начало. Органическая жизнь въ тѣлѣ поддерживается „самой душой, когда она, будучи невещественною и безплотною, дѣйствуетъ и движется сообразно съ своей природою, и свойственныя ей движенія обнаруживаетъ тѣлесными органами“ ²⁾... Потому „если есть нѣчто одушевленное“, заключаетъ св. Іустинъ, „то необходимо быть и душѣ; ибо одушевленное становится одушевленнымъ отъ причастности души“ ³⁾. Отсюда естественный выводъ тотъ, что „если тѣло нуждается въ душѣ, а душа не нуждается въ тѣлѣ для жизни,... то дѣйствительно душа есть нѣчто другое, кромѣ тѣла“ ⁴⁾, и, какъ противоположное ему, безплотна и невещественна.

Существенное отличіе души отъ тѣла въ томъ же отношеніи и св. Аѳинагора приводило къ заключенію о невещественности души. Душа, по Аѳинагору, не плоть и кровь, какъ тѣло,

¹⁾ S. Maxim. de anima, tom. sec. pag. 196; *ibid.*

²⁾ О душѣ и воскресеніи. Ч. IV, 218.

³⁾ Iust. Martyr. Quaest. Graec. ad. christian. pag. 537, 538; у Кашм. 166.

⁴⁾ *Ibid.*

а есть чистый духъ ¹⁾. Тогда какъ тѣло, говорить онъ, соотвѣтственно съ своей природою, стремится къ тому только, чтобы принимать назначенныя ему измѣненія, душѣ, наоборотъ, свойственно управлять тѣлесными стремленіями и все, что происходитъ, всегда опредѣлять и измѣрять надлежащими признаками и мѣрами ²⁾.

Невозможность доказать безъ противорѣчія логическимъ законамъ матеріальность нашей души побуждала нѣкоторыхъ допускать для объясненія душевныхъ явленій особую душу для души, какъ ея жизненное начало. Св. Максимъ Исповѣдникъ путемъ логическихъ построений показывалъ полную несостоятельность такой попытки. „Всѣ предметы міра вещественнаго, рассуждаетъ онъ, дѣлятся на два разряда— на предметы одушевленные и предметы неодушевленные. Если душа есть тѣло, то и она, конечно, будетъ или одушевленное или неодушевленное; если одушевленное, то будетъ одушевляться одушевленною, конечно, или сущностью, или силою, иначе сказать, случайностію“ ³⁾... Отсюда представляются два возможныхъ вывода. Коль скоро душа свое жизненное одушевляющее начало имѣетъ отъ причины несамостоятельной и случайной, то мы должны признать ее чуждою тѣхъ особенностей, какія ей свойственны, какъ самостоятельной сущности,—ея свободы и самостоятельности. А что душа есть свободное и разумное начало это не подлежитъ никакому сомнѣнію ⁴⁾ и безъ противорѣчія нашему сознанию допущено быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ, при допущеніи, что душа одушевляется силою или качествомъ посторонняго ей бытія, а не самостоятельнаго начала, окажется, что „безсвободное и безъипостасное будетъ животворящимъ и движущимъ сущность“ ⁵⁾. Итакъ душа нашей души должна быть признана самостоятельною сущностью. „Но если и скажемъ, что сущность одушевляетъ душу, продолжаетъ Максимъ Исповѣдникъ, то опять будемъ говорить, что она сама или тѣло или безтѣле-

1) Legat. pro. christ. n. 27; см. Оп. пр. л. бог. ен. Сяльв. стр. 217.

2) Ibid.

3) S. Max. Conf. epist. mixt. tom. sec. pag. 240. См. у Кампенск. 107.

4) Св. Кир. Іерус. Орг. поуч. IV. О душѣ. Моск. 1855, стр. 60.

5) S. Maxim. Confes. epist. mixt. tom. sec. pag. 240. См. у Камп. 107.

сна. Если тѣло, то ученіе о семъ всегда будетъ приводить къ тѣмъ же самымъ нелѣпымъ изъ нелѣпыхъ путямъ мыслей, доколѣ не будетъ признано, что душа безтѣлесна¹⁾. Призваніе для души особаго одушевляющаго начала несообразно и съ требованіями здраваго смысла, какъ заключающее въ себѣ внутреннее противорѣчіе. „Говорить, что душа одушевляется, то же, что говорить: свѣтъ освѣщается, огонь согрѣвается,— всеконечно смѣшно“²⁾.

Слѣдующимъ дальнѣйшимъ разсужденіемъ о вещественности души, остается сказать далѣе, что она есть бездушное тѣло. Но „если, говоритъ и противъ этого Максимъ Исповѣдникъ, назовемъ ее бездушнымъ тѣломъ, то она будетъ нѣчто безъ чувства, безъ воображенія, безъ слова и безъ смысла, между тѣмъ какъ все это относительно души и въ душѣ есть и усматривается“. Общій выводъ всѣхъ этихъ разсужденій тотъ, что „душа не тѣло“, а слѣдовательно, какъ безтѣлесная, духовна³⁾.

Изъ отношеній души къ нашему тѣлесному организму усматривается, что душа наша часто дѣйствуетъ не только независимо отъ тѣла, но заставляетъ его повиноваться своимъ собственнымъ велѣніямъ. Такого рода способность снова указываетъ на то, что она не только не есть что-либо общее съ нашимъ тѣлеснымъ организмомъ, живущее одинаковою съ нимъ жизнью, но существенно отличное отъ него бытіе. Этотъ естественный выводъ изъ мысли о безжизненности тѣла св. Іустинъ философъ заключаетъ слѣдующими словами: „если душа, говоритъ онъ, повелѣваетъ тѣлу, а тѣло повинуетъ велѣніямъ души, то дѣйствительно душа есть пѣчто другое, кромѣ тѣла“⁴⁾.

Но съ особенною ясностію изображаетъ такое отношеніе невещественной души къ нашему чувственному тѣлу св. Иринея Ліонскій, сравнивая тѣло съ орудіемъ, а душу съ художникомъ. „Тѣло, говоритъ онъ, какъ отъ насъ же получающее дыханіе, жизнь, возрастаніе и расчлененіе, не сильнѣе души, но душа владѣетъ и управляетъ тѣломъ. Она, конечно, замедляется въ своей быстротѣ, поскольку тѣло участвуетъ въ ея движеніи, но не теряетъ своего значенія. Ибо тѣло подобно орудію, а душа занимаетъ мѣсто художника. Какъ художникъ

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Ibid.

самъ по себѣ созидаетъ мысль произведенія, но медленно исполняетъ ее посредствомъ инструмента, по неподвижности материала, и быстрота его ума, связанная медленностью орудія, производитъ умѣренныя дѣйствія; такъ и душа, будучи въ соединеніи съ тѣломъ, въ нѣкоторой мѣрѣ задерживается вслѣдствіе того, что быстрота ея связывается медленностью тѣла, но не теряетъ совершенно силъ своихъ, и, сообщая жизнь тѣлу, сама не перестаетъ жить. Такимъ же образомъ она сообщаетъ тѣлу и прочее, но не теряетъ знанія о себѣ, ни памяти вещей, ею видѣнныхъ“ 1).

Подобная аналогія о взаимномъ отношеніи души и тѣла, дающая основаніе для заключенія о безтѣлесности нашей души, приводится также и св. Іустиномъ Мученикомъ 2).

Если однако снова допустимъ, что душа матеріальна, полагая причину ея жизненныхъ явленій внѣ ея, какъ это видимъ въ предметахъ вещественныхъ, то и тогда логически придется къ заключенію несообразному съ здравымъ смысломъ. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ св. Исповѣдникъ, допуская, что тѣло по природѣ неподвижно, а душа, какъ тѣло, хотя бы и самое тонкочастное, также само по себѣ не можетъ двигаться, мы должны рѣшить, откуда же у насъ движеніе? И такимъ образомъ въ безпредѣльность, пока не дойдемъ до творенія безтѣлеснаго. Если же скажутъ, что мы движемся отъ Бога, какъ отъ первой причины, то поелику знаю, что большая часть нашихъ движеній нечлѣпы и постыдны, по совершенной необходимости должны признать, что и въ нихъ виновно Божество“ 3).

Такой грубокощунственный выводъ также говоритъ о томъ, что предположенія о вещественности души ложны. Самая мысль объ этомъ несостоятельна, въ виду раньше изложеннаго ученія о сущности души, и если спросить кто о себѣ, говоритъ І. Златоустъ, отвѣтъ будетъ одинъ, „что душа не есть ни воздухъ, ни дыханіе, ни вѣтеръ, ни огонь, такъ какъ всѣ они тѣлесны, а душа безтѣлесна“ 4).

1) Contr. haeres. lib. II, c. 33. n. 4; У еп. Сильв. т. III.

2) Iust. martyr. Quaest. Graec. ad. Christ. pag. 537; у Кашменск. 109.

3) S. Maxim. Confess. epist. ad. sanct. beat. tom. sec. pag. 289. У Кашм. 106.

4) Против. Аном. V, т. I, кн. 1, стр. 528.

Такимъ образомъ, въ результатѣ получается положительное содержаніе для сужденія о душѣ, какъ духовной сущности, свободной отъ всѣхъ свойствъ и признаковъ вещественности.

Но различіе душевнаго и матеріальнаго началъ лежитъ гораздо глубже, чѣмъ доселѣ мы видѣли: въ идеѣ душевнаго начала содержится нѣчто большее, нежели простое отсутствіе признаковъ пространства, времени и движенія. Сущность душевнаго начала заключается въ его разумности и свободѣ. Въ то время, какъ матеріальныя вещи являются пассивнымъ орудіемъ и мертвымъ матеріаломъ для дѣйствующихъ въ нихъ міровыхъ силъ, душа, какъ сущность свободно-разумная, стоитъ въ отношеніи къ міру въ качествѣ познающаго начала, не сливаясь съ нимъ, какъ его частица, но сохраняя свою самостоятельность.

Эта сторона жизни нашей души во всѣхъ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ ея мысли, чувствъ и желаній, способностей ея разума, сердца и свободы свидѣтельствуетъ о ея духовности и невещественности еще болѣе, чѣмъ всѣ другія приведенныя выше данныя. Тѣлу нашему отнюдь несвойственно обнаруженіе этихъ высшихъ проявленій духовной жизни. Само по себѣ оно, какъ часть мертвой матеріи, не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ мысли. „Предлагать сомнѣніе и рѣшать сомнѣніе свойственно не чувству и не тѣлу. А что относится не къ тѣлу, то необходимо относится къ безтѣлесному“¹⁾. Уже самое рѣшеніе даннаго вопроса о безтѣлесности души, при которомъ возможно сомнѣніе—эта первая ступень разумности и вмѣстѣ необходимый даръ слова для выраженія нашихъ сужденій, говоритъ о томъ, что въ насъ самихъ живетъ начало совершенно отличное отъ тѣлесной природы. „Ибо искать, существуетъ ли что, или не существуетъ, свойственно словесно-разумности; а словесно-разумность есть дѣйствіе чего-то разумнаго, между тѣмъ какъ тѣло само по себѣ неразумно: слѣдовательно, есть нѣчто безтѣлесное, чему свойственно искать и разсуждать“. Заключеніе о невещественности нашей души въ данномъ случаѣ имѣетъ характеръ необходимости для нашего разума. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны принять что-либо одно: или признать душу началомъ вещественнымъ, или же

¹⁾ S. Iust. Mart. Quest. Graec. ad. Christ. pag. 537, 538; у Кашм. 108.

считать ее духовною сущностью. Другое заключеніе невозможно уже потому, что нѣтъ третьей субстанціи въ природѣ человѣка, изъ которой бы могло проистекать чувственно-духовное бытіе. „Дѣѣ въ насъ силы, способныя понимать дѣла: это чувство и разумъ... Но такъ какъ всѣ силы сущностей суть силы, то необходимо быть двумъ сущностямъ, изъ которыхъ одной свойственно чувствовать, а другой умствовать. А если такъ, то дѣйствительно есть нѣкоторая сущность безтѣлесная, которой свойственно умствовать“ ²⁾).

Ученіе о невещественности нашей души, по ученію св. отцевъ церкви, находитъ для себя опору и въ священномъ писаніи. Повѣствованіе о сотвореніи человѣка по образу Божию и надлежащее уразумѣніе того, въ какихъ богоподобныхъ чертахъ отразился этотъ образъ въ человѣкѣ, всегда служило основаніемъ думать, что душа человѣка не плоть и кровь, какъ тѣло, а есть чистый духъ. Изъ этого понятія заимствуетъ доказательство невещественности души въ числѣ другихъ св. отцевъ и св. Максимъ Исповѣдникъ. Идея духовности нашей души, по его ученію, состоитъ въ такой тѣсной связи съ библейскимъ ученіемъ о человѣкѣ, какъ образѣ Божіемъ, что ея отрицаніе извращаетъ и уничтожаетъ самый существенный смыслъ этого ученія; она вытекаетъ изъ него, какъ логическое слѣдствіе, и падаетъ и измѣняется, когда извращается самое ученіе объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ. „Если допустить, говорить св. Исповѣдникъ, „что душа есть тѣло, то какъ же сохранится ученіе о томъ, что мы по образу (сотворены), когда мы не скажемъ, что душа по всему имѣетъ подобіе Первообраза? Ибо какъ мы образъ Умнаго именуемъ умнымъ,—Безсмертнаго, Нетлѣннаго, Невидимаго, надѣленнымъ этимъ же самымъ: такъ называемъ безтѣлеснымъ (образъ) Безтѣлеснаго (Первообраза), т. е., не имѣющаго какой бы то ни было массы, какого бы то ни было измѣренія по разстоянію“ ¹⁾).

¹⁾ Ibid. 108. 109.

²⁾ S. Max. Conf. ep. mixt. tom. sec. pag. 241. У Капменск. 105.

Примѣч. Впрочемъ бл. Феодоритъ невидимость души не признавалъ столь характерною чертою образа Божія въ человѣкѣ, какъ особенность природы общую съ духами безлотными, хотя въ тоже время указывалъ на другія богоподобныя

Итакъ душа человѣческая по природѣ сущность невещественная, безтѣлесная, или что тоже духовная. Само по себѣ понятіе духовности, какъ исключющее присутствіе матеріи, въ достаточной степени уяснило бы намъ природу нашей души, если бы кромѣ нея не было другихъ существъ духовнаго міра, отчасти или совершенно отличныхъ отъ человѣка. Такими существами являются Богъ, какъ высочайшей и безконечный Духъ безплотный, и ангелы, одаренные также духовною природою. Очевидно, что понятіе духовности не имѣетъ тождественнаго значенія во всѣхъ указанныхъ случаяхъ и должно быть опредѣляемо различно. Чтобы установить приблизительное понятіе о духовности природы человѣческой, насколько позволяетъ святоотеческое ученіе о ней, необходимо уяснить, какого рода духовность усвоится человѣческой природѣ, чѣмъ отличается она отъ духовности, приписываемой природѣ божественной и ангельской, и съ какими, наконецъ, положительными чертами слѣдуетъ мыслить ее въ силу этого сравненія?

Никто изъ св. отцевъ церкви не приписывалъ душѣ человѣка абсолютной духовности, какою обладаетъ Богъ, этотъ высочайшій и безкопечный божественный Духъ, и никто изъ нихъ, съ другой стороны, не приравнивалъ ее въ этомъ отношеніи къ духовной природѣ ангеловъ. Такъ какъ отцы церкви въ сферѣ духовнаго бытія различали только эти двѣ природы, то въ этомъ случаѣ для насъ важно опредѣлить, какое различіе между безконечнымъ Божественнымъ существомъ и духовною сущностью души человѣческой и въ какомъ отношеніи, съ другой стороны, нужно представлять душу человѣческую къ природѣ ангельской?

В. Давыденко.

(Оковчаніе будетъ).

черты, свидѣтельствующія о духовной природѣ человѣка, а именно—его умъ „въ одно мгновеніе обтекающій и востокъ и западъ, и сѣверъ и югъ, и небесное и преисподнее“. (На вл. Быт. ч. I. 30).

СУДЬБА ТЕОРИИ САМОРАЗВИТІЯ.

VII.

(Продолженіе *).

Всего болѣе интересно, какъ отнеслась научная критика къ самому существенному постулату теоріи. Извѣстно, что дарвинизмъ отвергаетъ цѣлесообразность въ органическомъ развитіи. Все, что мы видимъ кругомъ, что поражаетъ красотой, стройностью, величіемъ, гармоніею, все это обязано своимъ существованіемъ случаю. Каждый видъ возникъ и развивался механически, случайно. Въ устройствѣ организмовъ не замѣчается никакой преднамѣренной цѣли. Таковъ принципиальный взглядъ дарвинизма на живую природу. Онъ проходитъ какъ тайная пружина чрезъ всю теорію. Всѣ основныя дарвинистическія законы—измѣнчивость, борьба за существованіе, естественный и полный отборъ насквозь проникнуты принципомъ механизма и случайности.

Въ этомъ главное требованіе теоріи, но это-же и самое больное ея мѣсто. Нельзя устранить органическую цѣлесообразность однимъ простымъ утвержденіемъ, что ея нѣтъ. Для всякаго, очевидно, что она есть, а не наоборотъ. Поэтому, неудивительно, что критика отнеслась къ этому пункту теоріи съ особенной недовѣрчивостію и употребила все, чтобы разсѣять дарвинистическую иллюзію.

Прежде чѣмъ отвергать цѣлесообразное устройство организмовъ, дарвинизму слѣдовало стать на твердую почву въ опредѣленіи организма. Между тѣмъ, дарвинизмъ, отрицая главное свойство организмовъ (цѣлесообразность), не умѣетъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1905 г. № 11.

и не можетъ опредѣлить, что такое органическая жизнь и въ чемъ ея сущность. Стало-быть, дарвинизмъ отвергаетъ то, чего не знаетъ.

Организмъ съ неорганическимъ тѣломъ (напр. металл и дерево) имѣетъ общимъ форму и матерію. Органическія тѣла такъ-же, какъ неорганическія, занимаютъ опредѣленное въ пространствѣ мѣсто и состоятъ изъ тѣхъ-же элементовъ, какіе находятся въ неорганической природѣ. Но этимъ и кончается сходство между ними. Во всемъ остальномъ—самое коренное существенное различіе. Всякое живое тѣло легко превратить въ мертвое, но не наоборотъ. Никогда, никто и нигдѣ еще не наблюдалъ, чтобы мертвое тѣло превратилось въ живое. Всѣ опыты въ данномъ направленіи были неудачны. Вслѣдствіе этого были неудачны и всѣ усилія представителей механическаго направленія отождествить живую природу съ мертвой и смотрѣть на первую, какъ на счастливую комбинацію однѣхъ механическихъ силъ и химическихъ элементовъ. Вотъ еслибы мы могли превращать мертвое тѣло въ живое, мы могли-бы опредѣлить безошибочно, въ чемъ заключается сущность жизни.

Однако, не можемъ-ли мы опредѣлить жизнь по тѣмъ измѣненіямъ, какія происходятъ въ органическихъ тѣлахъ послѣ ихъ смерти?

Приблизительно можемъ. Наблюдая органическое тѣло въ первые моменты послѣ его смерти, мы видимъ, что ткани мертваго организма начинаютъ измѣняться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ окружающихъ условій внѣшняго міра. Чтобы такихъ измѣненій не происходило, и тѣло оставалось въ томъ-же положеніи, необходимо устранить внѣшнее вліяніе, защитить отъ него организмъ. Уже это одно простое наблюденіе ведетъ къ очень важнымъ выводамъ. Ясно, что пока организмъ былъ живъ, защита была въ немъ самомъ, или правильнѣе сказать, организмъ былъ приспособленъ къ внѣшней средѣ. Внутри себя онъ имѣлъ силу сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ. Когда вліянія измѣняются, организмъ измѣняетъ свое сопротивленіе. Сила сопротивленія въ организмахъ такъ велика, что организмъ способенъ не только парализовать вредъ, наносимый ему извнѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже поправляетъ

нанесенный ущербъ. Напр. отрѣзанная нога у тритона нарастаетъ вновь, рана заживаетъ, порѣзы на деревьяхъ покрываются новой корой.

Отсюда слѣдуетъ новый выводъ, подтверждаемый опытомъ.

Въ борьбѣ съ вредными вліяніями организмъ совершаетъ движенія и тратитъ энергію, т. е., расходуетъ нѣкоторыя вещества, въ немъ находящіяся, а потомъ опять восполняетъ ихъ изъ окружающей среды. Въ этой постоянной смѣнѣ нѣкоторыхъ веществъ въ живомъ организмѣ тоже замѣтно приспособленіе. Тоже самое происходитъ въ явленіяхъ органической чувствительности и способности воспріятія впечатлѣній. Такимъ образомъ, всѣ явленія жизни мы можемъ опредѣлить какъ явленія приспособленія.

Поскольку явленія жизни суть явленія приспособленія, постольку-же они суть цѣлесообразныя явленія. Самое понятіе приспособленія требуетъ признанія цѣлесообразности органическихъ явленій. Явленія неорганической природы—камни, металлы, кристаллы и проч. не обнаруживаютъ свойства приспособленія. Поэтому они не могутъ быть названы тѣлами цѣлесообразно развивающимися. Итакъ, цѣлесообразное приспособленіе есть то, что дѣлаетъ организмъ—организмомъ, жизнь—жизнью. Безъ этой характерной черты мы не можемъ представить себѣ организма и самой жизни.

Является вопросъ: чего-же хочетъ достичь дарвинизмъ своимъ ученіемъ о естественномъ отборѣ? Онъ хочетъ объяснить происхожденіе цѣлесообразныхъ органическихъ явленій; иначе сказать,—хочетъ дать объясненіе жизненнаго процесса. Между тѣмъ онъ предполагаетъ этотъ процессъ уже существующимъ, а органическую цѣлесообразность отвергаетъ. Такимъ образомъ, онъ требуетъ, чтобы мы представили себѣ органическую жизнь безъ ея главнаго признака, безъ самой сущности. Онъ полагаетъ, что есть организмы, въ которыхъ не замѣтно приспособленія, но ничѣмъ этого не доказываетъ.

Таковъ фундаментъ, на которомъ построена вся теорія. Дарвинизмъ заранѣе допускаетъ то, что еще требуетъ объясненія (органическую жизнь) и отвергаетъ то, что не нуждается въ доказательствахъ (приспособляемость организмовъ, т. е., орга-

ническую цѣлесообразность). Онъ раздѣляетъ то, что по самому существу своему нераздѣльно, отдѣляетъ жизнь отъ ея основного свойства, разъединяетъ два явленія, существованіе которыхъ одновременно и немислимо одно безъ другого. Между тѣмъ, объясненіе цѣлесообразности должно совпадать съ объясненіемъ жизни, потому что жизнь и цѣлесообразное явленіе въ сущности одно и тоже.

Итакъ, механическое объясненіе жизни, какъ случайнаго процесса, предлагаемое дарвинизмомъ нисколько не рѣшаетъ біологической проблемы. Даже въ томъ случаѣ, если-бы намъ наглядно доказали механической процессъ развитія любого организма, если-бы каждое органическое явленіе было понято нами, какъ механическое,—и въ этомъ случаѣ сущность жизни не была-бы разгадана.

Извѣстно напр., что птица Клѣсть, обитающая въ хвойныхъ лѣсахъ (есть два вида клеста—клестъ еловикъ и клестъ сосновикъ), имѣетъ скрещенный клювъ. Можно-ли объяснить это явленіе только съ помощью дарвинистически-механическихъ принциповъ? Предположимъ, что мы знаемъ постепенное механическое образованіе этого своеобразнаго клюва помощью физико-химическихъ силъ. Въ объясненіи явленія мы въ сущности не подвинулись-бы ни на шагъ. Самое важное и существенное въ этомъ явленіи оставалось-бы для насъ попрежнему непонятнымъ. Вѣдь основная біологическая загадка заключается здѣсь не въ такомъ или иномъ образованіи клюва, а въ его полной пригодности для извѣстнаго употребленія, въ точномъ соотвѣтствіи клюва къ еловой корѣ и шишкѣ. Какой-бы высокой степени ни достигло механическое объясненіе жизненныхъ процессовъ, оно никогда не дастъ и намека на рѣшеніе въ этомъ смыслѣ.

Впрочемъ, дарвинизмъ не совсѣмъ отвергаетъ цѣлесообразность организмовъ. Онъ признаетъ цѣлесообразное развитіе тамъ, гдѣ оно совершается подъ вліяніемъ наслѣдственности. При развитіи каждой отдѣльной особи съ момента оплодотворенія яйца до полной зрѣлости (онтогенезъ) извѣстную цѣлесообразность дарвинисты не отвергаютъ. Она слишкомъ здѣсь очевидна. Развитіе плода шагъ за шагомъ достигаетъ извѣст-

ной цѣли, т. е., опредѣленной формы и вида. Но въ процессѣ видоизмѣненія организма, при развитіи еще не бывшихъ видовыхъ особенностей (филогенезѣ) цѣлесообразность отвергается дарвинизмомъ безусловно.

Такое безусловное отрицаніе цѣлесообразности всякаго вновь появляющагося органическаго видоизмѣненія совершенно несправедливо. Это потому, что развитіе вида, собственно говоря, можно разсматривать, какъ развитіе особи. Если признавать цѣлесообразность при развитіи особи, то слѣдуетъ признавать ее и при развитіи вида. Отвергая-же цѣлесообразность въ послѣднемъ случаѣ (филогенезѣ—развитіи вида), нужно отвергать ее и въ первомъ (онтогенезѣ—развитіи особи).

Для доказательства послѣдняго критика дарвинизма обратилась къ опыту. Она искала случая, когда-бы органическая цѣлесообразность проявила себя помимо-всякаго вліянія наслѣдственности. Случай найденъ. Вольфъ сдѣлалъ опытъ, въ которомъ обнаружилась первичная, а не наслѣдственная цѣлесообразность. Онъ удалилъ хрусталикъ изъ глаза тритона и сталъ наблюдать. Въ данномъ случаѣ возстановленіе хрусталика никакъ не могло идти унаслѣдовавшимъ способомъ. Дѣло въ томъ, что хрусталикъ въ своемъ окончательномъ видѣ отдѣленъ отъ почвы, на которой образовался и является чуждымъ образованіемъ въ чуждой обстановкѣ. Поэтому организмъ долженъ былъ найти совершенно новый путь, чтобы возстановить хрусталикъ.

Опытъ показалъ, что удаленный хрусталикъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно возстановился. Какимъ-же путемъ шло возстановленіе (регенерация)? Клѣтки эпителія роговой оболочки служить этому не могли. Имъ пришлось-бы проникнуть чрезъ роговую оболочку, переднюю камеру и отверстіе зрачка, что маловѣроятно. Клѣтки, составляющія самыя стѣнки глазного яблока или его содержимое, тоже не могли служить образованію хрусталика, потому что клѣтки сѣтчатой оболочки высоко развиты и не могутъ обратиться въ простой эпителий. Эпителий радужной оболочки непрозраченъ и не можетъ служить для образованія прозрачнаго хрусталика. Самымъ подходящимъ матеріаломъ для возстановленія хрусталика былъ-бы

эпителий эктодермы, т. е., клѣтки внутренняго слоя радужной оболочки. Для организма это былъ бы самый простой путь для достиженія данной цѣли и этотъ именно путь избирается организмомъ. Пигментъ, окрашивающій этотъ слой, удаляется, и эпителий начинаетъ разрастаться на краю зрачка. Изъ разросшейся частіи возникаетъ на верхнемъ краю зрачка зачатокъ хрусталика въ видѣ мѣшечка, а изъ послѣдняго образуется нормальный хрусталикъ глаза тритона.

Указанный процессъ возстановленія хрусталика безъ сомнѣвія представляетъ собою случай, въ которомъ обнаруживается не наследственная, а первичная цѣлесообразность съ ясностью, очевидною для каждаго, понимающаго дѣло. вмѣстѣ съ тѣмъ приведенное на примѣрѣ тритона доказательство существованія первичной цѣлесообразности является доказательствомъ и того, что телеологическая постановка вопроса въ біологіи не бесплодна, какъ это ей часто ставятъ въ укоръ, и не тормозитъ прогресса. Даже больше. Помимо того, что она собственно одна только отвѣчаетъ сущности дѣла, она можетъ имѣть значеніе и въ смыслѣ находенія новыхъ фактовъ для раскрытія біологической проблемы. Поэтому теорія Дарвина, безусловно отвергнувшая телеологическую постановку вопроса о сущности совершающихся въ организмахъ жизненныхъ процессовъ, сама оказалась на ложномъ пути. Біологическая загадка Дарвиномъ не разрѣшена и останется неразрѣшенной до тѣхъ поръ, пока біологи не отрѣшатся отъ механическихъ принциповъ дарвинова взгляда на природу, какъ на совокупность только механическихъ явленій и случайную игру только физико-химическихъ силъ.

VIII.

Чтобы доказать фактъ послѣдовательнаго образованія однихъ органическихъ видовъ изъ другихъ Дарвинъ долженъ былъ представить не одну, а нѣсколько теорій развитія. Представленные имъ факты убѣдили натуралистовъ только въ томъ, что виды происходятъ одни отъ другихъ. Между тѣмъ самая теорія не удовлетворила пытливыхъ біологовъ при объясненіи этого факта. Въ настоящее время особенно сильно распатанъ дарвинистическій принципъ постепеннаго развитія.

Не смотря на основательность, которою на первый взглядъ отличается ученіе о постепенномъ развитіи, повсюду въ немъ выглядываетъ подозрительный призракъ случая. Въ послѣднемъ выводѣ все развитіе у Дарвина опирается на случай. Что когда-нибудь появляется видоизмѣненіе, которое полезно, что это полезное видоизмѣненіе сохраняется, что между полезными появляются еще болѣе полезныя,—все это Дарвинъ предоставилъ случаю. Случай долженъ былъ совершить то, что возникли всѣ эти сотни тысячъ различныхъ существъ, милліоны самыхъ высокихъ сложныхъ формъ, стоящихъ въ дивной гармоніи со всею окружающею средою. Для объясненія такой чудодѣйственной созидательной силы случая дарвинизмъ ищетъ спасенія въ допущеніи бесконечно длинныхъ періодовъ времени, съ тѣхъ поръ какъ случай въ первый разъ произвелъ свое дѣйствіе. Ученые полагаютъ, что существованіе земли, съ тѣхъ поръ какъ на ней стала возможна жизнь, можетъ насчитывать не меньше двадцати милліоновъ лѣтъ. Но пусть даже со времени возникновенія жизни прошло двѣ тысячи милліоновъ лѣтъ, все-же невысказано, чтобы этого времени было достаточно для образованія посредствомъ мельчайшихъ постепенныхъ измѣненій изъ комка протоплазмы такого прекраснаго организма какъ человѣкъ. Сколько-бы ни было теорій для объясненія такого превращенія,—дарвиновская теорія постепенныхъ и случайныхъ измѣненій должна быть отвергнута раньше всѣхъ другихъ. Очевидно, долженъ быть какой-нибудь особенный и вполне опредѣленный законъ, благодаря которому шло біологическое развитіе.

Ко всѣмъ этимъ недоумѣніямъ, посѣявшимъ въ души многихъ дарвинистовъ сомнѣніе въ правотѣ теоріи, присоединилось еще и то, что фактъ постоянства видовъ слишкомъ ужъ очевиденъ. Всѣ извѣстные теперь виды животныхъ и растеній существуютъ цѣлыя тысячелѣтія. Нѣкоторыя остаются неизмѣнными со временъ третичной эпохи. Не говоря о томъ, что всѣ изображенія и описанія видовъ животныхъ или растеній изъ Еврейской, Египетской и классической древности въ точности соотвѣтствуетъ современнымъ видамъ, по даже находимые въ Египетскихъ катакомбахъ скелеты крокодила, кости

ибиса, жука и проч. совершенно тѣ же, какъ и у современныхъ породъ этихъ животныхъ. Но гораздо удивительнѣе то, что всѣ открытыя ископаемыя кости животныхъ и отпечатки растеній, принадлежащія тѣмъ видамъ, которые живутъ до сего времени, самымъ точнымъ образомъ соотвѣтствуютъ костямъ и всему остову нынѣшнихъ животныхъ и растеній того-же вида. Чтобы объяснить всѣ эти удивительные факты постоянства видовъ дарвинисты поставлены въ необходимость прибѣгать къ тому-же приему, т. е., къ предположенію громаннѣйшихъ промежутковъ времени между образованіемъ двухъ другъ за другомъ свѣдующихъ видовъ. Дарвинисты безъ всякаго стѣсненія вазначаютъ милліарды лѣтъ для осуществленія закона постепеннаго развитія. Но при такомъ произвольномъ допущеніи огромныхъ періодовъ въ исторіи развитія дарвинисты становятся въ противорѣчіе съ самими собой. Чѣмъ продолжительнѣе біологическіе періоды, тѣмъ непонятнѣе факты, что до настоящаго времени сохранилось много самыхъ низшихъ органическихъ формъ каковы: грибы, лишай, водоросли, черви и проч. Какъ будто продолжающаяся милліоны лѣтъ борьба за существованіе осталась для нихъ безъ тѣхъ послѣдствій, какія произошли въ другихъ организмахъ. Изъ числа животныхъ породъ первоначальной фауны еще и до настоящаго времени продолжаютъ существовать два самыхъ жалкихъ вида *Singula* и *Discina*, между тѣмъ какъ гораздо болѣе организованные виды въ родѣ *Obolus* и *Orthis* кончили свое существованіе вмѣстѣ съ Силурійскимъ періодомъ ¹⁾.

Всѣ указанныя недоумѣнія привели біологовъ къ выводу, что дарвинистическая теорія постепенныхъ превращеній не оправдывается фактами и потому должна быть оставлена. Взаимнѣ ея еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ стали предлагать другую теорію, которая носитъ названіе теоріи мутаций. Къ принятію этой теоріи ученые пришли по слѣдующимъ соображеніямъ.

Дарвинистическая теорія основана на допущеніи непрерывно совершающагося измѣненія формъ менѣе совершенныхъ

¹⁾ Эбрардъ. Анологетика. Стр. 379, 397—398.

въ болѣе совершенныя. Это измѣненіе, совершаясь чрезвычайно медленно, требуетъ огромныхъ промежутковъ времени, безконечнаго числа переходныхъ формъ между родственными видами и массоваго вымиранія неприспособленныхъ. Между тѣмъ многочисленныя наблюденія показали, что между многими потомками, которые похожи на первоначальную пару, совершенно неожиданно появляется одинъ, который отклоняется отъ нихъ весьма замѣтно, даже настолько отличается, что вовсе не кажется родственнымъ имъ. Несомнѣнно доказано также и то, что у нѣкоторыхъ особей совершенно неожиданно появляются новые органы, которыхъ не было у ихъ предшественниковъ даже въ зародышѣ. Все это приводитъ къ мысли, что измѣчивость видовъ не отличается строгою постепенностью. Конечно, потомки всякой пары различествуютъ между собою въ очень узкихъ предѣлахъ, но это малое отличие вовсе не приноситъ имъ никакой пользы и не поведетъ къ образованію новыхъ видовъ. Только вполне развитое новое качество можетъ дать организму существенную пользу и преимущество. Напр. зеленый жукъ, который садится на красный цвѣтокъ во всякомъ случаѣ будетъ замѣченъ и схваченъ врагами—будетъ-ли онъ совершенно зеленымъ или съ едва замѣтными проблесками краснаго цвѣта. Только вполне красное одѣяніе можетъ послужить жуку защитой на красномъ цвѣтѣ.

Все это убѣждаетъ въ томъ, что для процесса развитія и образованія видовъ необходимы и полезны только полныя и внезапныя измѣненія, а не тѣ безконечно малыя приращенія, которыя предполагаются теоріей постепеннаго развитія.

Къ началу 20-го вѣка теорія внезапныхъ измѣненій, которую принято называть теорією мутацій (лат. *muto* измѣняю), стало мало по малу получать широкій кругъ послѣдователей. Многіе сторонники дарвинистической постепенности и медленности стали переходить въ лагерь новой теоріи. Въ 1901 году появились первые выпуски замѣчательнаго сочиненія Амстердамскаго ботаника Гуго де Фриза („*Die Mutationstheorie*“), въ которомъ авторъ подробно развиваетъ теорію происхожденія видовъ не путемъ постоянно имѣющихся на лицо мелкихъ индивидуальныхъ измѣненій, а путемъ сравнительно рѣдкаго

и внезапнаго возникновенія крупныхъ вариаций. Вполнѣ признавая способность растений и животныхъ къ измѣненіямъ и переходъ однихъ видовъ въ другіе, де-Фризъ въ тоже время утверждаетъ постоянство видовъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе извѣстнаго, болшею частью долгаго промежутка времени видъ въ общемъ не измѣняется, такъ какъ его отдѣльныя уклоненія отъ типичной формы взаимно уравниваются и сглаживаются. Дѣло въ томъ, что надо различать двѣ формы измѣнчивости: индивидуальную измѣнчивость или флюктуацию, которая весьма непостоянна и не передаетъ измѣненій по наслѣдству, и видовую измѣнчивость или мутацию, которая проявляется во внезапномъ возникновеніи сравнительно крупныхъ отличій, сразу и весьма прочно передающихся по наслѣдству. Мутации происходятъ гораздо рѣже, чѣмъ флюктуации, и вотъ почему виды измѣняются такъ медленно, что ежедневный опытъ какъ-бы свидѣтельствуетъ о постоянствѣ видовъ.

Предлагая теорію мутаций, де-Фрезъ касается еще одного интереснаго вопроса, именно вопроса о продолжительности мутационныхъ періодовъ. Онъ приводитъ рядъ фактовъ и соображеній въ доказательство того, что въ древнія геологическія времена видовая измѣнчивость организмовъ была гораздо болше, развитіе шло быстрѣе и мутационные періоды были короче, чѣмъ теперь.

Въ виду особеннаго интереса новой теоріи, остановимся на ней нѣсколько подробнѣе.

Смотритель Новоторжскаго духовнаго училища

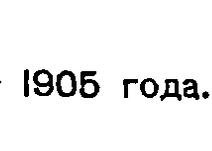
Священникъ Іаковъ Галаховъ.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Іюня № 12. 1905 года.

Содержаніе I. Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Начальства къ свѣдѣнію и исполненію настоятелямъ церквей и монастырей епархіи — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи. — Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго Училища. — Отъ Богодѣховскаго Уѣзднаго Отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. — Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1904—1905 учебный годъ. — Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1904—1905 учеб. г. — Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благоправіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами. — Списокъ воспитан. 6-хъ клас. Харьков. Епарх. Женскаго Училища окончившихъ курсы и получившихъ аттест. — Разрядной списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный по окончаніи 1904—1905 учебнаго года. — Разрядной списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный въ собраніи Правленія училища 23 мая 1905 г. за 1904—1905 учебный годъ. — Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1905 г. — Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. — Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ за 1905 г. — Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1904—1905 учебный годъ.

I.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Начальства къ свѣдѣнію и исполненію настоятелямъ церквей и монастырей епархіи.

Комитетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста обратился къ Его Высокопреосвященству съ письмомъ, отъ 10-го іюня 1905 г. за № 909, слѣдующаго содержанія: „по особому ходатайству Августѣйшаго Покровителя Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста, Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Александровича, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣляетъ разрѣшить этому Обществу провозвести въ пользу его, повсемѣстно, въ церквахъ всѣхъ епархій имперіи сборъ пожертвованій въ 1906, 1907 и 1908 годахъ въ іудейскій Богоявленія Господня (6 января), о чемъ и сообщено Синодальнымъ указомъ, отъ 5-го февраля 1905 года за № 1283. Приступая нынѣ къ организаціи ближайшаго изъ означенныхъ сборовъ, 6-го января 1906 года, Комитетъ Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста счтаетъ своимъ долгомъ

обратиться прежде всего въ Вашему Высокопреосвященству съ почтительнѣйшею просьбою—благословить доброе дѣло оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ воиновъ Русской арміи и не отказать въ Вашемъ благосклонномъ и Высокопреосвященномъ содѣйствіи къ осуществленію вышеупомянутаго сбора на нѣжды общества. вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ Общества, полагая въ непродолжительномъ времени обратиться съ соотвѣтствующими сему дѣлу воззваніями ко всѣмъ благочиннымъ и настоятелямъ церквей и монастырей, покорнѣйше проситъ Ваше Высокопреосвященство не отказать также, въ видахъ успѣшности сбора и устраненія какихъ-либо при этомъ недоразумѣній, подтвердить состоявшееся объ этомъ сборѣ опредѣленіе Св. Синода, вмѣстѣ съ просьбою Комитета о содѣйствіи этому сбору, особымъ объявленіемъ духовенству епархіи, чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.—Сообщая объ изложенномъ, Харьковская Духовная Консисторія, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, предписываетъ настоятелямъ церквей и монастырей епархіи сдѣлать зависящее распоряженіе о производствѣ во ввѣренныхъ имъ церквахъ и монастыряхъ, во время богослуженій въ праздникъ Богоявленія Господни 1906 г. (6 января), тарелочнаго сбора пожертвованій въ пользу Военскаго Благотворительнаго Общества Вѣлаго Креста. Собранныя пожертвованія настоятели и настоятельницы монастырей должны представить непосредственно отъ себя въ Комитетъ названнаго Общества (по адресу: С.-Петербургъ, Очаконская улица, домъ № 4—6), не позже 15 января 1906 г., а настоятели церквей—мѣстнымъ благочиннымъ къ 10 января; благочинные-же поступившія къ нимъ пожертвованія должны отослать въ означенный Комитетъ не позже 15 января и объ исполненіи сего довести Харьковской Духовной Консисторіи.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Высочайшая благодарность.

Въ отношеніи Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Его Высокопреосвященства, отъ 19 іюня и. года за № 4705 изложено, что: „Государь Императоръ, на всеподданнѣйшей телеграммѣ духовенства и прихожанъ церкви слоб. Петропавловки, Волчанскаго уѣзда, отъ 6 іюня сего года съ пожеланіемъ побѣды нашему христолюбивому воинству и съ изъявленіемъ готовности постоять за честь и Славу Россіи, изволилъ Собственнопоручно начертать: „Искренно благодарю всѣхъ“.

2. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Иванъ *Камышанъ* опредѣленъ 15 іюня на священническое мѣсто при Троицкой церкви сл. Поповки, Богодуховскаго уѣзда.

б) Студентъ Харьковской духовной семинаріи Ілія *Кіяновскій* опредѣленъ 18 іюня на священническое мѣсто при церкви села Старо-Ивановки, Ахтырскаго уѣзда.

в) Заштатный протоіерей Петръ *Леонтовичъ* опредѣленъ 22 іюня н. г. на священническое мѣсто при вновь устроенной Вознесенской церкви въ селѣ Пескахъ, Купянскаго уѣзда.

г) Діаконъ-псаломщикъ Преображенской церкви, слоб. Крепной, Купянскаго уѣзда, Аркадій *Вогослововъ* опредѣленъ 12 іюня на діаконское мѣсто при церкви сл. Тополей, Купянскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ церкви села Удъ, Харьковскаго уѣзда, Иванъ *Шелевскій* опредѣленъ 15 іюня на діаконское мѣсто при Успенской церкви, города Зміва.

е) Псаломщикъ церкви, сл. Песковатки, Бобровскаго уѣзда, Воронежской епархіи, Іоаничъ *Скрыпченко* опредѣленъ 15 іюня на діаконское мѣсто при церкви слоб. Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Учитель церковно-приходской школы Аристоклій *Малышевъ* опредѣленъ 8 іюня на псаломщицкое мѣсто при церкви сл. Лимана, Изюмскаго уѣзда.

з) Личный почетный гражданинъ Θεодосій *Ливиновъ* опредѣленъ 12 іюня н. д. псаломщика къ Покровской церкви, сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.

і) Крестьянинъ Ілія *Гоженко* опредѣленъ 17 іюня н. д. псаломщика къ церкви с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.

и) Бывшій псаломщикъ Владиміръ *Зеленскій* опредѣленъ 17 іюня н. д. псаломщика къ церкви с. Доркачовки, Лебединскаго уѣзда.

к) Крестьянинъ Петръ *Лысенко* опредѣленъ 19 іюня н. д. псаломщика къ церкви с. Червленнаго, Лебединскаго уѣзда.

л) Крестьянинъ Сергій *Лысаковъ* опредѣленъ 21 іюня н. д. псаломщика къ церкви сл. Шуликиной, Старобѣльскаго уѣзда.

м) Сынъ діакона Иванъ *Поллециій* опредѣленъ 21 іюня н. д. къ церкви (вновь устроенной) въ хуторѣ Пескахъ, Купянскаго уѣзда.

н) Безмѣстный н. д. псаломщика Михаилъ *Поповъ* допущенъ 22-го іюня къ исправленію должности псаломщика при Трехсвятительской церкви, слоб. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда.

3. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ церкви села Кургана, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Гревизирскій* перемѣщенъ 15 іюня священникомъ къ церкви сл. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Священникъ Александро-Невской церкви, села Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда, Константинъ *Николаевъ* перемѣщенъ 15 іюня на священническое мѣсто при церкви села Кургана, Лебединскаго уѣзда.

в) Протоіерей Харьковской Рождество-Богородичной церкви, Андрей *Любарскій* перемѣщенъ 15 іюня на вакансію 1-го священника при Харьковской Озерянской церкви.

г) Діаконъ церкви с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда, Филиппъ *Аксенковъ* перемѣщенъ 15 іюня на діаконское мѣсто при церкви с. Бѣлаго Колодезя, Волчанскаго уѣзда.

д) И. д. псаломщика церкви с. Протопоповки, Лебединскаго уѣзда, Иванъ *Книжниковъ* перемѣщенъ на псаломщ. мѣсто къ Николаевской церкви, сл. Липецъ, Харьковскаго уѣзда.

4. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ церкви села Гречишкина, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Ветуховъ* уволенъ за штатъ, согласно прошенію, 23 іюня сего года.

б) Псаломщикъ церкви сл. Шуляклиной, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Бородаевъ*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ 16 іюня.

в) Псаломщикъ Покровской церкви, слоб. Алешни, Лебединскаго уѣзда, Георгій *Уляновъ* уволенъ за штатъ 20 іюня (согласно прошенію).

5. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

Священникъ церкви слоб. Чернетчины, Ахтырскаго уѣзда, Іосифъ *Петровичъ* утвержденъ 13-го іюня законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

6. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Покровской церкви сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 16 іюня старостою крестьянинъ Филиппъ *Льснякъ*.

б) Къ церкви сл. Деровокъ, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 16 іюня старостою крестьянинъ Иванъ *Овчаренко*.

в) Къ Скорбященской церкви при Харьковской мѣщанской богадѣльнѣ утвержденъ 22 іюня старостою мѣщанинъ Николай *Студенцовъ*.

г) Къ Харьковской Свято-Духовской церкви утвержденъ 22 іюня старостою дворянинъ Василій *Сумцовъ*.

7. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) *священническія.*

- При Рождество-Богородичной церкви, сл. Каплуновки, Богодуховск. уѣзда.
 — Успенской церкви, с. Гречишкина, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Покровской церкви, с. Лашиновки, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Харьковской Рождество-Богородичной церкви.
 — Харьковской Благовѣщенской церкви.
 — Харьковской Воскресенской церкви.
 — Сергіевской церкви при Харьковской 2-й мужской гимназій.
 — Рождество-Богородичной церкви, с. Бондаревой, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви сл. Тапашевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Казанской церкви, с. Нижней Богдановки, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Александро-Невской церкви, с. Ново-Александровки, Волчанскаго у.
 — Успенской церкви, сл. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви, города Кулянска.

б) *Діаконскія.*

- При Троицкой церкви, сл. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда.
 — Феодоро-Стратилатовской церкви.
 — с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда

в) *Псаломщицкія:*

- При Харьковской Институтской Маріи Магдалин. церкви.
 — Харьковской Воскресенской церкви.
 — Харьковской Преображенской церкви.
 — Харьковской Благовѣщенской церкви.
 — Харьковской кладбищенской Іоанно-Усѣкповен. церкви.
 — Харьковской Рождество-Богородичной церкви.
 — Архан.-Михайлов. церкви, с. Казачьей Лопани, Харьковскаго уѣзда.
 — Сергіевской церкви, при Харьковской 2-й гимназій.
 — Покровской кладбищенской церкви, города Изюма.
 — Осіе-Андреевской церкви, при Харьковскомъ реальномъ училищѣ.
 — Казанской церкви, с. Басовки, Сумскаго уѣзда.
 — Преображенской церкви, сл. Кремниной, Кулянскаго уѣзда.
 — Знаменской церкви, с. Протопоновки, Лебединскаго уѣзда.
 — Рождество-Богородичной церкви, с. Удѣ, Харьковскаго уѣзда.
 — Васильевской церкви, д. Ястробеннаго, Сумскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви, с. Подлѣсновки, Сумскаго уѣзда.
 — Троицкой церкви, с. Мироновки, Харьковскаго уѣзда.
 — Покровской церкви, с. Алешни, Лебединскаго уѣзда.

8. Объявленіе.

При Старобѣльскомъ женскомъ монастырѣ въ помощь существующему причту нуженъ священникъ изъ лицъ состоящихъ за штатомъ и преклоннаго возраста. Объ условіяхъ узнать у игуменѣ монастыря Анполнарій.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ Семинарію слѣдующее:

1) Приемные экзамены для поступленія во всѣ классы Семинаріи и переводные для воспитанниковъ Семинаріи, неудобныхъ перевода въ слѣдующіе классы, будутъ начаты въ настоящемъ году 20, а классныя занятія 31 августа.

2) Окончившіе въ нынѣшнемъ году курсъ въ духовныхъ училищахъ съ правомъ перевода въ Семинарію, желающіе поступить въ первый классъ Семинаріи, должны подать о семъ прошенія къ 15-му августа на имя о. Ректора Семинаріи. Не окончившіе курса въ сихъ училищахъ, но желающіе поступить въ Семинарію, должны будутъ держать экзамены при Семинаріи по всѣмъ предметамъ 4-го класса духовныхъ училищъ. (Смотри распisanіе).

3) Всѣ поступающіи въ Семинарію лица свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ 40 р. или за полугодіе 20 р., безъ чего не будутъ приняты въ Семинарію.

4) Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя о. Ректора Семинаріи непременно къ 1-му августа сего года съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

5) Воспитанники, не принятые на казенное содержаніе, должны быть помѣщены въ семинарскомъ общежитіи со взносомъ 125 р. а пносословные 185 р., въ годъ. Эта плата должна быть вносима по третямъ къ 1 сентября,—42 р. 50 к., а пносословные 62 р. 50 к., къ 15 ноября—40 р., а пносословные 60 р. и къ 1 марта—42 р. 50 к., а пносословные 62 р. 50 к., каждый; кромѣ того всѣ

вновь поступающіе своекоштные ученики обязаны внести эконому Семинаріи одновременно за все время обученія въ Семинаріи 15 руб. на первоначальное обзаведеніе и 5 руб. на приобрѣтеніе учебниковъ.

б) Всѣ воспитанники Семинаріи обязаны имѣть форменную одежду установленнаго образца безъ всякихъ отступленій. При заказѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится 17 руб., будничная въ 6 р. 40 к., теплое пальто въ 16 р. 90 к. и фуражка въ 1 р.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ воспитанниковъ.

II.

Росписаніе пріемныхъ экзаменовъ и переекзаменовокъ въ Харьковской Духовной Семинаріи въ августѣ 1905 года.

Экзамены для воспитанниковъ Семинаріи и пріемные экзамены для поступающихъ въ старшіе классы Семинаріи.	Пріемные экзамены для поступающихъ въ первый классъ Семинаріи.
20 августа Русское сочиненіе.	Письмен. работа по рус. яз.
22 „ Священное Писаніе, церковная исторія и библейская исторія.	Церковно-славянскій и русскій языки.
23 „ Греческій языкъ, философія, психологія, логика и дидактика.	Катехизисъ и церковный уставъ.
24 „ Гомилетика, литургика, руководство для пастырей, математика, физика, пасхалия и гражданская исторія.	Греческій языкъ.
25 „ Латинскій языкъ, словесность, исторія русской литературы и церковное пѣніе.	Арифметика.
26 „ Богословіе: основное, догматическое и нравственное, исторія и обличеніе раскола и обличительное богословіе.	Латинскій языкъ и географія.

Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго Училища.

I.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища самъ объявляетъ, что перезкзаменовка и экзаменты, послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ настоящемъ году, ученикамъ Купянскаго духовнаго училища и приѣмныя испытанія для вновь поступающихъ въ училище назначены въ слѣдующемъ порядкѣ: августа 17—18-го ученикамъ IV класса и приѣмъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; августа 19-го ученикамъ III-го класса и приѣмъ поступающихъ въ этотъ классъ; августа 20—22-го ученикамъ II-го класса и приѣмъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; августа 23—24-го ученикамъ I-го класса и приѣмъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; августа 25—26-го ученикамъ приготовительнаго класса и приѣмъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ.

II.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища самъ объявляетъ: а) учебныя занятія въ наступающемъ 1905—1906-мъ учебномъ году, во всѣхъ классахъ училища, начнутся съ 31-го августа, а учащіеся должны быть представляемы въ училищѣ съ 30-му августа. б) Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за право обученія впередъ за весь учебный годъ, въ количествѣ 60 рублей. в) Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокоштное или полукосштное училищное содержаніе, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 15-го августа, съ приложеніемъ благочинначескаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ. г) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 12 р. 50 к. въ Правленіе училища за спальныя принадлежности.

III.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Преосвященствомъ 27-го мая 1905 г., доводятъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій Съѣзда духовенства, имѣющаго быть 20-го сентября 1905 г., назначаются слѣдующіе предметы: а) Рассмотрѣніе журналовъ предыдущаго Съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ,

б) Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1906 году и дополнительной смѣты расхода на текущій 1905 г. в) Разсмотрѣніе вѣнчковыхъ вѣдомостей за прошедшій 1904 годъ. г) Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, за 1904 годъ, а также журналовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ означеннаго отчета. д) Избраніе Членовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета и кандидатовъ къ нимъ на будущій 1906 годъ. е) Ассигнованіе потребной суммы на ремонтъ и пополненіе классной мебели. ж) Другія текушія дѣла, подлежащія обсужденію Съѣзда.

Отъ Богодуховскаго Уѣзднаго Отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Въ Яблочанской церковно-приходской школѣ, подвѣдомственной Отдѣленію, имѣется вакантная должность учителя: при школѣ имѣется квартира, жалованья 180 рублей изъ казеннаго кредита и 60 рублей изъ мѣстныхъ средствъ; желательна, чтобы учитель былъ способенъ организовать хоръ.

С П И С О К Ъ

воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища приготовит., 1, 2, 3, 4 и 5 классовъ, составленный на основаніи годовыхъ отмѣтокъ за 1904—1905 учебный годъ.

20-го мая 1905 года.

Приготовительнаго норм. класса.

а) Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Аксонецко Целагія, Антоповская Елена, Артюховская Марія, Базилевичъ Елена, 5. Будяцкая Елена, Булдовская Зинаида, Бутковская Александра, Буткова Клавдія, Василевская Евгелія, 10. Жуковская Нина, Иванова Лидія, Капустина Елена, Кириллова Зоя, Климентова Дарія, 15. Ковалена Марія, Космына Анна, Курганская Надежда, Лядская Анна, Макдонская Анна, 20. Мартылова Екатерина, Мураховская Марія, Мухина Валентина, Мухина Нина, Мухина Зинаида, 25. Николаевичъ Нина, Пантелеимонова Евдокія, Петрусенко Серафима, Цонировская Надежда, Приходина Галина, 30. Приходькова Любовь, Рогальская Антомина, Рогальская Вѣра, Самойлова Марія, Семейкина Ольга, 35. Степурская Анна,

Титова Лидія, Сокоркина Ольга, Черняева Елисавета, Шокотова Марія, 40. Яновская Елена, Ястремская Антонина, Ѳедорова Марія, Ѳедорова Александра и Ѳоинна Зинаида.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

45. Касьянова Ольга—по ариѳметикѣ, Карманова Анна—по ариѳметикѣ, Сукачева Марія—по ариѳметикѣ, Крыжановская Александра—по русскому языку, Насѣдкина Елена—по русск. языку, 50. Ѳоинна Антонина—по русск. языку, Грызодубова Александра и Наумова Антонина—по русск. языку и ариѳметикѣ.

в) Оставляется въ приготовительномъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца: Филоненко Марія.

г) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища за долговременную неявку: Веселовская Дарія.

Приготовительнаго парал. класса.

а) Удостоены перевода въ первый. классъ.

1. Богачева Марія, Бесѣда Екатерина, Бѣликова Софья, Бѣлогорская Нина, 5. Бербицкая Анастасія, Данилова Антонина, Дюкова Клеопатра, Знаменская Елена, Иванова Любовь, 10. Касьялова Александра, Касьянова Матрона, Ковалевская Надежда, Козыменко Анастасія, Кудынцева Екатерина, 15. Лазаревская Зинаида, Литкевичъ Анастасія, Лядская Марія, Могиланская Валентина, Никулшцева Любовь, 20. Новомирская Евдокія, Паптелимонова Марія, Попова Анна, Попова Валентина, Протопопова Анастасія, 25. Свистунова Марія, Сильванская Лидія, Сукачева Антонина, Сѣнцова Анфиса, Тетивилкова Анна, 30. Турапская Елена, Турапская Антонина, Турапская Татіана, Трегубова Елена, Фецева Анна, 35. Христіановская Александра, Царевская Александра, Циркина Марія, Чугаева Серафима, Чудновская Александра, 40. Шинкина Вѣра, Щербина Ольга, Яновская Ангелина, Ѳедорова Анна, Ѳедоровская Пелагія и 45. Ѳоинна Елена.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

Быковцева Александра, Дикарева Глафира и Рогольская Татіана—по ариѳметикѣ, Мигулина Татіана, 50. Руднева Анна—по русск. языку, Бербицкая Марія, Мартышова Антонина, Мирожина Анна и Чернявская Марія—по русск. языку и ариѳметикѣ.

Перваго норм. класса.

а) Удостоены перевода во второй классъ.

1. Агивцова Евгенія, Александрова Лидія, Бородаева Марія, Быковцева Анна, 5. Василевская Валентина, Васильковская Александра—нагр. похв. листомъ, Войтова Ольга, Гечевская Антонина, Грабовская Нина,

10. Грабовская Антонина, Гумилевская Елисавета, Дюкова Елисавета, Заводская Евгенія, Иванова Екатерина, 15. Илларионова Галина, Ильинская Валентина, Ковалевская Александра, Корнѣенко Клавдія, Лонгинова Марія, 20. Любарская Анна, Миссанъ Марія—нагр. похв. листомъ, Мухина Валентина, Мухина Антонина, Никитина Марія, 25. Николаевичъ Серафима, Насѣдѣина Александра, Орлова Евгенія, Пантеленмонова Евлампія—нагр. похв. листомъ, Переверзева Марія, 30. Петровская Антонина, Пиленко Александра, Полницкая Евфросинія, Пономарева Ксенія, Попова Антонина, 35. Протопопова Александра, Сапухина Зяианда—нагр. похв. листомъ, Сидорова Анна, Соколовская Людмила—нагр. похв. листомъ, Спѣсивцева Вѣра, 40. Стахевичъ Нина, Твердохлѣбова Наталія, Торанская 1 Анна (Митр.), Торанская 2 Анна (Никап.), Троицкая Екатерина, 45. Филевская Вѣра, Чаговцова Лидія, Черепахина Александра, Черняева Зяианда, Шапошникова Александра и 50. Федоровская Вѣра.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ капикулъ:

Маслова Анна—по ариѳметикѣ, Фальченко Екатерина—по русск. языку, Ветухова Марія—по русск. языку и ариѳметикѣ, Григоренко Марія—по русск. языку и ариѳметикѣ, 55. Мураховская Неонила—по русскому языку и ариѳметикѣ, Попова Лидія—по русск. языку и ариѳметикѣ, Твердохлѣбова Ольга—по руск. языку и ариѳметикѣ.

в) Допущена къ испытаніямъ послѣ капикулъ по всѣмъ предметамъ Федоровская 2 Мелетина.

г) Оставляется въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца: Троянова Евгенія.

д) Увольняется изъ числа воспитаницъ училища за долговременную неявку 60. Ладепкова Галина.

Перваго парал. класса.

а) Удостоены перевода во второй классъ.

1. Андреева Александра, Бойченко Татіана—нагр. похв. листомъ, Бородавская Екатерина, Бутковская Елена, 5. Быковцева Евдокія, Ветухова Маріампа, Власова Елена, Власовская Елисавета, Гладкова Надежда, 10. Горлова Елена—нагр. похв. листомъ, Дикарева Ксенія, Дзюбанова Елена, Залуговская Клавдія, Ильинская Евгенія, 15. Ильинская Лидія, Ковалева Евлампія, Колесникова Софія, Клячнова Лидія—нагр. пох. листомъ, Климентова Неонила, 20. Криницкая Іульнія, Крыжановская Лидія, Кудрявцова Валентина—нагр. пох. листомъ, Леваидовская Галина, Литкевичъ Екатерина, 25. Лобковская Александра, Лядская Марія, Матѣева Валентина, Мвгулина Антонина, Могиланская Вѣра, 30. Мухина Евгенія, Назродская Надежда, Николаевская Елисавета, Никулищева Нина, Никули-

щева Надежда, 35. Павловская Варвара, Поморцева Неопила—нагр. пох. листомъ, Платонова Серафима, Рожкова Наталія, Сирятская Людмила—нагр. пох. листомъ, 40. Стапкова Лидія, Стрижакова Зинаида, Сулима Наталія, Таранъ Пелагія,—нагр. пох. листомъ, Теренко Елена—нагр. пох. листомъ, 45. Толмачева Людмила, Филипповичъ Неопила, Червоицкая Зинаида, Черняева Зинаида, Черняева Александра, 50. Юшкова Вѣра—нагр. пох. листомъ, Яковлева Лидія, Ястремская Елена, Феодорова Александра, Феодорова Марія и 55. Феодорова Анна.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

Бугуцкая Анна—по русск. языку, Тетивникова Елена—по ариметикѣ, Елвинская Марія—по русск. языку и ариметикѣ, Краснокутская Елена—по славян. языку и русск. языку, 60. Григоросуло Анна—по славян. языку, русск. языку и ариметикѣ.

в) Оставляется въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца Ведрицкая Антонина.

Второго норм. класса.

а) Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Базилевская Анастасія, Бородаева Серафима, Букасова Татіана, Быкова Елена, 50. Васеловская Александра, Горбачевская Зинаида—нагр. пох. листомъ, Грекова Наталія—нагр. пох. листомъ, Загурская Зинаида, Знаменская Вѣра—нагр. пох. листомъ, 10. Капустина Евфросинія, Ковалева Елена, Ковалевская Лариса, Ковалевская Раиса, Козьменко Нина, 15. Краснопольская Анна, Крутьева Вѣра, Кустовская Антонина, Любарская Александра, Лядская Анна, 20. Матвѣева Антонина, Медяникъ Марія, Мураховская Анна, Огулькова Раиса, Павлова Елена, 25. Петрова Анастасія, Потапова Марфа, Розова Марія—нагр. пох. листомъ, Стрѣльцова Антонина, Сукачева Вѣра, 30. Сукачева Лидія, Сулима Любовь, Стапкова Анна, Торанская Евгения—нагр. пох. листомъ, Уманцева Лидія—нагр. пох. листомъ, 35. Чернявская Евгения, Чижевская Анна, Яковлева Нина, Феодорова Александра и Феодоровская Елена.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

40. Назаревская Александра—по ариметикѣ, Якубовичъ Марія—по русск. языку, Гладкова Екатерина и Новицкая Марія—по русск. языку и ариметикѣ.

в) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища по просьбѣ опекунина Салтыкевичъ Надежда.

Второго парал. класса.

а) Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Антоновская Марія, Бородаевская Лидія, Бортникова Марія, Бухаченко Валентина, 5. Бѣликова Вѣра, Венедиктова Наталія, Грызодубова Евгенія, Гумылевская Анна, Дикарева Анна—нагр. пох. листомъ, 10. Дорошенко Вѣра, Жуковская Анна, Жуковская Александра, Иванова Антонина, Кривцунъ Лидія, 15. Липко-Парафіевская Александра, Лисенко Анна, Мпрожина Серафима, Михайликъ Марія, Мощенко Зинаида, 20. Навродская Екатерина, Наумова Анастасія—нагр. пох. листомъ, Николаевичъ Наталія, Павловская Евдокія, Рубинская Анастасія, 25. Семейкина Марія, Сиромашина Евгенія, Ситенко Елисавета, Сокальская Анастасія—нагр. пох. листомъ, Третьякова Екатерина, 30. Хижнякова Марія, Чаговцова Марія, Щербина Марія, Яновская Марія, Федорова Любовь, 35. Фаворова Марія.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

Васильева Ксенія—по арифметикѣ, Яблонская Софья—по русск. языку, Толмачева Наталія—по русск. языку, арифметикѣ и географ., Чераняева Елисавета—по русск. языку, церк.-славянскому языку, арифметикѣ и географіи, 40. Гревезирская Ольга—по русск. языку.

в) Допущена къ испытаніямъ послѣ каникулъ по всемъ предметамъ: Огулькова Юлія.

Третьяго норм. класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Антонова Ольга—нагр. пох. листомъ, Виноградская Александра, Волобуева Марія, Гревезирская Лидія, 5. Давидовская Евгенин, Дегтяренко Елена, Доброславская Ольга, Евфимова Евгенин, Капустина Лидія, 10. Касьянова Елена, Касьянова Нина, Квитковская Марія, Клячкова Марія, Ковалевская Зоя, 15. Кривницкая Фекла, Куницына Елена, Леонтьева Серафима, Леонтьева Юлія, Ломакина Антонина, 20. Малышевская Елена, Мильская Лидія, Мураховская Ирина—нагр. пох. листомъ, Навродская Клавдія, Николаевская Елена, 25. Орлова Анна, Платонова Александра, Пономарева Глафира, Пономарева Елисавета, Пономарева Юлія, 30. Пузакова Елена, Раевская Софья—нагр. пох. листомъ, Ревская Елена, Рудинова Марія, Согица Евгенин, 35. Сѣверинова Галина, Сѣрая Елена, Титова Зинаида, Торанская Александра, Ушакова Лидія, 40. Ушакова Надежда, Чебанова Зинаида, Шалошикова Ольга, Шебятинская Валентина, Щелоковская Серафима, 45. Ястремская Евгенин и Фаворова Елена—нагр. пох. листомъ.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

Бойкова Елена—по сочиненію, Грекова Марія—по славян. языку и русск. языку, Филипповичъ Раиса—по славян. языку и русск. языку, 50. Мас.

лова Неонила—по церк. слав. языку, рус. яз., сочиненію и арифметикѣ.
в) Увольняется изъ числа воспитаницъ училища за долговремен. неявку Евфименко Анна.

Третьяго парал. класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Антоновская Евдокія, Басманова Александра, Безпяткина Екатерина, Бучакчійская Вѣра, 5. Брайловская Валентина, Веселовская Марія, Грекова Людмила, Грекова Анна, Жёбко Вѣра, 10. Заводовская Зинаида, Иванова Серафима, Калмыкова Екатерина—нагр. пох. листомъ, Кашнёвъ Александра, Кириллова Ксенія, 15. Колосовская Наталія, Коростовцева Марія, Краснопольская Іульїя, Лещинская Евгенія, Лободина Евгенія, 20. Любинская Аполлїнарїя, Николаенко Вѣра, Оглоблина Любовь, Орловская Анна, Павловская Неонила, 25. Пономарева Анна, Рубинская Александра, Рубинская Нина, Руднева Евдокія, Санухина Анна, 30. Сильванская Екатерина, Соколовская Елена, Трипольская Вѣра, Труфанова Евлампїя, Шибатинская Екатерина. 35. Щепинская Антонина, Фёдорова Антонина и Фёдорова Неонила.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

Сулѣма Антонина—по сочиненію, Толмачева Надежда—по сочиненію, 40. Попова Варвара—по русск. языку, Фенева Таисїя—по арифметикѣ, Квитковская Анна—по сочиненію и арифметикѣ, Горбунова Евдокія—по славян. языку и русск. языку и Матвѣева Ольга—по славян. языку, русск. яз. и сочиненію.

Четвертаго норм. класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Александрова Марія, Андреевкова Наталія, Артюховская Нина, Базилевичъ Нина—нагр. пох. листомъ, 5. Бѣлогорская Елизавета, Василевская Вѣра, Виноградская Анна, Головкова Іульїя, Гривезирская Марія, 10. Гумилевская Варвара, Дашкіева Зинаида—нагр. пох. листомъ, Декарева Ольга, Зинковская Елена, Ивашина-Надтоко Александра, 15. Ковалевская Анна, Коцькова Марія, Косьмина Любовь, Крохатская Наталія, Кулыжная Ольга, 20. Литковичъ Александра, Мартынова Анфиса, Мартыкова Анастасїя, Николаевская Екатерина, Петрова Марія, 25. Попова Вѣра, Попова Варвара, Попова Параскева, Попова Анна, Протопопова Целагїя, 30. Розова Лидїя, Руднева Елена, Рыбалова Анна, Сидоренко Дарїя, Ситенко Наталія, 35. Созонтьева Марія, Ситсивцева Марія, Стесенко Людмила, Стефанова Галина, Стрижакова Екатерина, 40. Турацкая Марія, Филевская Леонила, Филиппова Евгенія, Яковлева Галина и Фёдорова Марія.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

45. Павтелевицова Екатерина—по русск. языку, Хорошкова Наталія—по арифметикѣ.

Четвертаго парал. класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Базилевичъ Анна, Башинская Наталія, Борискова Агапія—нагр. похв. листомъ, Бородавская Раиса, 5. Васильева 1 Александра, Васильева 2 Александра, Вербицкая Зинаида, Вертеловская Лидія, Воронина Зинаида, 10. Гладкова Евгенія, Горлова Марія, Елпидская Раиса, Жуковская Александра, Захарьева Елена, 15. Земборская Марія, Кіянковская Екатерина—нагр. похв. листомъ, Краснопольская Зоя, Крохатская Валентина, Крушедольская Анна, 20. Кулешова Екатерина, Курская Анна—нагр. похв. листомъ, Любичская Марія, Лядская Аполливарія, Мазанкина Марія, 25. Мураховская Марія, Полянская Зоя, Пономарева Анна, Пономарева Ольга, Пономарева Татіана, 30. Попова Анна, Рубицкая Елена, Рудица Агриппина, Трегубова Ольга, Цикунова Гузьянія, 35. Чебанова Наталія, Чернявская Екатерина, Черняева Марія, Чиркина Евдокія, Федоровская Лидія.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

40. Кремповская Елена, Кузьменко Зинаида и Любарская Клавдія—по русскому языку.

в) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища по просьбѣ опекуна Фролова Марія.

Пятаго норм. класса.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Башинская Марія, Булгакова Дарія, Венедиктова Марія, Ветухова Анна, 5. Горбунова Меланія, Григоросуло Марія, Дахова Екатерина, Дегтяренко Екатерина, Дзюбанова Елена, 10. Звѣрова Авиа—надр. похв. листомъ, Иванова Вѣра, Канустянская Евгенія, Коваленко Валентина, Коваленко Зинаида, 15. Лимацкая Елисавета, Литовкина Мариса, Логвинова Анна, Лонгинова Антошва, Макаровская Варвара, 20. Назинко Антонина, Несторенко Наталія, Несторенко Антошва, Ничкевичъ Анна, Ольховая Анна, 25. Павловская Ксенія, Петрусенко Викторія, Пономарева Александрра, Цопова Екатерина, Приходькова Вѣра, 30. Протопопова Зинаида, Рубицкая Анастасія, Сильванская Александра, Солнцева Варвара, Стефанова Неонилла, 35. Сукачева Серафима, Твердохлѣбова Галина, Томашовская Евгенія—нагр. похв. листомъ. Филевская Елисавета—нагр. похв. листомъ, Царевская Марія, 40. Шошина Марія, Юшкова Наталія, Федоровская Лидія и Феоктистова Марія.

б) Допущена къ испытанію послѣ камикулъ. Ефремова Анна—по лѣдантикѣ.

Пятаго парал. класса.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Ганжа Александра, Грекова Екатерина, Григоровичъ Людмила, Жукова Пелагія, 5. Жукова Викторія, Жуковская Лидія, Иваненко Валентина, Климанова Марія, Константинова Анна, 10. Копѣйчикова Александра, Корнѣенко Евгенія—нагр. похв. листомъ, Котляревская Елисавета, Ботлярова Валентина, Котлярова Елисавета, 15. Красноутская Анна, Красвопольская Татіана, Лисенковская Зинаида, Лядская Александра, Насѣдича Валентина, 20. Николаевская Олимпиада, Павлова Ксенія, Попова Антонина, Протопопова Евгенія, Раевская Елисавета, 25. Савченко Надежда, Соболева Екатерина, Солодухина Евгенія, Степурская Тавсія, Тимофеева Анна, 30. Торанская Марія, Фотинская Клавдія, Шемигонова Ольга, Шереметева Ольга—нагр. похв. листомъ, Шишлова Александра, 35. Шишлова Антонина, Шокотова Анна, Щеголева Анна, Щелаковская Лидія, Яблоновская Елена, 40. Яновская Лидія и Ястремская Лидія.

б) Допущены къ испытаніямъ послѣ камикулъ. Яровицкая Анна—по арифметикѣ и Кириллова Зоя—по всемъ предметамъ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища за 1904—1905 учебный годъ.

1. Въ 1904—1905 учебномъ году Совѣтъ училища составляли: а) Предсѣдатель Совѣта, профессоръ богословія въ Императорскомъ университетѣ, докторъ богословія, протоіерей Тимофей Буткевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Іоаннъ Котовъ, г) члены Совѣта отъ духовенства: протоіерей Іоаннъ Пичета, священникъ Павелъ Грома и священникъ Павелъ Тимофеевъ, д) почетная попечительница училища, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Дарія Діевна Оболенская и е) почетный блюститель по хозяйственной части училища, потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ Лещинскій.

2 Въ отчетномъ году въ училищѣ было семь нормальныхъ и семь параллельныхъ отдѣленій: въ приготовительномъ, первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ и одна образцовая церковно-приходская школа.

3. Учебный персоналъ состоялъ: изъ 20-ти преподавателей, 17-ти учительницъ, 14-ти старшихъ воспитательницъ, 14-ти младшихъ воспитательницъ и одной учительницы образцовой церковно-приходской школы.

4) Къ началу занятій 1904—1905 учебнаго года въ училищѣ числилось—566 воспитанницъ.

Въ августѣ 1904 года, по журнальному опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, принято вновь въ число воспитанницъ училища—99 дѣвицъ: въ приготовительный классъ—94, въ 1-й классъ—1, во 2-й классъ—2, въ 3-й классъ—1 и въ 6-й классъ—1.

Вслѣдствіе этого 1904—1905 учебный годъ начался при шести-стахъ шестидесяти пяти воспитанницахъ (665), которыя по классамъ распределены были такъ:

въ пригот. норм. классѣ	53	воспитан.
— пригот. пар. —	52	—
— 1 норм. классѣ	62	—
— 1 пар. —	61	—
— 2 норм. —	44	—
— 2 пар. —	46	—
— 3 норм. —	51	—
— 3 пар. —	46	—
— 4 норм. —	47	—
— 4 пар. —	43	—
— 5 норм. —	45	—
— 5 пар. —	43	—
— 6 норм. —	34	—
— 6 пар. —	38	—
<hr/>		
Итого во всѣхъ классахъ	665	воспитан.

5. Въ теченіе 1904—1905 учебнаго года принято было въ число воспитанницъ училища въ приготовительный классъ 3 дѣвицы.

Въ отчетномъ учебномъ году выбыло изъ училища 12-ть воспитанницъ, а именно:

Изъ 1 норм. класса	2	воспитан.
— 2 пар. —	5	—
— 3 пар. —	2	—
— 4 норм. —	1	—
— 5 норм. —	1	—
— 6 норм. —	1	—

6. А вслѣдствіе этого къ началу годичныхъ испытаній числилось:

Въ пригот. норм. классѣ	54	воспитан.
— пригот. пар. классѣ	54	—
— 1 норм. классѣ	60	—
— 1 пар. —	61	—
— 2 норм. —	44	—
— 2 пар. —	41	—
— 3 норм. —	51	—
— 3 пар. —	44	—
— 4 норм. —	46	—
— 4 пар. —	43	—
— 5 норм. —	44	—
— 5 пар. —	43	—
— 6 норм. —	33	—
— 6 пар. —	38	—

Итого во всѣхъ классахъ . . . 656 воспитан.

7. Святѣйшій Правительствующій Синодъ указомъ отъ 22 марта н. г. за № 2 опредѣлилъ: въ виду возможности возникновенія лѣтомъ текущаго года холерной эпидеміи, предоставить усмотрѣнію Епархіальныхъ Преосвященныхъ сокращать въ текущемъ учебномъ году занятія въ подвѣдомыхъ имъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ случаѣ надобности заблаговременно увольнять учащихся на лѣтнія каникулы, не рѣше однако, 15 мая, съ переводомъ учащихся въ слѣдующіе классы по годовымъ балламъ и съ тѣмъ, чтобы имѣющіе неудовлетворительныя отиѣтки по нѣкоторымъ предметамъ за годъ были подвергнуты экзаменамъ по сямъ предметамъ послѣ каникулъ, до каникулъ же были произведены только выпускныя испытанія для оканчивающихъ курсъ учащихся.

Во исполненіе этого опредѣленія Св. Синода по журнальному постановленію Совѣта отъ 7 апрѣля н. г. утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, произведены экзамены только воспитанницамъ отдѣленій 6 класса.

Изъ воспитаницъ же остальныхъ классовъ.

а) Удостоены перевода въ слѣдующіе классы по годовымъ балламъ:

Изъ пригот. норм. класса въ 1 классъ	44	воспитан.
— — парал. — — 1 —	45	—
— 1 норм. класса во 2 классъ	50	—
— 1 пар. — — 2 —	55	—
— 2 норм. — въ 3 —	39	—
— 2 пар. — — 3 —	35	—

Изъ 3 норм.	—	—	4	—	46	—
— 3 пар.	—	—	4	—	37	—
— 4 норм.	—	—	5	—	44	—
— 4 пар.	—	—	5	—	39	—
— 5 норм.	—	—	6	—	43	—
— 5 пар.	—	—	6	—	41	—

б) Оставлены въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей только 4 воспитанницы.

Въ пригот. норм. классѣ	1	воспитан.
— 1 норм. классѣ	1	—
— 1 пар.	—	1	—
— 6 норм.	—	1	—

в) Допущены къ испытаніямъ послѣ каникулъ:

Въ пригот. норм. классѣ.	8	воспитан.
— пригот. парал.	—	9	—
— 1 норм. классѣ	8	—
— 1 пар.	—	5	—
во 2 норм.	—	4	—
— 2 пар.	—	6	—
въ 3 норм.	—	4	—
— 3 пар.	—	7	—
— 4 норм.	—	2	—
— 4 пар.	—	3	—
— 5 норм.	—	1	—
— 5 пар.	—	1	—
— 6 норм.	—	1	—

г) Уволены изъ училища 5 воспитанницъ.

д) Окончили полный курсъ училища 69 воспитанницъ, которымъ, на основаніи III § устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

е) Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ за отличные успѣхи и благонравіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами.

Въ 1 норм. классѣ	6	воспитан.
— 1 парал.	—	9	—
во 2 норм.	—	6	—
— 2 парал.	—	3	—

въ 3 норм.	—	4	воспитан.
— 3 парал.	—	1	—
— 4 норм.	—	2	—
— 4 парал.	—	3	—
— 5 норм.	—	3	—
— 5 парал.	—	2	—
— 6 норм.	—	10	—
— 6 парал.	—	5	—

С П И С О КЪ

воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.

27-го мая 1905 года.

Перваго норм. класса.

1. Васильевская Валентина, Васильковская Александра, Миссанъ Марія, Пантелеимонова Евлампія, 5. Сапухина Зинаида, Соколовская Людмила.

Перваго парал. класса.

1. Бойченко Татіана, Горлова Елена, Клячнова Лидія, Кудрявцева Валентина, 5. Поморцева Неонила, Сяртская Людмила, Тараць Пелагія, Теренко Елена, Юшкова Вѣра

Второго норм. класса.

1. Горбачевская Зинаида, Грекова Наталія, Знаменская Вѣра, Розова Марія, 5. Торанская Евгения, Уманцова Лидія.

Второго парал. класса.

1. Дикарева Анна, Наумова Анастасія, Сокальская Анастасія.

Третьяго норм. класса.

1. Антонова Ольга, Мураховская Ирина, Раевская Софья, Фаворова Елена.

Третьяго парал. класса.

Калмыкова Екатерина.

Четвертаго норм. класса.

Базилевичъ Ница, Дашкіева Зинаида.

Четвертаго парал. класса.

Борискова Аганія, Кіяновская Екатерина, Курская Анна.

Пятаго норм. класса.

Зефирова Анна, Томашевская Евгения, Филевская Елисавета.

Пятаго парал. класса.

Кориѣнко Евгения, Шереметьева Ольга.

С П И С О К Ъ

воспитанницъ 6-хъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ: при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благонравіе, награждаются книгами.

Мая 27-го дня 1905 года.

Шестаго норм. класса.

1. Антонова Антонина—нагр. книгою, Браилова Анастасія, Ведрицкая Анна, Грызодубова Марія, 5. Добрецкая Елисавета, Жуковская Тамара, Касьянова Ольга, Калюжная Марія, Крыжановская Анастасія, 10. Литовьина Марія—нагр. книгою, Мазанкина Вѣра, Маслова Лидія, Мельникова Ольга—нагр. книгою, Мураховская Ефросинія—нагр. книгою, 15. Никулищева Марія, Петрусенко Анна, Пономарева Марія, Раевская Елена—нагр. книгою, Рубинская Вѣра, 20. Сапухина Екатерина, Сидорова Анастасія, Сильванская Ольга—нагр. книгою, Сокологорская Елена, Троицкая 1 Анна—нагр. книгою, 25. Троицкая 2 Анна, Турбина Варвара—нагр. книгою, Флейсперъ Надежда, Чугаева Антонина—нагр. книгою, Шапошниковъ Лидія—нагр. книгою, 30. Федорова Анна и Федорова Марія.

б) Оставляется въ 6-мъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца по болѣзни Туранская Анастасія.

Шестаго парал. класса.

1. Андреева Лидія, Анисимова Любовь, Артиховская Елена, Бородаева Евдокія, 5. Бухапенко Людмила, Бучакчійская Надежда, Васютинская Лидія, Верещунъ Ксеція, Гладкова Раиса—нагр. книгою, 10. Дикарева Евгения, Дорошенко Нина, Дюкова Екатерина—нагр. книгою, Капустина Антонина, Касьянова Анастасія, 15. Кирианова Марія, Кляцкова Наталья, Крыжановская Калерія, Купицына Валентина—нагр. книгою, Навродская Ольга, 20. Попова Ольга, Попова Лидія, Раевская Марія, Романенко Дарія, Рубинская Людмила, 25. Спѣсивцева Людмила, Старченко Марія—нагр. книгою, Соколова Зинаида, Ткаченко Капитолина, Труфанова Антонина, 30. Холодова Антонина, Царевская Варвара, Чебанова Раиса, Чулкова Марія, Чиркина Марія, 35. Шебатинская Раиса, Федорова Евгения, Федорова Дарія—нагр. книгою и Федоровская Валентина.

Примѣчаніе. Аттестаты одиннадцати сиротъ—окончившихъ курсъ училища Совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. попечителя учебнаго округа, съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ спеціальныхъ училищныхъ средствъ.

Передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ училища Совѣтомъ назначена на 24 и 25 августа н. г., а приемные экзамены для поступленія въ подготов., 3, 4, 5 и 6-й классы на 26 августа н. г.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

Воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составлен-
ный по окончаніи 1904—1905 учебнаго года.

В класса окончившіе курсъ семинаріи.

Разрядъ 1-й. 1. Николай Юшковъ, Григорій Тычпнявъ, Александръ Пягуль—награждены медалями, Сергѣй Чернявскій, 5. Семенъ Василевскій, Давидъ Стесенко, Владиміръ Евсѣмовъ, Владиміръ Киприановъ, Иванъ Понировскій, 10. Яковъ Леткинъ, Николай Ястремскій, Гавриилъ Поповъ, Илья Кіановскій, Евсѣмій Золотаревъ.

Разрядъ 2-й. 15. Михаилъ Макаровскій, Иванъ Камышанъ, Андрей Лѣпскій, Александръ Ѳедоровъ, Сергѣй Лядскій, 20. Ѳедоръ Косьминъ, Дмитрій Исиченко, Стефанъ Петровъ, Антоній Поповъ, Иванъ Жуковскій, 25. Алексѣй Петраковъ, Николай Ѳедоровъ, Михаилъ Григоровичъ, Петръ Дорошенко, Семенъ Баженовъ, 30. Анатолій Шиповаловъ, Алексѣй Торанскій, Георгій Грековъ, Ѳедоръ Бородаевъ, Павелъ Четвериковъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

35. Дмитрій Олякъ—по священному писанію, 36. Иванъ Момпровъ—по священному писанію и дидактикѣ.

5 класса переведены въ 6 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Николай Хорошковъ—награжденъ книгою, Михаилъ Черпикинъ.

Разрядъ 2-й. Василій Крыжановскій, Владиміръ Михайловскій, 5. Николай Никитинъ, Леонидъ Якубовичъ, Андрей Николаевскій, Андрей Добрецькій, Александръ Сапухинъ, 10. Александръ Съкирскій, Георгій Степурскій, Павелъ Дейнеховскій, Алексѣй Вардаевъ, Василій Алферовъ, 15. Тяхонъ Любичій, Василій Петинъ, Василій Филипченко, Захарій Стрѣльцовъ, Дмитрій Яновскій, 20. Александръ Элинскій, Стефанъ Алексѣевъ, Александръ Олейниковъ.

Допущены къ экзаменамъ послѣ каникулъ:

Владиміръ Бѣляевъ—по церковной исторіи, Сергѣй Ѳедоровъ—по дидактикѣ, 25. Тяхонъ Смирискій—по исторіи и обличенію раскола, Гавриилъ Добрецькій, Виталий Толмачевъ—по сочиненію, Автономъ Жуковъ—по церковной исторіи и дидактикѣ, Андрей Насѣдкннъ—по литургикѣ и латинскому языку, 30. Петръ Арсѣевъ—по литургикѣ, практическому руководству для пастырей и сочиненію, Григорій Чугаевъ и 32 Иванъ Ѳедоровъ—по всѣмъ предметамъ 5 класса.

4 класса переведены въ 5 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Леонидъ Любицкій, Александръ Базилевичъ, Григорій Евонмовъ—награждены книгами, Константинъ Гревизарскій, 5. Александръ Запороженко, Александръ Слюсаревъ, Иванъ Стахевичъ.

Разрядъ 2-й. Петръ Жабиневъ, Павелъ Проскурниковъ, 10. Константинъ Лядскій, Константинъ Оглоблинъ, Сергій Владыковъ, Александръ Иноковъ, Петръ Лысенко, 15. Филадельфъ Балановскій, Викторъ Сергѣевъ, Иванъ Павловскій, Стефанъ Левадный, Михайлъ Дзюбановъ, 20. Иванъ Матвѣевъ, Викторъ Рубинскій, Александръ Семеновъ, Михайлъ Хижняковъ, Григорій Цыбулевскій, 25. Александръ Артюховскій, Александръ Гордѣенко, Николай Грызодубовъ, Андрей Дзюбановъ, Стефанъ Дзюбановъ, 30. Николай Евтушенко, Павелъ Краснокутскій, Петръ Суховъ, Василій Феодоровъ, Константинъ Архангельскій, 35. Павелъ Чернявскій, Григорій Быковцевъ, Иларіонъ Дьяковъ, Андрей Бузнецовъ, Александръ Полницкій, 40. Александръ Поповъ, Иванъ Поповъ, Дмитрій Селезневъ, Николай кубачевскій.

Допущены къ экзаменамъ послѣ капикулъ:

Владиміръ Добрецькій и 45. Петръ Измайловъ—по греческому языку, Владимиръ Согинъ и Илья Червонецкій—по философіи, Николай Иноковъ—по церковному пѣнію, Михайлъ Соколовскій—по геометріи, философіи и греческому языку.

Оставлены въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

50. Викторъ Бородаевъ и 51. Григорій Словесскій—по болѣзни.

3 норм. класса переведены въ 4 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Александръ Стрѣльцовъ—награжденъ книгою, Іосифъ Стефановъ, Николай Шебатинскій.

Разрядъ 2-й. Иванъ Гавриловъ, 5. Геннадій Безугловъ, Стефанъ Горошко, Дмитрій Крохатскій, Павелъ Безугловъ, Амвросій Краснопольскій, 10. Александръ Власовъ, Семенъ Насѣдкинъ, Александръ Тимошеевъ, Николай Бородаевскій, Николай Крыжановскій, 15. Василій Новицкій, Георгій Твердохлѣбовъ, Иванъ Бородаевскій, Левъ Бранловскій, Владимиръ Бѣлогорскій, 20. Дмитрій Рудинскій, Владимиръ Сѣбирскій.

Допущены къ экзаменамъ послѣ капикулъ:

Григорій Горанинъ и Алексій Ильинскій—по церковному пѣнію, Анатолий Сильвачскій—по церковной исторіи, 25. Яковъ Матвѣевъ, Николай Тугариновъ и 27. Анатолий Шебатинскій—по логикѣ.

3 паралл. класса переведены въ 4 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Николай Иванущенко, Иванъ Гилуновъ, Алексій Лонгиновъ.

Разрядъ 2-й. Сергѣй Иваущенко, 5. Иванъ Касьяновъ, Александръ Мигулицъ, Тимошей Дмитріевъ, Михаилъ Чугаевъ, Евгенийъ Жуковъ, 10. Иванъ Ладный, Данилъ Пантелеймоновъ, Владиміръ Мухомъ, Владиміръ Базилевичъ, Яковъ Евтушенко, 15. Михаилъ Яновскій, Тимошей Артюховскій, Сергѣй Ильинскій, Павелъ Новицкій, Василій Платоновъ, 20. Ѳедоръ Степурскій, Михаилъ Торацскій, Василій Рубинскій, Владиміръ Андреевъ, Гавріилъ Грузовъ, 25. Александръ Крыжановскій, Николай Матвѣевъ, Андрей Човомірскій, Петръ Рубинскій, Гавріилъ Ѳедоровскій, 30. Николай Вербицкій, Данилъ Ястремскій.

Допущены къ экзаменамъ послѣ каникулъ:

32. Глѣбъ Голяко-Захаржевскій—по логикѣ.

2 норм. класса переведены въ 3 классъ.

Разрядъ 1-й 1. Дмитрій Платоновъ, Дмитрій Трегубовъ, Иванъ Чертковъ, Георгій Ѳедоровъ.

Разрядъ 2-й. 5. Леопольдъ Коробкинъ, Андрей Власовскій, Леониль Черниговскій, Андрей Ступницкій, Николай Церковницкій, 10. Михаилъ Черпявскій, Александръ Чеховъ, Александръ Жуковскій, Иванъ Пвановъ, Александръ Капустинъ, 15. Николай Черниговскій, Василій Пидутный, Левъ Поломаревъ, Василій Рудинскій, Аванасій Павловскій, 20. Николай Петровичъ.

Допущены къ экзаменамъ послѣ каникулъ:

Александръ Насѣдкинъ—по математикѣ, Борисъ Кустовскій—по словесности, Николай Агрияевъ—по греческому языку, Валентинъ Полякарповъ—по гражданской исторіи, 25. Александръ Оболенцевъ—по церковному пѣнію, Михаилъ Макухинъ—по греческому языку и церковному пѣнію, Иванъ Эшагскій—по словесности и гражданской исторіи, Викторъ Андреевъ—по гражданской исторіи, латинскому языку и сочиненію, Анатолій Краснокутскій—по словесности, гражданской исторіи и латинскому языку, 30. Николай Лободинъ—по священному писанію и словесности, Иванъ Тугариновъ—по библейской исторіи, священному писанію и гражданской исторіи, 32. Тихонъ Торацскій—по всѣмъ предметамъ 2 класса.

2 паралл. класса переведены въ 3 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Георгій Филипповъ, Тимошей Василенко—награждены кнѣгами, Дмитрій Мухомъ, Александръ Степурскій.

Разрядъ 2-й. 5. Александръ Евешмовъ, Иванъ Лукашевъ, Николай Подлунцкій, Косьма Щелоковскій, Михаилъ Ѳедоровъ, 10. Дмитрій Щербина, Милалъ Ирановичъ, Владиміръ Бразловскій, Алексѣй Базилевичъ, Григорій Бутковъ, 15. Владиміръ Дзюбановъ, Николай Семейкинъ, Михаилъ Ястремскій, Иванъ Сапухинъ, Алексѣй Татаринъ.

Допущены къ экзаменамъ послѣ каникулъ:

20. Владиміръ Любомудровъ—по греческому языку, Дмитрій Арефьевъ, Леонтій Жуковский, Леонидъ Любняскій, Николай Титовъ, 25. Ипполитъ Шишловъ—по церковному пѣнію.

1 норм. класса переведены во 2 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Александръ Рудинскій, Дмитрій Грызодубовъ—награждены книгами, Викторъ Павловъ.

Разрядъ 2-й. Борисъ Ященко, 5. Владиміръ Рубинскій, Андрей Шибатинскій, Александръ Емельяненко, Ѳедоръ Ветуховъ, Дмитрій Созоньтевъ, 10. Алексѣй Ѳедоровъ, Антоній Карповъ, Дмитрій Краснокутскій, Владиміръ Олейниковъ, Николай Понировскій, 15. Иванъ Сильванскій, Василій Ковалевскій, Григорій Котляревскій, Лука Манченко, Алексѣй Муханъ, 20. Иванъ Рубинскій, Всеволодъ Сирятскій, Дмитрій Бѣликовъ, Викторъ Евтушенко, Тимошей Карповъ, 25. Владиміръ Коробчанскій, Дмитрій Поповъ, Александръ Прибытковъ, Николай Сергѣевъ, Антоній Авксентьевъ, 30. Герасимъ Дзюбановъ, Иванъ Черниевъ.

Допущены къ экзаменамъ послѣ каникулъ.

Михаилъ Гавриловъ, Ѳедоръ Фіалковскій,—по математикѣ, Семень Павловскій—по гражданской исторіи, 35. Андрей Печкинъ, Евгеній Рубинскій—по латинскому языку, Иванъ Прокоповичъ—по гражданской исторіи и латинскому языку, Іосифъ Чиркинъ—по математикѣ и латинскому языку.

Оставленъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ 39. Петръ Нечаевъ по болѣзни.

1 паралл. класса переведены во 2 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Иванъ Подлуцкій, Викторъ Луценко—награждены книгами, Викторъ Сулима.

Разрядъ 2-й. Василій Гилуповъ, 5. Викторъ Америковъ, Леонидъ Луценко, Валеріанъ Браиловскій, Хрисанфъ Ревскій, Константинъ Звѣкинъ, 10. Леонидъ Полицкій, Сергѣй Скляръ, Владиміръ Власовъ, Александръ Пономаревъ, Николай Самодаевъ, 15. Дмитрій Середилъ, Борисъ Сѣвирскій, Николай Грузовъ, Михаилъ Дмитриевъ, Іосифъ Макухинъ.

Допущены къ экзаменамъ послѣ каникулъ:

20. Александръ Ковалевскій, Константинъ Поковъ—по греческому языку, Николай Бѣликовъ—по латинскому языку, Владиміръ Агшинцевъ, Александръ Бѣлогорскій, 25. Антоній Кпраловъ, Михаилъ Лонгиновъ—по церковному пѣнію, Стефанъ Бѣлусовъ—по сочиненію, Илья Наумовъ—по словесности и сочиненію, Алексѣй Платоновъ—по словесности и ла-

тинскому языку, 30. Иосифъ Спаскій—по гражданской исторіи и греческому языку, Павелъ Кашикъ—по гражданской исторіи, греческому языку и латинскому языку, Аванасій Любарскій—по гражданской исторіи, греческому языку, латинскому языку и сочиненію, 33. Стефанъ Михайловскій—по гражданской исторіи, математикѣ, греческому языку, латинскому языку и сочиненію.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный въ собраніи Правленія училища 23 мая 1905 г. за 1904—1905 учебный годъ.

Ученики 4 класса, окончившіе полный курсъ ученія.

Признанные достойными перевода въ 1 классъ духовной семинаріи.

Разрядъ 1-й. Ляницкій Владиміръ—съ награжденіемъ книгою, Бөрвеновъ Порфирій, Согіяъ Николай.

Разрядъ 2-й. Колосовскій Василій, Царевскій Валеріанъ, Ковалевъ Павелъ, Пявоваровъ Стефанъ, Самойловъ Николай, Спѣсивцевъ Сергій, 10. Рубинскій Ілія, Аласимовъ Александръ, Базилевичъ Николай, Николаевскій Михаилъ, Гончаревскій Захарій, 15. Мартыненко Стефанъ, Жюковъ Анаголій, Звѣревъ Николай, Стаховскій Григорій.

Признаются окончившими курсъ училища, если выдержатъ переекзаменовку: Дзюбановъ Иванъ—по арифметикѣ.

Разрядъ 3-й. 20. Любарскій Анатолій—по церковному уставу и латинскому языку, Жуковскій Иванъ—по катихизису и латинскому языку.

Оставляются на повторительный курсъ по прошеію родителей: Орловъ Василій, Оранскій Дмитрій.

Увольняются изъ училища, за окончаніемъ училищнаго курса, по малоуспѣшности: Гавриловъ Павелъ, 25. Григоровичъ Александръ, Гринченко Александръ, Любарскій Иванъ, Поповъ Митрофанъ.

Предоставляется право держать экзаменъ послѣ лѣтнихъ каникулъ недержавшимъ онаго по болѣзни: Стаховскому Александру и 30. Сидорону Николаю.

Ученики 3 кл. назначаются къ переводу въ 4 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Макаровскій Иванъ, Головчанскій Николай, Любицкій Евгений, Усатенко Григорій, 5. Гончаревскій Николай—съ награжденіемъ книгами, Жуковскій Владиміръ, Пасько Петръ, Пасько Николай.

Разрядъ 2-й. Булдовскій Василій, 10. Болосовскій Владиміръ, Татаривовъ Валентинъ, Любарскій Анатолій, Оружинскій Гавріилъ, Самойловъ Борисъ, 15. Якубовичъ Арсекій, Любарскій Андрей, Базилевичъ Левъ, Бородаевъ Василій, Лозгиновъ Николай, 20. Григоровичъ Анатолій, Краснокутскій Григорій, Чернявскій Дмитрій, Феневъ Иванъ.

Разрядъ 3-й. Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Макухинъ Николай—по катихизису в географіи, 25. Шиваровъ Иванъ—по арифметикѣ и географіи, Сидоровъ Вячеславъ—по арифметикѣ и географіи.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Болдыревъ Иванъ, Веселовскій Николай, Войтковъ Михаилъ, 30. Якубовичъ Владиміръ—по малоуспѣшности, Грековъ Федоръ—по прошенію отца. Увольняются изъ училища: Войтовъ Андрей—по малоуспѣшности, Черняевъ Георгій—по прошенію отца.

Ученики 2 кл. назначаются къ переводу въ 3 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Черняевъ Владиміръ, Васильковскій Николай, Петровъ Дмитрій, Царевскій Алексѣй, 5. Липицкій Дмитрій—съ награжденіемъ книгами, Жуковъ Александръ, Литовченко Владиміръ.

Разрядъ 2-й. Торганскій Михаилъ, Мухинъ Александръ, 10. Свинцевъ Петръ, Власовскій Владиміръ, Залуговскій Александръ, Кустовскій Григорій, Самойловъ Александръ, 15. Паптелеймоновъ Василій, Тетивниковъ Михаилъ, Касьяновъ Василій, Петрусенко Николай, Коривенко Григорій, 20. Бородавскій Федоръ, Лядскій Николай, Макаровскій Семенъ, Тамоновскій Федоръ, Паптелеймоновъ Алексѣй, 25. Касьяновъ Николай, Кирилловъ Петръ, Марусовъ Веніаминъ, Трояновъ Владиміръ.

Разрядъ 3-й. Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Новомірскій Игнатій—по латинскому языку и арифметикѣ, 30. Буткевичъ Николай—по св. исторіи и латинскому языку, Протопоповъ Стефанъ—по русскому и латинскому языкамъ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Васмаиновъ Михаилъ, Горашинъ Александръ, Рогальскій Павелъ, 35. Чальшевъ Иванъ—по малоуспѣшности, Алексѣевъ Павелъ—по прошенію отца.

Увольняются изъ училища: Любарскій Николай, Федоровскій Алексѣй—по малоуспѣшности, Григоровичъ Иванъ, 40. Ветуховъ Владиміръ—по прошенію отца.

Представляется право держать экзаменъ по всемъ предметамъ послѣ лѣтнихъ каникулъ: Лавденко Александру, 42 Попову Алексѣю.

Ученики 1 кл. назначаются къ переводу во 2 классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Жуковскій Михаилъ, Пасько Николай, Гилуновъ Георгій, Станковъ Петръ, 5. Фаворовъ Иванъ, Поповъ Иванъ 1, Поповъ Константинъ, Суховъ Илія.

Разрядъ 2-й. Орловъ Николай, 10. Слюсаревъ Василій, Леонтьевъ Михаилъ, Макухинъ Александръ, Любарскій Викторъ, Ковалевскій Вячеславъ, 15. Кустовскій Гавріилъ, Смирновъ Александръ, Барнауковъ Павелъ, Любарскій Иванъ, Дюковъ Евгений, 20. Александровъ Николай, Тищенко Василій, Мартыновъ Александръ, Власовскій Федоръ, Поповъ Дмитрій, 25. Щепинскій Валентинъ.

Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Алексѣевъ Николай, Веселовскій Яковъ, Омиинъ Сергій—по ариметикѣ.

Разрядъ 3-й. Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Пантелеймоновъ Викторъ—по русскому языку и церковному пѣнію, 30. Ветуховъ Владиміръ, Мартыновъ Михаилъ, Лихницкій Петръ—по русскому языку и ариметикѣ, Поповъ Несторъ—по священной исторіи и ариметикѣ.

Остаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Ждановскій Сергій, 35. Лядскій Георгій, Пантелеймоновъ Петръ, Поповъ Иванъ 2—по малоуспѣшности, Новомірскій Василій—по прошенію отца. Увольняются изъ училища: Войтовъ Антоній, 40. Капустинъ Гавріилъ—по малоуспѣшности и великовозрастію, Македонскій Александръ, Лихницкій Михаилъ, 43. Оранскій Василій—по прошенію родителей.

Предоставляется право держать экзаменъ по всѣмъ предметамъ послѣ лѣтнихъ каникулъ 44. Лободицу Анатолю.

Ученики приготовительнаго класса назначаются къ переводу въ 1-й классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Титовъ Вячеславъ, Островидовъ Викторъ, Юношевъ Михаилъ, Пасько Николай—съ награжденіемъ книгами, 5. Пономаревъ Даниилъ, Лободицъ Иванъ, Черняевъ Павелъ.

Разрядъ 2-й. Поповъ Владиміръ, Торанскій Иванъ, 10. Пономаревъ Евсигній, Гавриловъ Алексѣй, Томашевскій Пантелеймонъ, Лисенко Павелъ, Базилевичъ Николай, 15. Веселовскій Николай, Киряловъ Василій, Любарскій Николай, Лядскій Геннадій, Нечаевъ Алексѣй, 20. Спѣсывцевъ Александръ, Спѣсывцевъ Василій, Тарасовъ Александръ, Черпявскій Тихонъ, Яблоновскій Сергій, 25. Ковалевскій Ипполитъ, Малишевскій Григорій.

Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ. Збударевъ Владиміръ—по Закону Божію, Климентовъ Иванъ—по ариметикѣ, Лихницкій Антоній—по русскому языку, 30. Юшковъ Владиміръ—по ариметикѣ. Остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Киряловъ

Викторъ, Ковалевскій Григорій, Макаровскій Павелъ, Новиковъ Николай,— по малоуспѣшности, 35. Жуковскій Иларіонъ—по прошенію отца.

Увольняются изъ училища по малоуспѣшности Насѣдкинъ Николай.

Предоставляется право держать экзаменъ послѣ лѣтнихъ каникулъ по всѣмъ предметамъ 37. Лазаревскому Владиміру.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1905 г.

Ректоръ Семинаріи, протоіерей Іоаннъ Павловичъ *Знаменскій*; имѣеть палицу и ордена: Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 1 августа 1880 года преподавателемъ латинскаго языка въ Таврическую духовную семинарію; въ томъ же году 24 сентября утверждень въ степени магистра богословія; 11 мая 1881 года назначень Инспекторомъ Таврической семинаріи; 1-го іюля 1884 г. назначень Ректоромъ той же семинаріи; 14 іюня 1894 года перемѣщенъ на должность Ректора Харьковской Духовной Семинаріи; съ 31 августа того же года состоятъ редакторомъ журнала «Вѣра и Разумъ»; съ 14 іюня 1896 года состоятъ Предсѣдателемъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Инспекторъ Семинаріи, іеромонахъ Михайлъ (*Богдановъ*); кандидатъ богословія, имѣеть наперсный крестъ. 22 сентября 1888 года, по окончаніи курса въ Рязанской духовной семинаріи назначень на мѣсто псаломщика, 22 ноября 1892 г. рукоположенъ въ санъ священника, 5 декабря 1900 г., по окончаніи курса Казанской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ на должность законоучителя Порѣцкой учительской семинаріи, 13 іюля 1902 года принялъ монашество и 30 октября того же года перемѣщенъ на должность Инспектора Харьковской семинаріи.

Члены Правленія Семинаріи отъ Духовенства:

а) Священникъ Леонидъ Ивановичъ Твердохлѣбовъ, имѣеть камлавку и наперсный крестъ. Окончиль Киевскую Духовную Академію въ 1886 году со степенью кандидата, Членомъ Правленія Семинаріи состоятъ съ 1893 года.

б) Священникъ Петръ Григорьевичъ *Томинъ*, благочинный 2-го округа церквей г. Харькова, имѣеть камлавку и наперсный крестъ.

Окончилъ Кіевскую Духовную Академію въ 1891 году со степенью кандидата, Членомъ Правленія Семинарiв состоитъ съ 1896 года.

Преподаватели:

Св. Писанiя и еврейскаго языка—статскій совѣтникъ Валентинъ Тимофеевичъ *Леонтовичъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Владимира 4 ст.; въ 1865 году окончилъ курсъ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, 9 октября 1865 года опредѣленъ на должность преподавателя Св. Писанiя въ Харьковскую духовную семинарію.

Церковной исторiи, исторiи русской церкви и библейской исторiи—статскій совѣтникъ Алексѣй Ѳеодоровичъ *Вертеловскій*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст. По окончанiи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 21 iюня 1873 года преподавателемъ латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію, 5 декабря того же года перемѣщенъ на кафедру церковной исторiи.

Гражданской исторiи—статскій совѣтникъ Степанъ Николаевичъ *Пономаревъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончанiи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 17 iюня 1875 года смотрителемъ въ Новгородъ—Сѣверское духовное училище; 17 ноября 1876 года перемѣщенъ на должность смотрителя въ Харьковское духовное училище; 1 iюля 1878 года перемѣщенъ на должность преподавателя гражданской исторiи въ Харьковскую духовную семинарію.

Философiи, психологiи, логики и диалектики—статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ *Страховъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончанiи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 27 сентября 1876 года на должность преподавателя философiи, психологiи и педагогiи въ Харьковскую духовную семинарію; 14 октября 1896 года утвержденъ въ степени магистра богословiя.

Математики, физики и пascalii—статскій совѣтникъ Иванъ Вивторовичъ *Кудревичъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончанiи курса въ Харьковскомъ университетѣ по физико-математическому факультету со степенью кандидата, опредѣленъ 5 ноября 1878 г. на должность преподавателя физико-математическихъ наукъ въ Харьковскую

духовную семинарію; съ 15 августа 1887 г. состоитъ Секретаремъ Правленія Семинаріи.

Греческаго и нѣмецкаго языковъ—статскій совѣтникъ Семенъ Петровичъ *Томенко*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и св. Владимира 4 ст.; въ 1877 году окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи со степенью кандидата; 17-го февраля 1878 года опредѣленъ на должность преподавателя греческаго языка въ Харьковскую духовную семинарію; съ 18 сентября 1884 года состоитъ членомъ и дѣлопроизводителемъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Греческаго языка—статскій совѣтникъ Михайлъ Васильевичъ *Добронравовъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 1-го августа 1880 года преподавателемъ греческаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Словесности и исторіи русской литературы—статскій совѣтникъ Николай Сергѣевичъ *Протопоповъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст., по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 3 сентября 1884 года учителемъ латинскаго языка въ Московское Донское духовное училище; 14 марта 1887 года перемѣщенъ на должность учителя русскаго языка въ Звенигородское духовное училище; 3 декабря того же года опредѣленъ преподавателемъ въ Харьковскую духовную семинарію.

Исторіи и обличенія раскола и обличительнаго богословія—статскій совѣтникъ Іосифъ Клавдіевичъ *Корнѣенко*; имѣеть ордена Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 2 сентября 1887 года преподавателемъ въ Харьковскую духовную семинарію.

Латинскаго языка—статскій совѣтникъ Николай Васильевичъ *Гогинъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, состоялъ съ 14 октября 1887 года преподавателемъ русскаго языка въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; 6 іюня 1891 года назначенъ на должность преподавателя латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Богословія догматическаго, основнаго и нравственнаго—Павель Федоровичъ *Кратировъ*, надворный совѣтникъ; имѣеть орденъ Св.

Станислава 3 ст., по окончаніи курса въ Вологодской духовной семинаріи, 22 ноября 1891 года опредѣленъ на должность учителя образцовой школы грамоты въ г. Новочеркасскѣ, 10 іюля 1897 года по окончаніи курса въ Казанской духовной академіи, назначенъ на должность преподавателя греческаго языка въ Тульскую духовную семинарію; 26 сентятря 1902 года перемѣщенъ на должность преподавателя словесности въ Курскую семинарію, откуда 12 марта 1903 года переведенъ въ Харьковскую семинарію.

Латвискаго и французскаго языка—надворный совѣтникъ Василій Васильевичъ *Логиновъ*; имѣеть ордена: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст.; окончалъ курсъ въ Кіевской духовной академіи въ 1894 году со степенью кандидата; 29 іюня 1895 года опредѣленъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, 21 октября 1899 года перемѣщенъ на должность преподавателя той же семинаріи.

Гомилетвни, литургіи и правтческаго руководства для пастырей—коллежскій ассесоръ Сергій Ивановичъ *Чистосердовъ*; имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст., по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 18 ноября 1899 г. на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи; 13 декабря 1901 года перемѣщенъ на должность преподавателя той же семинаріи.

Учитель церковнаго пѣнія и музыки Николай Михайловичъ *Косинъ*; по окончаніи курса въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія, въ 1896 г. опредѣленъ на должность учителя церковнаго пѣнія въ Харьковскую духовную семинарію.

Помощники Инспектора Семинаріи:

а) Кандидатъ богословія Леонидъ Михайловичъ *Багрецовъ*; имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст., окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1898 году, опредѣленъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи 15 октября 1899 года.

б) Магистръ богословія Павелъ Митрофановичъ *Красинъ*; по окончаніи курсу въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 1 августа 1901 года на должность репетитора-надзирателя Харьковской духовной семинаріи; 13 декабря того же года назначенъ на должность помощника инспектора той же семинаріи.

в) Кандидатъ богословія Алексѣй Сергѣевичъ *Шараповъ*; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 16 августа 1905 года надзирателемъ Перервинскаго дух. училища, 1 января 1903 г. назначенъ на должность помощника инспектора Харьковской семинаріи.

г) Кандидатъ богословія Николай Владиміровичъ *Воскресенскій*; окончилъ въ 1904 году курсъ Московской духовной академіи, состоитъ въ настоящей должности съ 8 января 1905 года.

Духовникъ семинаріи священникъ Сергѣй Моисеевичъ *Посельскій*; имѣеть камилавку, по окончаніи курса въ Харьковской духовной семинаріи съ званіемъ студента, состоялъ съ 20 сентября 1887 года надзирателемъ Сумскаго духовнаго училища; 19 февраля 1895 года опредѣленъ на мѣсто священника въ село Краснополье, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской епархіи, откуда 21 сентября того же года перемѣщенъ въ село Павловки, Сумскаго уѣзда; 28 августа 1897 года опредѣленъ на должность духовника въ Харьковскую духовную семинарію и законоучителемъ образцовой школы при сей семинаріи.

Врачъ семинаріи, коллежскій совѣтникъ Василій Александровичъ *Рубинскій*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст., окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1872 году по медицинскому факультету со степенью лекаря; 14 января 1875 года опредѣленъ врачомъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ; 6 октября 1898 года опредѣленъ на должность врача при Харьковской духовной семинаріи.

Почетный блюститель по хозяйственной части семинаріи, Харьковскій 1-й гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Кирилловичъ *Велитченко*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.

Учители образцовой школы:

а) Діаконъ Михаилъ Алексѣевичъ *Орловъ*, по окончаніи курса въ Волчанской учительской семинаріи въ 1888 году, состоялъ учителемъ въ народныхъ школахъ; въ настоящей должности состоитъ 3 сентября 1904 года.

б) Михаилъ Феоктистовичъ *Помазановскій*, по окончаніи курса въ 1889 году въ Волчанской учительской семинаріи состоялъ учителемъ Терновскаго народнаго училища, откуда перемѣщенъ на настоящую должность 3 сентября 1904 года.

Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.

Смотритель училища, *Снегиревъ* Александръ Алексѣевичъ, статскій совѣтникъ, кандидатъ Казанской духовной академіи 1874 г., съ 11 іюля 1874 года преподаватель Харьковской духовной семинаріи; съ 5 ноября 1887 г. смотритель училища.

Преподаватели:

Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ II—IV классахъ *Евещкій* Иванъ Александровичъ, статскій совѣтникъ, кандидатъ Кіевской духовной академіи 1883 года; съ 23 декабря 1883 года преподаватель Черкаскаго духовнаго училища; съ 10-го августа 1884 г. преподаватель Харьковскаго духовнаго училища; со 2 го мая 1905 г. временно испр. обязан. помощника смотрителя училища.

Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ 1 классѣ *Пискаревъ* Николай Платоновичъ кандидатъ Московской духовной академіи съ 30 іюня 1902 года; съ 4 декабря 1904 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ и пѣнія при Харьковскомъ духовномъ училищѣ.

Латинскаго языка *Булаковъ* Иванъ Васильевичъ, надворный совѣтникъ, кандидатъ Московской духовной академіи 1895 года; съ 3 августа 1895 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ 1 класса Харьковскаго духовнаго училища; съ 27 августа 1899 года преподаватель латинскаго языка при томъ же училищѣ.

Греческаго языка *Марченко* Владиміръ Васильевичъ, надворный совѣтникъ, студентъ Харьковской духовной семинаріи 1879 года; съ 15 августа 1879 года надзиратель—репетиторъ Харьковскаго духовнаго училища; съ 2 октября 1880 года преподаватель греческаго языка Харьковскаго духовнаго училища.

Географія и арифметики *Пономаревъ* Василій Арсеньевичъ, статскій совѣтникъ, кандидатъ Кіевской духовной академіи 1883 г.; съ 23 октября 1883 года помощникъ инспектора Харьковской духовной Семинаріи; съ 1 августа 1894 г. преподаватель географіи и арифметики Харьковскаго духовнаго училища.

И. д. учителя приготовительнаго класса *Лихницкій* Иванъ Васильевичъ, надворный совѣтникъ, воспитаникъ Харьковской духовной семинаріи 1885 г., съ 14 сентября 1887 года надзиратель —

репетиторъ Харьковскаго духовнаго училища; съ 18 іюля 1891 г. в. д. учителя приготовительнаго класса при томъ же училищѣ.

Надзиратели:

IV класса *Чистосердовъ* Иванъ Ивановичъ, воспитанникъ семинаріи съ 15 августа 1903 года.

III класса *Архангельскій* Ілія Митрофановичъ студентъ семинаріи, съ 1 ноября 1902 года.

II класса *Лобковскій* Иванъ Васильевъ, надворный совѣтникъ, студентъ Харьковской духовной семинаріи, съ 1 августа 1890 г.

I класса *Макаровскій* Теодоръ Григорьевичъ, студентъ Харьковской духовной семинаріи, съ 1 сентября 1901 года.

Приготовительнаго класса *Шипенко* Николой Тимофеевичъ, воспитанникъ семинаріи, 15 августа 1903 года.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Куянскомъ духовномъ училищѣ за 1905 годъ.

1. Смотритель училища, статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ *Григоровичъ*. Имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст. Въ 1880 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи, со степенью кандидата, съ правомъ искать степени магистра, не подвергаясь новому устному испытанію. Въ томъ же 1880 г. онъ былъ преподаватель латинскаго языка въ Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1882 г. преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языка и словесности при Кіевскомъ училищѣ двѣдцѣ духовнаго званія. 1884 г. Смотритель Черкаскаго духовнаго училища. Въ 1888 г. членъ и казначей Черкаскаго уѣзднаго отдѣленія Кіевскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ 1893 г. смотритель Куянскаго духовнаго училища и членъ Куянскаго уѣзднаго отдѣленія, Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта; съ 1899 г. членъ школьной комиссіи при томъ-же отдѣленія; съ 1904 г. и. д. председателя при томъ-же отдѣленія.

2. Помощникъ смотрителя, статскій совѣтникъ Александръ Павловичъ *Малишевскій*, имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. Въ 1886 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи, со степенью кандидата. 1888 г. учитель русскаго языка въ Кутаисскомъ духовномъ училищѣ. 1890 г. Преподаватель литургики, гомилетики и практическаго руководства для пастырей.

въ Тифлисской духовной семинаріи. 1894 г. учитель ариѳметики и географіи въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. 1895 г. Помощникъ смотрителя Купянскаго духовнаго училища. 1897 г. членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіального училищнаго Совѣта.

3. Старшій учитель ариѳметики и географіи, статскій совѣтникъ Михаилъ Дмитріевичъ *Островидовъ*, имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст., Библию отъ Св. Синода выдаваемую и Св. Анны 3 ст. Въ 1884 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1884 г. преподаватель латинскаго языка Черкаскаго духовнаго училища. 1885 г. преподаватель русскаго языка въ старшихъ классахъ того же училища. 1885 г.—1889 г. членъ и дѣлопроизводитель училищнаго Правленія того же училища. 1886 г. преподаватель ариѳметики и географіи того же училища. 1889 г. преподаватель ариѳметики и географіи Ярославскаго духовнаго училища. Съ 1890 по 1896 г. преподавалъ гражданскую исторію въ Ярославскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. 1890 г. членъ отдѣленія по Ярославскому уѣзду епархіального училищнаго Совѣта. 1899 г. преподаватель ариѳметики и географіи Купянскаго духовнаго училища. Съ 1904 г. преподаетъ математику въ Купянской женской прогимназіи.

4. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1 классѣ, надворный совѣтникъ Иванъ Степановичъ *Гогинъ*, имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст. Въ 1889 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1889 г. надзиратель—репетиторъ 1-го класса Харьковскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ-же училищѣ. 1897 г. учитель русскаго языка въ 1 классѣ Купянскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ же училищѣ 1902 г. членъ—дѣлопроизводитель училищнаго Правленія.

5. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ старшихъ классахъ училища, кандидатъ богословія Василій Васильевичъ *Колокольниковъ*. Въ 1903 г. окончилъ курсъ въ Казанской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. Въ томъ-же 1903 г. учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ Купянскаго духовнаго училища.

6. Учитель греческаго языка, кандидатъ богословія Михаилъ Теоріевичъ *Ульянчикій*. Въ 1901 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1902 г. учитель греческаго языка Купянскаго духовнаго училища.

7. Учитель латинскаго языка, коллежскій совѣтникъ Николай Яковлевичъ *Александровъ*, имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст. Въ 1894 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1895 г. учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ во II, III и IV классахъ Купянскаго духовнаго училища. 1903 г. учитель латинскаго языка въ томъ-же училищѣ.

8. Учитель приготовительнаго класса, надворный совѣтникъ Георгій Ѳедотовичъ *Доповъ*, имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст. Въ 1890 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, удостоенъ званія студента и опредѣленъ надзирателемъ-репетиторомъ въ Купянское духовное училище. 1894 г. учитель приготовительнаго класса того-же училища. 1895 г. учитель чистописанія того-же училища. 1896 г. членъ—дѣлопроизводитель Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта. 1898 г. членъ школьной комиссіи при томъ же отдѣленіи.

9. Надзиратель-репетиторъ IV класса, надворный совѣтникъ Ѳедоръ Александровичъ *Евсикій*, имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст. Въ 1891 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи. 1893 г. надзиратель—репетиторъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

10. Надзиратель—репетиторъ 3 класса, священникъ Сергій Михайловичъ *Дубровинъ*. Въ 1902 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1902 г. надзиратель—репетиторъ Сумскаго духовнаго училища. Въ 1903 г. рукоположенъ во священника и опредѣленъ въ село Рѣчки Сумскаго уѣзда. 1905 г. надзиратель—репетиторъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

11. Надзиратель—репетиторъ 2 класса надворный совѣтникъ Иванъ Трифоновичъ *Бушукій*. Въ 1887 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1888 г. надзиратель—репетиторъ Сумскаго духовнаго училища. 1903 г. надзиратель—репетиторъ Купянскаго духовнаго училища.

12. Надзиратель—репетиторъ I класса, надворный совѣтникъ Петръ Алексѣевичъ *Таранскій*, имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст. Въ 1879 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1880 г. надзиратель—репетиторъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

13. Надзиратель—репетиторъ приготовительнаго класса, надворный совѣтникъ Виссаріонъ Ивановичъ *Смирнскій*. Въ 1891 г.

окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, удостоенъ званія студента и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Купянское духовное училище.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1904—1905 учебный годъ.

Смотритель училища, протоіерей Аркадій Θεодоровичъ *Грузовъ*, кандидатъ богословія, имѣеть орденъ: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст., наперсный крестъ, камилавку, серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III и знакъ Краснаго Креста. По окончаніи курса наукъ въ Московской духовной академіи въ 1876 г. со степенью кандидата богословія и правомъ искать степени магистра, не подвергаясь устному испытанію, состоялъ преподавателемъ исторіи въ Московскомъ Комиссаровскомъ техническомъ училищѣ (1876—1886 г.), исторіи, географіи и педагогикѣ въ Александро-Маріинскомъ и Маріинскомъ женскихъ училищахъ въ Москвѣ, вѣдомства Императрицы Маріи (1875—1890 г.). Въ 1890 году рукоположенъ во священника-настоятеля Вознесенской сл. Песокъ церкви, при г. Изюмѣ; съ 24-го іюня 1892 г. назначенъ смотрителемъ училища.

Помощникъ смотрителя, священникъ Іаковъ Прокофьевичъ *Матусевичъ*, кандидатъ богословія, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст., серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III и фіолетовую скуфью; окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1892 г., 21 октября 1893 г. назначенъ учителемъ церковно-приходской школы въ с. Витошижѣ, Волынской губ.; 12 марта 1894 г. опредѣленъ на должность надзирателя въ Мѣлекское духовное училище, 1 августа 1894 г. перемѣщенъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи; съ 3 сентября 1899 г. проходилъ должность законоучителя въ Харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ, 31 января 1901 года назначенъ на настоящую должность.

Преподаватели:

1. Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ, кандидатъ богословія Феодоръ Феодоровичъ *Горайнъ*; по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата богословія и правомъ искать степень магистра, не подвергаясь новому устному испытанію, назначенъ 3 октября 1902

года учителемъ Сумскаго духовнаго училища; съ 4 іюля 1903 года по 30 марта 1905 года состоялъ членомъ Правленія училища.

2. Старшій учитель—учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1 классѣ, надворный совѣтникъ Владиміръ Васильевичъ *Сукачевъ*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1880 году окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 9 ноябля 1880 г.—учитель латинскаго языка въ Ахтырскомъ, нынѣ Сумскомъ духовномъ училищѣ; 19 августа 1885 г. преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ.

3. Греческаго яз. надворный совѣтникъ, кандидатъ богословія Алексѣй Михайловичъ *Литкевичъ*. Окончилъ курсъ ученія въ Московской духовной академіи въ 1897 г., съ 15 августа 1898 г. состоялъ въ должноств надзирателя-репетитора Харьковской духовной семинаріи; 12 сентября 1899 г. назначенъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища.

4. Латинскаго языка—кандидатъ богословія Александръ Григорьевичъ *Дьяковъ*. Окончилъ курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи въ 1897 г., съ 14 сентября 1899 г. состоялъ на должности надзирателя-репетитора Харьковскаго духовнаго училища; съ 1 сентября 1901 года состоитъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища.

5. Арифметики и географіи (по 18 февраля 1905 г.)—надв. совѣтникъ Николай Михайловичъ *Гальковский*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст., по окончаніи курса въ Московской духовной академіи въ 1895 г. со степенью кандидата богословія, назначенъ учителемъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ Сумскаго духовнаго училища; съ 19 сентября 1902 г.—учитель арифметики и географіи при томъ же училищѣ. Со 2-го марта 1896 г. по 4 іюля 1903 г. состоялъ членомъ Правленія училища. 18 февраля 1905 года назначенъ преподавателемъ Сумской Александровской гимназіи.

6. Церковнаго пѣнія (онъ же надзиратель-репетиторъ 3 класса и письмоводитель Правленія училища) окончившій курсъ семинаріи Павелъ Кирьяловичъ *Карповъ*. По окончаніи въ 1902 году курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи по 2 разряду, 1 сентября того же года опредѣленъ на настоящую должность.

7. Приготовительнаго класса (онъ же учитель музыки) надв. сов. Василій Васильевичъ *Цокровский*, имѣеть орденъ св. Стани-

слава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III; въ 1886 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 10 февраля 1886 г.—надзиратель-репетиторъ Ахтырскаго, нынѣ Сумскаго духовнаго училища, 5 августа того же года опредѣленъ учителемъ приготовительнаго класса.

Надзиратели-репетиторы училища:

4 класса студентъ семинаріи, надв. сов. Сергѣй Яковлевичъ *Сушиновъ*, вмѣстѣ ордень св. Станислава 3 ст. Окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи въ 1893 г., въ настоящей должности съ 10 марта 1894 года.

2 класса студентъ семинаріи Леонидъ Дмитриевичъ *Лазаревъ*. По окончаніи въ 1903 г. курса Харьковской духовной семинаріи, 1 сентября того же года опредѣленъ на настоящую должность.

1 класса студентъ семинаріи Георгій Ивановичъ *Ястремскій*. По окончаніи въ 1903 г. курса Харьковской духовной семинаріи, 20 сентября того же года опредѣленъ на настоящую должность.

Приготовительнаго класса окончившій курсъ ученія по 2 разряду Иванъ Николаевичъ *Булгаковъ*. Окончилъ курсъ ученія въ Курской духовной семинаріи въ 1903 году и перваго сентября того же года допущенъ къ исправленію должности надзирателя-репетитора при училищѣ.

II.

Содержаніе. II. Мысли и чувства духовнаго пастыря въ день его хиротоніи. *Священника Дмитрія Ромашкова*.—Два слова на „критику“ г. К. Д. *Боголюбова*.—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія.—Крестный ходъ.—Эскурсія воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища въ Москву.—Иноепархіальный отдѣлъ. О сборахъ въ церквахъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Къ вопросу объ отлученіи графа Л. Н. Толстого.—Объявленія.

Мысли и чувства духовнаго пастыря въ день его хиротоніи.

„Прими залогъ сей, и сохрани его цѣль и невредимъ до послѣдняго твоего издыханія, о немже имаша истязанъ быти во второе и страшное пришествіе великаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа“.

Не знаю почему, вѣроятно по внушенію свыше, пришли мнѣ на память нынѣ, ровно чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ посвященія моего въ санъ священства, эти слова, которыя говоритъ

архіерей каждому новорукоположенному священнику за божественной литургіей, въ самый важный моментъ ея, именно послѣ пресуществленія Св. Даровъ, при врученіи ему одной частицы оныхъ. Какія важныя и знаменительныя слова! Но останавливаемъ-ли на нихъ, какъ можно чаще, вниманіе своего ума и сердца мы, пастыри Церкви? Къ сожалѣнію, нужно сказать, нѣтъ! Не всегда они у насъ на умѣ и не всегда въ сердцѣ. А между тѣмъ они по содержанію своему стоятъ того, чтобы мы не только останавливали на нихъ свой умъ и сердце, но и воплощали ихъ всецѣло въ своей жизни. Для того, чтобы каждый пастырь могъ ясно себѣ представить все величіе той минуты, когда говорятся ему отъ лица св. Церкви эти знаменательныя и трогательныя слова, для этого пусть мысленно воспроизведетъ онъ въ себѣ картину собственнаго посвященія со всѣми ея мельчайшими подробностями.

Вотъ наступаетъ день посвященія пастыря, день во всякомъ случаѣ радостный и единственный по силѣ религіознаго впечатлѣнія, получаемого имъ тогда. Приготовившись къ этому дню, какъ слѣдуетъ, онъ отправляется въ тотъ храмъ, гдѣ будетъ совершена хиротонія. Съ какимъ радостнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трепетнымъ чувствомъ онъ ждетъ момента своей хиротоніи! Вотъ пріѣзжаетъ архіерей, его рукопологатель, съ которымъ у него съ этого времени завязывается не одно внѣшне-формальное отношеніе, какъ подчиненнаго служителя къ своему начальнику, а также внутренно-сердечная связь съ нимъ, какъ съ отцомъ роднымъ, рождающимъ его въ иную жизнь, жизнь духовную и святую. По облаченіи святителя Божія въ одежды, свойственныя его сану и величію, посреди храма, на виду всѣхъ предстоящихъ и молящихся мірянъ,—облаченіи, въ которомъ, между прочимъ, принимаетъ также участіе и рукополагаемый, начинается сперва чтеніе часовъ—эта приготовительная часть литургіи, а затѣмъ и самая Божественная литургія—эта, можно сказать, живая картина или, иначе, цѣлый рядъ картицъ въ лицахъ и дѣйствіяхъ священнослужителей, воспроизводящихъ собою всю земную жизнь Спасителя.

Чѣмъ ближе подходитъ время посвященія лица, получающаго санъ священства, тѣмъ съ большимъ замираніемъ сердца оно

ждеть его. Вотъ уже пропѣли „Херувимскую пѣснь“, въ которой изображается, что „Царь всѣхъ“, Господь Богъ Вседержитель, „невидимо доруносится ангельскими чинами“. Все болѣе и болѣе близится моментъ посвященія. Вотъ сейчасъ оно должно совершиться. Соедѣмъ замеръ и какъ бы въ одѣпеневіи находится духъ у посвящаемаго. Какъ бы связанный по рукамъ и по ногамъ, идетъ онъ съ покрытой воздухомъ головой и становится за амвономъ, посреди храма, въ ожиданіи благодати хиротоніи. Вотъ, наконецъ, и хиротонія, совершающаяся всегда болѣе или менѣе торжественнымъ образомъ, какъ это и подобаетъ важному таинству церковному, совершающаяся при троекратномъ обхожденіи рукополагаемаго вокругъ престола и при пѣвнн положенныхъ на этотъ случай стихирь.

Наступаетъ самый важный моментъ хиротоніи пастырской. Это именно— возложеніе рукъ архіерея на главу посвящаемаго и чтеніе надъ нимъ тайной молитвы, въ которой испрашивается ему благодать отъ Господа, при чемъ посвящаемый стоитъ колѣнопреклоненный предъ Престоломъ Божиимъ. Вотъ совершилось уже и облаченіе рукоположеннаго въ свойственные его сану одежды, и онъ, облеченный въ одежду священства, въ „одежду веселія“ (Ис. 61, 10) духовнаго, становится по правую сторону престола, вмѣстѣ съ прочими пастырями, сослужащими архіерею за литургіей,—становится какъ ученикъ духовный, обрученный невѣстѣ Христовой—Церкви, чистый и благолѣпный, весь сіяющій неземною радостію. Какъ все теперь спокойно стало въ его душѣ! Нѣтъ уже болѣе въ немъ волнепій, разстраивающихъ его душу. Нѣтъ этой суеты и тревоги, которая мѣшала ему до сихъ поръ. Теперь въ немъ одна сосредоточенность въ себѣ. Стоя предъ Престоломъ Божиимъ, на которомъ совершаются великія и страшныя тайны, онъ внимательно слѣдитъ по книжкѣ—служебнику, врученной ему послѣ посвященія, за дальнѣйшимъ ходомъ литургіи и припимаетъ, конечно, горячее молитвенное участіе въ совершеніи ея. Въ первый разъ шепчуть уста его эту предварительную предъ освященіемъ св. Даровъ молитву „Господи, Иже пресвятаго Твоего Духа“... Вотъ на его глазахъ совершилось. благодатію Св. Духа невидимымъ и чудеснымъ

образомъ, пресуществленіе принесенныхъ даровъ—этихъ хлѣба и вина—въ истинное Тѣло и въ истинную Кровь Христову. Вмѣстѣ съ архіеремъ и другими священнослужителями онъ падаетъ ницъ, воздавая тѣмъ самымъ благоговѣйное поклоненіе предъ величіемъ Господа.

По окончаніи положенныхъ при этомъ молитвъ архіерей приближается къ дискосу, беретъ Св. Агнецъ въ руки и отдѣляетъ отъ него одну частицу, которую и вручаетъ новоручко-положенному пастырю съ произнесеніемъ слѣдующихъ словъ: „прими залогъ сей, и сохрани его цѣль и невредимъ до послѣдняго твоего издыханія, о немже имаши истязанъ быти во второе и страшное пришествіе великаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“. Опять приходитъ въ нѣкоторое смущеніе духъ пастыря, при слыханіи этихъ словъ и при видѣ у себя на дланяхъ Тѣла Христова. Опять начинается внутри его борьба и смѣна чувствъ: и радостныхъ, и трепетныхъ.

Но и внѣшнія чувства не остаются у него въ это время въ покоѣ. Изъ этихъ чувствъ два особенно чувства развиты бываютъ въ немъ: чувство зрѣнія и чувство осязанія. Глядя на данную ему частицу Св. Даровъ, онъ нѣсколько минутъ услаждаетъ свой взоръ, услаждаетъ его лицезрѣніемъ Самаго Спасителя Бога подъ видомъ хлѣба, пресуществленнаго въ истинное Тѣло Христово, въ то Тѣло, Которое нѣкогда родилось на землѣ отъ Приснодѣвы Маріи, Которое возростало и питалось здѣсь, между прочимъ, „рыбою и сотовымъ медомъ“ (Лук. XXIV, 41—43), Которое страдало, переносило побои и заушенія отъ враговъ, Которое умерло на крестѣ, было погребено въ землю, воскресло и вознеслось со славою на небо. О, блаженное чувство зрѣнія! Наслаждайся же, наслаждайся имъ, пастырь Церкви, вдоволь, наслаждайся имъ всегда, пока у тебя смотрятъ эти очи тѣлесныя, данныя, между прочимъ, для того, чтобы зрѣть ими „красоту святаго селенія славы Господней“ въ храмѣ Его. А какая другая земная красота можетъ сравниться съ этою, по истинѣ, небесною красотою? „Въ храмѣ славы Божіа „стояще, на небеси стояти мнимъ“, по выраженію св. Церкви. Господь по виду Своему, какъ говоритъ пророкъ Исаія, „паче сыновъ Человѣческихъ“ (Ис. 52, 14).

А иное чувство, испытываемое въ это время пастыремъ, именно чувство осязанія Господа, развѣ оно не улаживаетъ также его ума и сердца? Да, улаживаетъ! Улаживаетъ до того, что онъ сравниваетъ себя въ эти блаженныя минуты своей жизни съ св. Симеономъ Богопріимцемъ, который удостоился передъ смертію своею видѣть Младенца Іисуса, взять Его въ свои старческія руки, воскликнуть изъ глубины души: „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“,—или же сравниваетъ себя съ св. Апостоломъ Ѳомою, удостоившимся осязанія прободенныхъ ребръ Господа, послѣ того какъ Онъ явился ему спустя восемь дней по Воскресеніи Своемъ, и воскликнувшимъ точно также отъ избытка радостныхъ и трепетныхъ чувствъ: „Господь мой и Богъ мой“ (Іоан. XX, 26—28). О, какое это опять, по-истинѣ, блаженное чувство осязанія!..

Но это чувство блаженства, восторга, радости духовной смѣняется, какъ мы сказали, въ душѣ пастыря чувствомъ страха и трепета отъ сознанія своихъ грѣховъ, вообще, отъ сознанія своего недостойства. Зная, что блаженствомъ лицезрѣнія и осязанія Господа наслаждаться вполне могутъ только одни чистые душой и тѣломъ, пастырь Церкви, при мысли о своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, „помышляя множество содѣянныхъ лютыхъ“ въ жизни своей и „трепеща страшнаго дна суднаго“, имѣющаго бытъ „во второе и страшное пришествіе великаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“, шепчетъ въ это время устами своими покаянный псаломъ Давидовъ: „помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое“. Уже не одинъ разъ онъ повторилъ эти слова псалма Давидова, а длани его все держатъ на себѣ Пречистое тѣло Христово, а очи его все устремлены на это Тѣло. И неразстался бы онъ никогда съ этою драгоценною ношею, не оторвался бы онъ никогда отъ этого улаждающаго взора, приковавшаго теперь все его вниманіе...

Но наступаетъ моментъ, когда онъ долженъ разстаться на время съ „этимъ залогомъ“ для того, чтобы, наряду съ прочими священнослужителями, приступить къ трапезѣ Господней

и принять отъ руки архіерея залогъ себѣ какъ бы вторично. Правда, этотъ залогъ въ этотъ разъ не будетъ сохраненъ имъ въ цѣлости и невредимости: ибо онъ будетъ сейчасъ съ благоговѣніемъ потребленъ новорукоположеннымъ пастыремъ, и онъ—этотъ залогъ—„пройдетъ во уды“ пастыря, „во вся составы“ его, „во утробу, въ сердце, попалятъ терніе всѣхъ его прегрѣшеній, душу очиститъ, освятитъ помышленія, составы утвердитъ съ костями вкупѣ, чувствъ просвѣтитъ простую пастерицу“ (3-я мол. по причащ.), однимъ словомъ, „очиститъ“ его „отъ всякой скверны плоти и духа“ (2 Кор. VII, 1). Но, несмотря на это, въ ушахъ пастыря все еще звучатъ поразившія его въ первый разъ, слова архіерейскія: „прими залогъ сей, и сохрани его цѣлъ и невредимъ до послѣдняго твоего издыханія“. И становится ему ясно, что здѣсь разумѣется собственно не этотъ, видимый имъ теперь чувственными очами и какъ бы временный залогъ духовный, а тотъ, невидимый и вѣчный залогъ пастырства въ Церкви Христовой, созданной Самимъ Пастыреначальникомъ на землѣ для спасенія всего человѣчества.

Какъ же пастырь долженъ принять этотъ залогъ? Какъ долженъ сохранить его цѣлымъ и невредимымъ до послѣдняго своего издыханія?—Онъ долженъ сохранить его такимъ, прежде всего, въ своихъ чувствахъ, а затѣмъ, конечно, и въ своей жизни, во всей своей пастырской дѣятельности, направленной ко благу пасомыхъ имъ людей. Въ своемъ христіански просвѣщенномъ умѣ и сердцѣ онъ долженъ имѣть постоянно возгрѣтыми чувства вѣры и любви ко Господу и надежды на Него Единого. Вѣра въ Господа Спасителя должна быть у пастыря всегда живая и горячая, простая и дѣтски-довѣрчивая, любовь должна быть у него сильная и пламенная, наподобіе огня серафимской любви, окружающей Престоль Божій на небѣ, надежда—твердая и непоколебимая до готовности положить душу свою за Пастыреначальника—Христа. Такъ, чувства вѣры, любви и надежды христіанской должны охватывать и проникать все существо духовнаго пастыря, обнаруживаясь, конечно, и во внѣшней его жизнедѣятельности. Вотъ въ чемъ, собственно говоря, состоитъ залогъ пастыря Церкви,

на который обращается особенное вниманіе его въ день его хиротоніи! И вотъ какой залогъ онъ долженъ непременно сохранить въ себѣ цѣлымъ и невредимымъ до послѣдняго своего вздыханія! Радость и счастье для тѣхъ пастырей, которые умѣютъ сохранить до конца жизни этотъ духовный залогъ, на которомъ основывается истинное пастырство. Но горе и несчастіе для тѣхъ изъ нихъ, которые растрачиваютъ его скоро въ жизни или которые перемѣняютъ его на какой-либо другой залогъ. Пусть подумаютъ они при этомъ, что изъ-за этого залога, торжественно врученнаго имъ въ день ихъ посвященія, они „имутъ истязани быти во второе и страшное пришествіе великаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“.

Пастыри Христовой Церкви и соработники на нивѣ Христовой! Къ вамъ мое сердечное братское слово. Мы живемъ въ такое тревожное время, что оно не можетъ не служить нѣкотораго рода *знаменіемъ* и для насъ. „Будемъ же бодрствовать, стоять въ вѣрѣ; будемъ мужественны, тверды; все у насъ да будетъ съ любовію“ (1 Кор. XVI, 13—14). „Богъ же всякія благодати, призавшій насъ въ вѣчную славу свою во Христѣ Іисусѣ, Самъ да совершитъ насъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да содѣлаетъ непоколебимыми. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь“ (1 Петр. V, 10—11).

Священникъ Димитрій Ромашковъ.

1905 года. Января 25 дня.

Два слова на „критику“ г. К. *)

Въ 11 № Вѣры и Разума помѣщена статейка г. К. о только что отпечатанномъ „Противощундистскомъ Катихизисѣ“ Преосв. Алексія.—Извѣстіе отрадное, такъ какъ отъ Преосвященнаго автора можно ожидать цѣнныхъ литературныхъ работъ.

*) Помѣщая библиографическую замѣтку г. К. о противощундистскомъ катихизисѣ Преосвященнаго Алексія, мы слишкомъ далеки были отъ мысли набрасывать какую либо неблагоприятную тѣнь на дѣльный и весьма благовременный трудъ Д. И. Боголюбова подъ заглавіемъ: „Православный противосектантскій катихизисъ“, изданный имъ еще нѣсколько лѣтъ тому, прежде. Свой вполне одобрительный взглядъ на его катихизисъ мы неоднократно высказывали ему лично, когда онъ состоялъ еще сотрудникомъ нашего журнала и Харьковскимъ епархіальнымъ

Къ сожалѣнію г. К. не уяснилъ что собственно *новаго и характернаго* далъ нашей полемикѣ съ сектантами помянутый катихизисъ. Объемъ же его (214 стр. + введеніе) показываетъ, что это—не *популярно-народное* изданіе, доступное по цѣвѣ рядовому крестьянину и школьнику.

Въ виду этого изложенный нами „Правосл. противосект. катихизисъ“ остается по прежнему *единственнымъ* въ своемъ родѣ общедоступнымъ изданіемъ, въ какомъ смыслѣ онъ принять самой жизнью,—о чемъ между прочимъ говорить то обстоятельство, что нашъ катихизисъ съ начала 1905 г. вывѣлъ 3-мъ изд.

Но г. К.,—правда небрежно и мимоходомъ,—отрицаетъ значеніе нашей работы. Онъ пишетъ, что изложенный нами катихизисъ „не свободенъ отъ крупныхъ ошибокъ и натяжекъ“ и слишкомъ „элементаренъ“.

Такой *бездоказательный* приговоръ вообще то силы не имѣетъ; но мы не можемъ пройти его молчаніемъ: наше литературное дѣтище дорого намъ само по себѣ; оно же разошлось по Россіи не мепѣ, какъ въ 12000 экз.

Правда, оно постепенно улучшалось въ изложеніи и не сразу получило тотъ видъ, какой имѣетъ въ 3 изд. и о которомъ г. К., къ сожалѣнію, понятія не имѣетъ. Если теперь справедливъ приговоръ г. К., то дѣло наше положительно *преступно*. По его суду, мы разносимъ по міру земли русской „крупныя ошибки и натяжки“, т. е. понижаемъ въ народѣ уровень миссіонерскихъ познаній,—а чемъ до сихъ не говорила намъ литературная критика.

Понятно само собой, что отъ такого приговора г. К. мы приходимъ въ волненіе. И вотъ ради дорогого намъ дѣла противосект. миссіи въ народѣ,—въ виду того, что катихизисъ нашъ широко распространенъ и въ Харьк. Епархіи,—мы про-

миссіонеромъ. При печатаніи же библиографической замѣтки г. К. мы руководились, съ одной стороны, желаніемъ обратить вниманіе нашихъ читателей на новый трудъ Преосвященнаго Алексія, извѣстнаго у насъ дѣятеля въ миссіонерской области, а съ другой—мы раздѣляли и раздѣляемъ то общепринятое убѣжденіе, что „столкновеніе мнѣній ведетъ къ выясненію истины“. Полагаемъ, что послѣдней цѣли мы достигаемъ или достигнемъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, уважаемый Д. И. Боголюбовъ не можетъ видѣть ничего обиднаго для себя. Ред.

симъ г. К. на стр. „В. и Р.“ указать, какія именно „крупныя ошибки и натяжки“ содержатся въ *последнемъ* изданіи нашего катихизиса, чтобы для пользы дѣла мы могли ихъ устранить изъ своего изданія?

Если г. К. не удовлетворитъ нашему желанію, мы будемъ думать, что въ своемъ отзывѣ онъ говорилъ неправду, подводя съ нами свои *личные* счеты по Харькову и по полемикѣ въ „Мис. Обзор“. Тогда и поступокъ г. К. въ нашихъ глазахъ не будетъ имѣть свойства *порядочной* критики...

Д. Боголюбовъ.

Архіерейскія богослуженія.

Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ воскресенье, 19 іюня, совершилъ литургію въ Кафедральномъ Успенскомъ соборѣ. Это было первое богослуженіе Владыки въ Харьковскомъ Кафедральномъ храмѣ, послѣ выздоровленія,—хотя и прежде этого онъ уже совершалъ литургію въ Озерянскомъ храмѣ Покровскаго монастыря, а затѣмъ—осветилъ для богослуженія новоустроенную небольшую, но изящную церковь въ мѣстѣ своего лѣтняго пребыванія, въ Всѣхсвятскомъ. Харьковцы, привывшіе къ благолѣпному архіерейскому служенію, съ радостію встрѣтили своего выздоровѣвшаго Владыку, въ ихъ Кафедральномъ храмѣ,—присутствуя при благоговѣйномъ и умилительномъ архіерейскомъ служеніи. Храмъ былъ переполненъ молящимися.

— Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій 26 іюня въ воскресенье соблаговоилъ служить литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

Крестный ходъ.

Обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій отрадный фактъ среди харьковскихъ рабочихъ. Икона Озернянской Божіей Матери, перевозимая обыкновенно 15-го іюня изъ Куряжа на мѣсто явленія въ с. Озерянку, Мерефянской волости, въ этомъ году, по просьбѣ

фабричныхъ рабочихъ, была перевезена 13-го іюня на будянскую фабрику М. С. Кузнецова, для поклоненія, отсюда 15-го чудотворный образъ торжественно перенесенъ служащими, рабочими и жителями въ с. Мерефу. Въ крестномъ ходѣ принимали участіе пѣвчіе фабрики и оркестръ военной музыки. Въ Мерефѣ образъ пробылъ до 16-го, а затѣмъ послѣ литургіи прибылъ въ Озерянку и здѣсь оставался до 28-го іюня, а 28-го возвратился въ Куряжскій монастырь.

Экспедиція воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища въ Москву.

Воспитанники Сумскаго духовнаго училища 4-го класса въ числѣ 15 лицъ съ благословенія и разрѣшенія Преосвященнаго Алексія, Епископа Сумскаго, по примѣру прежнихъ лѣтъ, подъ руководствомъ трехъ воспитателей предприняли паломничество въ Москву—поклониться нетлѣннымъ мощамъ Святителей Московскихъ и осмотрѣть достопримѣчательности Первопрестольной столицы. Управленіе Харьковско-Николаевской жел. дор. любезно предоставило экскурсантамъ отдѣльный вагонъ III кл. на все время путешествія въ Москву. Выѣхали изъ Сумъ 24 мая, и по прибытіи въ Москву были приняты о. намѣстникомъ Чудова монастыря архимандритомъ Арсеніемъ и Синодальнымъ ризничимъ архимандритомъ Борисомъ, которые весьма любезно оказывали намъ возможное содѣйствіе въ квартирѣ и столѣ. Благодаря содѣйствію и руководству этихъ досточтимыхъ лицъ, память о которыхъ никогда не изгладится изъ нашихъ благодарныхъ сердецъ, мы осмотрѣли все, что было возможно и доступно. Осмотръ Москвы начали съ Кремля—этого величайшаго историческаго памятника Россіи, съ которымъ связано много воспоминаній, дорогихъ для сердца каждаго истинно-русскаго человѣка. Прежде всего осматривали Успенскій соборъ, гдѣ коронуются наши Государи. Въ немъ почиваютъ мощи Святителей и Чудотворцевъ Московскихъ Петра, Іоанн, Филиппа; здѣсь же находятся гробницы двухъ патріарховъ русскіихъ—Гермогена, замученнаго поляками, и Филарета—отца Михаила Ѳеодоровича, перваго Государа изъ дома Романовыхъ. Въ этомъ же соборѣ есть древнее царское и патріаршее мѣсто, гдѣ стояли во время богослуженія цари и патріархи. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ Успенскаго находятся Архангелскій соборъ, служившій усыпальницей всѣхъ великихъ князей и царей русскіихъ до Петра Великаго; здѣсь же находится серебряная рака съ мощами царевича Дмитрія. Напротивъ находится третій со-

боръ—Благовѣщенскій, который примыкаетъ къ Большому Кремлевскому дворцу. Вблизи этихъ соборовъ находится Чудовъ монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. митрополита Алексія. Въ этомъ монастырѣ—богатая ризница, въ которой хранится евангеліе, переведенное съ греческаго и собственноручно написано св. Алексіемъ; крышки этого евангелія сплошь увязаны жемчугомъ. Другая цѣнность—это священническое облаченіе, все увязанное жемчугомъ, принесенное монастырю въ даръ Императрицей Александрой Ѳеодоровной въ память рожденія Наслѣдника Алексѣя Николаевича. Здѣсь же находится гробница злодѣйски убитаго въ Кремлѣ Великаго Князя Сергія Александровича. Возлѣ Кремлевскихъ соборовъ величественно высится колокольня Ивана Великаго, (46¹/₂ саж.), у основанія которой лежитъ царь-колоколъ въ 12000 пуд. вѣсу. Съ этой колокольни, какъ съ птичьяго полета, открывается видъ на весь городъ съ зеленѣющими бульварами, множествомъ церквей и грандіозныхъ строеній, съ садами и рощами на окраинахъ и лѣнтой Москвы—рѣчки. Красота и величіе открывающагося съ колокольни вида вполне вознаграждаютъ за трудность подъема. Около Успенскаго собора находятся еще двѣ церкви: одна во имя двѣнадцати Апостоловъ, при которой—мироваренная палата, гдѣ совершается торжественное приготовленіе св. мира. Другая церковь во имя Митр. Филиппа, прв ней—Патріаршая Синодальная ризница, заключающая въ себѣ много драгоценныхъ облачений Московскихъ патріарховъ, священныхъ предметовъ, церковной утвари, а также замѣчательный историческій памятникъ—перстень, подаренный св. митр. Алексію ханомъ Чанибеккомъ въ благодарность за чудесное исцѣленіе супруга его отъ слѣпоты.

Осмотрѣвши подробно Кремлевскіе соборы и приложившись къ мощамъ Святителей Московскихъ, мы перешли къ осмотру другихъ достопримѣчательностей Кремля. Среди памятниковъ старины особенно выдѣляется и поражаетъ своимъ величіемъ новый Большой Кремлевскій дворецъ съ знаменитымъ Краснымъ крыльцомъ, по ступенямъ котораго шествуютъ Государи въ Успенскій соборъ для священнаго коронованія. Этотъ дворецъ внутри отдѣланъ и убранъ очень богато. Первый залъ—Георгіевскій, самый большой. Залъ весь обѣшанъ со сводами на 18 колонахъ; на стѣнахъ—мраморныя доски съ фамиліями Георгіевскихъ кавалеровъ. За Георгіевскимъ слѣдуютъ Александровская и Андреевская тронная залы, также поражающія своимъ великолѣпіемъ и размѣрами. Изъ этого дворца незамѣтный переходъ въ Теремный дворецъ, въ которомъ заключается масса интереснаго. Низкіе своды палатъ, старинная

живопись на стѣнахъ, обстановка, полумракъ—все это невольно уноситъ посетителя за много вѣковъ назадъ. Рядомъ съ Теремнымъ дворцомъ помѣщается Грановитая палата; эта палата замѣчательна по историческимъ воспоминаваніямъ съ нею связаннымъ. Изъ дворцовъ мы перешли въ Оружейную палату, которая съ давнихъ временъ служила хранилищемъ рѣдкостей и драгоценностей. Сюда вошли наследственные богатства царей, военные трофеи, подарки иностранныхъ государей и подношенія городовъ. Особенно приковываютъ къ себѣ вниманіе своими богатствами коронная и серебряная залы: въ первой хранятся царственные шапки и короны, украшенныя драгоценными камнями (здѣсь хранится шапка Мономаха), а также скипетры, державы, жезлы и троны царей, коронаціонное платье государей и государынь. Во второй залѣ собрана старинная серебряная посуда русской и иностранной работы.

Въ Кремлѣ же противъ Николаевского дворца находится двинный памятникъ Императору Александру II, торжественно открытый въ 1898 г. На большой каменной площадкѣ построена галерея въ видѣ буквы П; въ срединѣ высокая сѣнь въ видѣ башни, подъ сѣнью превосходная бронзовая статуя Государя. Съ галереи открываются превосходные виды на Замоскворѣчье. Осматривая святыни и достопримѣчательности Кремля, путешественникъ проникается чувствомъ глубокаго благоговѣнія и удивленія ко всему виденному и тогда невольно приходятъ на умъ слѣдующія слова поэта Майкова: „Благоговѣніемъ душа моя объята, и все мнѣ говорить: сіе есть мѣсто свято“. Изъ Кремля для дальнѣйшаго осмотра Москвы мы выходимъ чрезъ Спасскія ворота съ обнаженною головою, такъ какъ и до нынѣ строго соблюдается всеми этотъ древній обычай—проходить чрезъ эти ворота съ непокрытою головою. Выйдя изъ воротъ, мы видимъ на срединѣ Красной площади, обращенный лицомъ къ Кремлю, вылитый изъ бронзы массивный памятникъ Минину и Пажарскому, спасшимъ Москву и отечество отъ поляковъ въ годъ бѣдствій. Правѣе памятника на той же площади находится церковь Василя Блаженнаго, построенная при Юванѣ Грозномъ въ память взятія Казани. Соборъ этотъ одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ образчиковъ русскаго искусства; онъ представляетъ собой загадку, до сихъ поръ неразгаданную въ исторіи нашей архитектуры. Дальше мы перешли къ осмотру храма Христа Спасителя, величественнѣйшаго памятника, построеннаго въ память избавленія отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языковъ въ 1812 году. Храмъ этотъ служитъ религіозно-историче-

скимъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ потомству о заступничествѣ Божественнаго Провидѣнія за русскій народъ, и о славныхъ дѣлахъ предковъ; поэтому все въ этомъ храмѣ—памятникѣ какъ снаружи, такъ и внутри служить выраженіемъ этой главной мысли. Весь въ цѣломъ храмъ,—полный свѣта и золота, есть достойный памятникъ величайшаго событія. Свѣтлая память объ отечественной войнѣ, о доблестныхъ ратникахъ, о Божьемъ покровительствѣ нашему отечеству въ тяжкую годину будетъ вѣчно жить подъ сводами этого дивнаго храма и изъ рода въ родъ воспитывать въ сердцахъ грядущихъ поколѣній русскаго народа духъ доблести и безпредѣльной любви къ отечеству. Къ числу памятниковъ отечественной старины, которые пришлось намъ осмотрѣть, относится домъ бояръ Романовыхъ. Этотъ домъ представляетъ точный образецъ древне-боярскаго жилища, и внутренняя обстановка его строго согласована съ историческими указаніями. Затѣмъ мы приступили къ осмотру различныхъ музеевъ. а) Императорскій историческій музей, находящійся у Иверскихъ воротъ, представляетъ ту выдающуюся особенность, что украшенія каждой изъ залъ (всѣхъ 11) сдѣланы въ стилѣ той эпохи, предметы которой въ ней собраны, начиная съ каменнаго вѣка и кончая христіанскимъ различныхъ періодовъ. б) Публичный Румянцевскій музей на Знаменѣ представляетъ изъ себя нѣсколько отдѣленій, среди которыхъ замѣчательны отдѣленія русской и иностранной этнографіи и картинная галлерей, заключающая въ себѣ картины лучшихъ мастеровъ какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ.

с) Городская художественная галлерей братьевъ Третьяковыхъ заключаетъ въ себѣ единственное по размѣрамъ во всей Европѣ частное собраніе картинъ, принадлежащихъ почти исключительно кисти лучшихъ русскихъ художниковъ, начиная съ Екатерининскихъ временъ.

Послѣ осмотра музеевъ, мы посѣтили Ботаническій и Зоологическій сады: въ первомъ находятся рѣдкія деревья, цвѣтники, оранжереи и пр., а во второмъ—хищныя звѣри, птицы, пресмыкающіяся животныя и разныя рыбы. Осмотръ Москвы мы закончили поѣздкой на Воробьевы горы, откуда открывается чудный видъ на весь городъ, широко раскинувшійся на горизонтѣ и прорѣзываемый, какъ-бы голубой лентой, Москвой—рѣкой. Этотъ волшебный видъ глубоко запечатлѣлся въ юныхъ сердцахъ путешественниковъ и на всю жизнь останется въ ихъ памяти.

Каждый русскій человекъ, бывшій въ Москвѣ, считаетъ священнымъ долгомъ побывать въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, которая счи-

тается русской народной святыней, и поклоняться мощамъ Преподобнаго Сергія, славному покровителю и заступнику нашей родины. Эта Лавра расположена въ 60 вер. отъ Москвы по Ярославской дорогѣ. Простившись съ Матушкой-Москвой, мы отправились въ эту святую обитель. По прїѣздѣ туда мы первымъ долгомъ побывали и осмотрѣли главный храмъ въ честь Пресвятыя Троицы, въ которомъ почиваютъ мощи Преп. Сергія въ серебряной ракѣ, иконостасъ и царскія врата этого храма отдѣланы серебромъ. Здѣсь юные паломники отслужили молебень у мощей Преп. Сергія и сами принимали участіе въ пѣніи. Затѣмъ была показана намъ богатѣйшая монастырская ризница, въ которой хранятся много предметовъ, принадлежавшихъ Преп. Сергію, затѣмъ множество цѣнной странной утвари, дорогихъ облаченій, покрововъ и тому под. Въ Троицкой Лаврѣ помѣщается и Духовная Академія, которую мы тоже подробно осмотрѣли, благодаря любезному разрѣшенію Инспекціи. На другой день прибытія въ Лавру мы ѣздили осматривать Черняговскій, Геесманскій и Виоанскій скиты, расположенные въ весьма живописной мѣстности. Этими юные экскурсанты закончили свое паломничество по святымъ мѣстамъ, и каждый изъ нихъ возвратился домой послѣ этой глубоко-назидательной поѣздки, полный патріотическихъ и религіозныхъ думъ и впечатлѣній. И думается сколько среди паломниковъ будетъ прїятныхъ воспоминаній и разговоровъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ о златоглавой Москвѣ, древней столицѣ, хранительницѣ русскихъ преданій и завѣтовъ, о ея святыхъ, безчисленныхъ древнихъ памятникахъ и тому под..

Надзиратель Оумскаго духовнаго училища О. Сушкова.

Иноепархіальный отдѣлъ.

О сборахъ въ церквахъ.

Давно сказано: *audiatur et altera pars*. На этомъ основаніи проводимъ сужденія о. Л. Преображенскаго о церковныхъ сборахъ. Въ послѣднее время, говоритъ онъ, часто стали появляться въ періодической печати духовной и свѣтской сужденія и сѣтованія противъ сборовъ въ церквахъ. Тутъ говорится, что сборы въ церквахъ очень многочисленны, особенно увеличились въ настоящее время, церкви производятъ сборы на всевозможныя благотворительныя общества, на устройство храмовъ и др., что сборами въ

церквахъ нарушается тишина и молятивное настроеніе молящихся, такъ какъ выше сборы совершаются прямо послѣ чтенія евангелія; что почти каждому сбору предшествуетъ чтеніе батюшкой воззванія, брошюры или поученія, присланныхъ предупредительнымъ обществамъ для этой цѣли, изъ-за чего вѣтъ возможности связать священнику въ храмѣ живое слово, а молящимся послушать его; что сборы вліяютъ на уменьшеніе церковной доходности, что сборы возбуждаютъ ропотъ въ жертвователяхъ и не всегда достигаютъ, по разнымъ причинамъ, мѣста своего назначенія.

Разсмотримъ же по порядку, насколько справедливы эти сужденія и сѣтованія.

Что сборовъ по церквамъ очень много и особенно они увеличались въ послѣднее время, это всякому извѣстно, но мы думаемъ что отъ этого еще нечего приходить въ негодованіе, если вспомнимъ исторію христіанства. Извѣстно, что съ самаго начала христіанства, во времена апостоловъ при каждой церкви учреждалось и благотворительное общество, куда сносились благочестивыхъ людей пожертвованія, а отсюда уже расходовались на вспоможеніе своимъ членамъ церкви, нуждающимся въ помощи, а потомъ по мѣрѣ средствъ и постороннимъ церквамъ и обществамъ ближнимъ и дальнимъ, которыя впадали въ нужду и просили помощи. Такъ было при св. апостолахъ, такъ продолжалось при ихъ преемникахъ и дошло до нашего времени. Значитъ сборы въ церквахъ не недавнее нововведеніе, а обычай освященный вѣками, только развѣ измѣнилась самая форма сборовъ. И нынѣ есть и вновь открываются при церквахъ попечительства и братства, но они заботятся только объ удовлетвореніи нуждъ своего храма и прихода, для оказанія же помощи постороннимъ храмамъ и ближнимъ нашимъ приходится приглашать своихъ прихожанъ къ пожертвованію, что и дѣлается въ храмахъ за богослуженіями, когда особенно располагается душа вѣрующахъ къ дѣламъ милосердія.

Трагующіе о нарушеніи сборами тишины и молятивнаго настроенія молящихся въ храмѣ, какъ будто забываютъ, что собираетъ же церковный староста за богослуженіями. А ужъ если разъ ходить староста по храму между богомольцами для сбора на нужды своего храма, а это обычай, кажется, повсемѣстный и тѣмъ нарушаетъ тишину и благоговѣйное стояніе, то немного къ этому прибавится, когда за нимъ пройдетъ еще сборщикъ, приглашающій къ пожертвованію на нужды какого-либо благотворительнаго общества. Только надо благоразумно избрать время сбора за богослуженіями, думать, самое удобное будетъ обходить богомольцевъ съ блюдами и кружками въ концѣ каждаго богослуженія.

Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что будто чтеніе воззваній, брошюръ и поученій предъ сборами лишаетъ священника сказать слушателямъ живое слово. Въ самомъ дѣлѣ, что такое воззванія благотворительныхъ обществъ, брошюры и поученія, какъ не живое слово приглашающее православныхъ христіанъ къ пожертво-

ванію на дѣла милосердія! Вѣдь и свои поученія приходится говорить по большей части на тему о любви къ ближнимъ; этой добродѣтели особенно часто училъ и Спаситель, ее настойчиво проповѣдывали и св. апостолы. Но допустимъ, что у священника есть объ чемъ кромѣ дѣлъ благотворенія говорить со своими прихожанами въ храмѣ, то для этого всегда можно избрать время, вѣдь не каждый праздникъ и воскресенье бываютъ сборы на благотворительныя общества. Еще лучше будетъ, если брошюры прочитывать за недѣлю передъ сборомъ на релігіозно-нравственныхъ собесѣдованіяхъ, онѣ постоянно заранее присылаются, тогда-бы священнику для своихъ поученій въ храмѣ былъ просторъ, проповѣдуй кто о чемъ желаетъ и находитъ нужнымъ.

Едва-ли такъ же сборы на благотворительныя учрежденія вліяютъ и на уменьшеніе церковной доходности. Вѣдь жертва бываетъ добровольная, а не вынужденная, кто что можетъ, тотъ столько и подаетъ, при этомъ конечно подають сначала впереди идущему старостѣ на нужды своего храма, а потомъ уже и прочимъ сборщикамъ. И если случится, что кто-либо уменьшитъ подаваніе старостѣ изъ-за сборщиковъ, то отъ этого въ негодованіе приходятъ совсѣмъ не стоятъ, потому что очень мало свой храмъ потеряетъ и то "малое пойдетъ на доброе дѣло.

Что касается ропота на сборы въ церквахъ жертвователей, то это совсѣмъ неправда: большая часть прихожанъ съ усердіемъ дѣлятся своими недостатками на дѣла благотворенія. Издревле заведено у православныхъ христіанъ, помолясь Богу въ храмѣ, пожертвовавъ, что можно, на нужды его, подѣлиться тутъ же и съ нищими, которые и до нашихъ дней считаютъ самымъ обильнымъ сборомъ сборъ при церквахъ, отчего большею частію тутъ и стоятъ въ продолженіе всѣхъ богослуженій. Изъ сего выходятъ только то, что если нищія, о которыхъ нишется и говорится, какъ о тупендакахъ, обратившихъ попрошайничество въ ремесло, находятъ себѣ благотворителей, то тѣмъ болѣе эти же благотворители не откажутъ въ своей лептѣ и пожертвуютъ безъ всякаго ропота на благотворительныя общества, о которыхъ ничего кромѣ хорошаго не слыхали. Вотъ вопросы о томъ, достигаютъ-ли жертвуемыя суммы до мѣста назначенія, дѣйствительно предлагаются священникамъ. Тутъ совсѣмъ втупиакъ станешь, потому что никакихъ доказательствъ не можешь представить въ свое оправданіе. Деньги собранныя въ храмѣ обыкновенно отсылаются о. благочинному, но отъ него на принятую сумму ни росписокъ, ни квитанцій намъ не выдается, которыми бы вполне можно было урезонить спрашивающихъ. Слѣдовало бы на это обратить вниманіе начальству и вмѣнить въ обязанность о.о. благочиннымъ выдавать росписки церквамъ на каждую сумму, принятую отъ нихъ.

Итакъ изъ всего сказаннаго ясенъ выводъ такой, что сборы въ церквахъ на благотворительныя общества не нововведеніе; ни церквамъ, ни жертвователямъ они ущерба не приносятъ, а слѣдовательно, напрасны по этому поводу негодованія и сѣтованія кого-бы то ни было.

Свящ. Лавръ Преображенскій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ вопросу объ отлученіи графа Л. Н. Толстого.

По словамъ „Прав. Соб.“ (см. май 1905 г.) снова поднять вопросъ объ отлученіи графа Л. Толстого. Передается слухъ, вѣдущій яко бы изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ, что, въ виду объявленія релігіозной свободы, въ высшихъ духовныхъ сферахъ, по инициативѣ Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія, явилась будто бы мысль о снятіи съ графа церковнаго отлученія. Этотъ слухъ, по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ никакого довѣрія. Снятіе церковнаго отлученія съ графа было бы равносильно присоединенію его къ церкви, объявленію его вѣрнымъ сыномъ православія, при явно-антицерковномъ направленіи его мыслей и убѣжденій. Можетъ быть, дѣло идетъ только о новомъ пересмотрѣ самаго акта отлученія и перенесенія его на судъ соборной власти іерарховъ и лицъ, компетентныхъ въ области православнаго богословія. Съ такой редакціей слуховъ вполне можно помириться. Дѣйствительно, отлученіе графа, состоявшееся при участіи только 3—4 русскихъ іерарховъ, безъ каноническаго подтвержденія его голосомъ всей церкви, цѣлымъ соборомъ іерарховъ и лицъ, компетентныхъ въ области православнаго богословія, представляется актомъ, не имѣющимъ за собой безусловнаго авторитета и соборно-канонической санкціи. Кроме того, принимая на вѣру подобныя слухи о снятіи отлученія, не нужно забывать, что свобода вѣроисповѣданія, объявленная въ указѣ 17 апрѣля, не предѣлываетъ ее ipso свободнаго безразличія со стороны господствующей церкви въ дѣлахъ релігіозной вѣры. Различныя пловѣрцы, раскольники, сектанты, католики, протестанты и т. д., даже послѣ раскрѣпощенія ихъ совѣсти и уравненія ихъ гражданскихъ и общественныхъ правъ съ послѣдователями православія, все равно съ церковно-канонической точки зрѣнія остаются внѣ ограды церковной, заблудшими овцами стада Христова. Да и обратное „закрѣпощеніе“ графа за церковь, безъ всякаго съ его стороны желанія, не будетъ ли тогда актомъ насиія, нарушеніемъ только-что объявленныхъ правъ релігіозной свободы?

О ВЪ Я В Л Е Н І Я .

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ Н. Н. СТРАХОВА.

(Харьковъ, Духовная Семинарія):

Руководство къ обученію грамотѣ . . . цѣна 40 к.
Грамотка—Перенка (букварь). „ 20 „

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“; „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Самла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія моназма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матеріалъ, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. И. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. И. Страхова.—„Этика и религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фунлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, пьесы, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.